

Жила-была
старушка
в зеленых
башмаках...

Annotation

Увлекательная, смешная и трогательная история о приключениях трех старушек-подружек адресована всем, перед тем так или иначе встает вопрос о собственной старости. Она помогает разобраться в себе и обрести надежду, Автор убедительно показывает, что поговорка «старость — не радость» не верна, если сердца чисты, вера горяча, а дружба крепко спаяна годами.

- [Юлия Вознесенская](#)
 - [История первая Этот дивный день рождения](#)
 - [История вторая](#)
 - [История третья](#)
 - [История четвертая](#)
 - [История пятая](#)
 - [История шестая](#)
 - [История седьмая](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
-

Юлия Вознесенская

**Жила-была старушка в зеленых
башмаках...**

История первая Этот дивный день рождения

В семьдесят пятый день рожденья, под самое утро Агнии Львовне Пчелинцевой был ниспослан чудесный сон. Снилось ей, будто лежит она на летнем лугу, дышит теплыми запахами разнотравья и смотрит бездумно в глубокое синее небо, а над головой у нее колышутся ромашки да маки, васильки да лютики, плотные белые щитки тысячелистника и малиновые шапочки клевера. Потом вдруг на чистое небо набежала серая тучка с темным брюшком, и на запрокинутое лицо Агнии Львовны упали первые капли летнего дождя. И от ласкового этого дождика Агния Львовна проснулась, сожалея об уходящем дивном сне. Но... сон покидал ее как-то странно — фрагментами: ни луга, ни синего неба с тучкой посередине уже, конечно, не было, а вот запах цветов остался; под головой у нее была любимая подушка, но теплый дождик все так же продолжал капать ей на лицо. Она почувствовала в этом некоторую... несообразность, что ли, удивилась и проснулась окончательно. И открыла глаза. Над ее головой колыхались цветы! Правда, это были уже не маки и ромашки, васильки да лютики, а разноцветные осенние астры и между ними — три большие белые хризантемы. А на лицо ее падали капли с мокрого букета.

Агния Львовна отвела цветы от лица и увидела за ними довольные лица своих подружек и соседок, Варвары Симеоновны Комиссаровой и Лики Казимировны Ленартович, Варежки и Лики. Варежка держала букет, слегка им помахивая, а у Лики в руках был поднос, на котором стояли парадные фарфоровые чашки Агнии Львовны, синие с золотом, Ломоносовского завода, серебряный кофейник и тарелочка с печеньем «Курабье татарское». Увидев, что Агния Львовна открыла глаза, Варвара Симеоновна бросила мокрый букет на подушку рядом с ее головой, достала из кармана халата открытку и торжественно объявила:

— Ода на день рождения Агнии Пчелинцевой! Автор Ангелина Ленартович, читает Варвара Комиссарова! — И с выражением прочитала:

*Восстань, внемли, о Львова дочь!
Уже стучатся гости в дверь,
Уже рассвет, уже цветы!
Но их пока не видишь ты,
Поскольку спишь без задних ног.
А день рожденья на порог
Меж тем вступил, и ждут друзья —
И долго их томить нельзя,
Ведь кофе стынет.
Поднимись, Протри глаза и оглянись!
«Восстань и виждь!» — сказал пророк,
Он лучше выдумать не мог.*

Окончив чтение, Варвара решительно отодвинула к стене подушку вместе с букетом и головой Агнии Львовны, чтобы освободить в изголовье кровати место для самой обширной части своей фигуры, и уселась, переводя дух. Худенькая Лика Казимировна деликатно, по-кошачьи, примостилась в ногах виновницы торжества, пристроив поднос у нее на животе — она устала его держать. Тут же на постель с ликующим лаем взлетел Танька, песик Лики Казимировны (полное имя Титаник, порода йоркширский терьер, характер восторженно-истерический). Шелковистые черно-рыжие космы Таньки-Титаника на макушке были собраны в пучок красным бантиком в белый горошек — в честь праздника. Хитрый пес, быстро виляя мохнатым хвостиком, начал деловито разгребать одеяло в ногах Агнии Львовны с таким озабоченным видом, будто у него где-то там была зарыта вкусная косточка или любимая резиновая игрушка, а не то чтобы ему просто захотелось понежиться под теплым нагретым одеялом, как могли бы подумать некоторые чересчур сообразительные люди. В конце концов, он таки приподнял одеяло, развернулся, протолкнул под него округлый лохматый зад, а затем протиснул в теплую пещерку и все свое тельце, оставив снаружи только бантик, хитрые глазенки да черный нос.

— Титаник! А совесть? — строго спросила его Варвара. Но пес сразу же отвернулся в другую сторону: не вижу, не слышу, и совести никакой у меня тоже нет — какая может быть у собаки совесть?

— Да оставь ты его, Варешка, пускай понежится! — смеясь, сказала Агния Львовна. — Уж сегодня-то можно. А вам спасибо, мои дорогие! Но, может быть, я все-таки встану и мы перейдем за стол?

— Ни в коем случае! — отрезала Варвара. — По протоколу ты сегодня должна пить кофе в постели, как аристократка.

— Вот именно! — поддержала ее Лика. — Скажи, Агуня, часто тебе случалось пить кофе в постели?

— Стучалось, и не раз! Подруги переглянулись.

— Это когда же? — недоверчиво спросила Варвара.

— Да в больницах же, глупые! В прошлом году, например, когда лежала с радикулитом...

— Скучная ты старуха, Агния! Разве ж такое кофепитие подразумевалось? Ты вот скажи прямо: муж твой покойный тебе часто кофе в постель подавал?

— Честно говоря, девочки, я такого не припоминаю...

— А вот мы — подаем! Так пей же и будь признательна и счастлива.

— Я вам весьма признательна и благодарна, но кофе я пить не стану, вы уж меня простите, милые!

— Это еще почему?! — возмутилась Варвара. — Чем это тебе наш кофе не угодил или «Курабье татарское»?

— Да потому, что я сейчас поднимусь, реанимируюсь и отправлюсь в храм на литургию и там буду причащаться. А вы сами пейте, пейте! Чего ж добру остывать?

— Мы, значит, начнем праздник; в твою честь, а ты будешь на нас взирать, утопая в цветах, как... как... — начала было Лика, но, споткнувшись о сомнительное сравнение, умолкла.

— Как Офелия! — выручила подругу Варвара, подняла с подушки букет и одним широким взмахом разбросала астры по всей кровати. — Предупредить не могла?

— Простите, я как-то не подумала... Да разве же я могла предусмотреть такое торжественное пробуждение? Да вы пейте, не стесняйтесь, девочки! А я на вас погляжу и порадуюсь.

«Девочки» стесняться не стали. Подняв свои чашки, они чокнулись и запели дуэтом: Варвара переходящим в бас контральто, а Лика трогательным, чуть надтреснутым сопрано:

С днем рожденья тебя!

С днем рожденья тебя!
С днем рожденья, Агунюшка,
С днем рожденья тебя!

После этого подружки немедленно начали торжественное кофепитие, а виновница торжества с улыбкой поглядывала на них, собирая разбросанные по постели астры и хризантемы обратно в букет.

— Гостей у тебя вечером много будет? — спросила Варвара.

— Только семья и вы.

— Слышишь, Ангелина? Семья и мы. Семья — отдельно, мы — отдельно. Так что мы с тобой, выходит, ей не семья!

— Это она оговорилась, Варешка!

— Хорошенькие оговорочки в день рождения! — пожалала полными плечами Варвара.

— Ну простите, девочки, согрешила я, не подумавши! Конечно, конечно же, вы — тоже семья! Может быть, теперь уже самая близкая часть моей семьи. Сколько же лет мы тут вместе живем, а, милые? Я с самого детства, и ты тоже, Варенька. А вот Лика поселилась в нашем доме позже, но сразу же пошла с нами в один класс, хоть и была старше нас на год.

— Была и осталась, — резонно заметила Варвара.

— Могла бы не напоминать в такой день! — сказала Лика.

— Больше не буду, прости, старушка!

— Вот — опять!

— Успокойся, Ликуня, ты не выглядишь старше нас ни на один день! — сказала Агния. — Лика, а ты в какой класс к нам поступила, в четвертый или в пятый?

— В четвертый, по-моему. Вы обе еще так удивились, когда узнали, что я не только с вами учиться в одном классе стану, но и живу в одном доме с вами и на одной площадке. Ревновали ко мне друг дружку... А вот Варенька не только тут родилась, но и все ее предки тоже здесь жили. Так что, можно сказать, мы все живем в твоём родовом гнезде, Варешка! С детства прожить в одном и том же доме, в доме своих предков, никуда не переезжая, — это мало кому удастся в наше беспокойное время. Ну да и я уже тут старожилка, можно сказать. Наверное, тут мы и помрем все трое, каждая в свой срок... А

лучше бы вместе! Да нет, я, пожалуй, хотела бы уйти из жизни первой, чтобы не тосковать по вам.

— Хорошенькую ты нашла темку для размышлений в день рожденья! — фыркнула Варвара.

— Ой, правда, что это я? Не надо, не надо о грустном, девочки! — сказала Лика и даже ручка ми замахала.

А ведь тут и вправду мое родовое гнездо, вернее, его уголок, — вздохнув, сказала Варвара. — Вы-то знаете, что этот дом построил еще мой прадед. А другие соседи и не догадывались, нам таиться приходилось... Конечно, в стародавние годы семья наша жила не во флигеле, а в угловом бельэтаже и занимала весь этаж: шесть окон на Кузнечный и восемь — на Коломенскую. Тогда номеров не было, и дом наш назывался просто — «дом дворянина Комиссарова».

— А все-таки странная фамилия для русского дворянина, — заметила Агния Львовна.

— Да ничего странного! Комиссарами назывались офицеры, ведавшие снабжением в царской армии, — сказала Варвара. — Полезная и уважаемая должность, в отличие от комиссаров прошло го века, и фамилия наша была уважаемая. Но и потом именно фамилия эта не раз помогала нашему семейству выжить после революции.

— Верно, ведь большевистские комиссары и понятия не имели, кто такие были царские комиссары! — засмеялась Агния Львовна.

— Откуда ж им было знать! — фыркнула Варвара.

Тему развивать не стали, поскольку биографии друг дружки все трое знали досконально.

— К столу у тебя все приготовлено или что-то еще стряпать будешь сегодня? — спросила Варвара.

— А я ничего особенного готовить и не собираюсь. Холодец в холодильнике, его только выложить и украсить, а салат приготовлю перед самым приходом гостей.

— А горячее будет?

— Будет. Картошка с солеными или маринованными грибами. Картошку тоже перед гостями надо почистить и поставить. А грибы куплю готовые на рынке.

— Что ж так скромно? — удивилась Варвара.

— А день-то постный, среда! Да и не хочется после храма в кухонную суету окунаться. Куплю на рынке побольше хороших и

разных закусок — вот и будет стол как стол.

— Если хочешь, мы с Варенькой можем что-нибудь приготовить и картошку заранее почистить. Пусть постоит до вечера в воде с капелькой лимонного сока, чтобы не темнела, а потом раз — и на плиту!

— Это было бы чудесно, спасибо вам, девочки! Варенька, а ты не купишь к столу бутылку вина в гастрономе на Лиговке? У меня по пути не будет приличных магазинов с винным отделом.

— Одну?

— Одну. Артемий, как всегда, принесет бутылку шампанского, так что одной бутылки нам вполне хватит.

— Ладно. Так я кагор куплю?

— Купи кагор, если будет.

— Ну так картошку мы чистить начнем прямо сейчас, как тебя в церковь отправим, — сказала Лика, — а то нам с Танечкой после обеда к ветеринару на прием идти.

— Так и не жрет морковку? — спросила Вар вара.

— Нет. Я уж ее и в молоке, и в курином бульоне отваривала — все равно нос воротит!

— Собака!

— Это ты, Варешка, ругаешься на него или?.. — подозрительно спросила Лика.

— Нет, это я тебе, дурище, поясняю: собака — она собака и есть и не должна морковку есть...

— Ой. У тебя стишок получился! Можно скрасть, Варешка?

— Кради! — великодушно разрешила Варвара. Тут же Лика достала из кармана записную книжку с привязанным к ней карандашиком и стала записывать, диктуя сама себе вслух: Хороший пес — он пес и есть, Не должен он морковку есть, Ведь он собака, а не кролик...

Тут она остановилась и призадумалась.

— Какая рифма к кролику?

— Алкоголик! — подсказала Варвара басом.

— Не годится. Я сочиняю стишок для детей, а не басню для взрослых. Впрочем, можно сочинить и поучительные стихи:

Мой пес собака, а не кролик,

Но ест морковку он от коллик!..

— Удачный стишок получился, а, девочки?

— Это не стишок, а какой-то слоган для собачьего доктора. Можешь продать своему ветеринару для плаката, а деньги — пополам! — сказала Варвара.

— Как это — деньги пополам с ветеринаром?

— Да не с ветеринаром, а со мной пополам: первая-то часть стишка моя или нет? То-то! Но ты, Лика, все-таки перестань пичкать несчастного Титаника тем, что он не любит. Собака тоже человек!

— Но если ему врач прописал?!

— Дурак твой врач, собачьей души не понимает. Смени его.

— Ты думаешь, Варежка? Но...

— Да нет, шучу я. Твой врач — тебе и решать.

— Это Танечкин врач, а не мой! — слегка обиделась Лика.

— Девочки, не спорьте, не омрачайте мой день рождения! Лучше давайте подумаем, что мне еще нужно к столу?

— Пирог печь будешь? — спросила Лика. — На день рождения обязательно полагается пирог.

— Разумные современные люди чаще обходятся тортиками, — заметила Варвара и погладила себя по толстому животу.

— А что? Тортик — это мысль! Но пирог все-таки будет: моя Наталья обещала испечь и принести. У нее сейчас новое увлечение — кулинария.

— Ну-ну... Если она и в кулинарии проявляет свою недюжинную фантазию, то сомневаюсь, что этот пирог можно будет есть.

— Варежка, ты к ней несправедлива! — возмутилась Агния.

— Ты хочешь сказать, что фантазия твоей Наташки имеет пределы?

— Ну нет! Фантазия ее границ, конечно, не имеет, но все-таки она старается помогать матери по хозяйству, учится готовить...

— Тогда молчи и на всякий случай купи еще и торт. Вреда не будет! Гости не справятся — мы доедим.

— Ну, торт я так и так собиралась купить.

— Сегодня среда! — быстро сказала Лика.

— Ну и что, что среда? — не поняла Варвара.

— День постный, — пояснила Агния Львовна. — Так она же не постится! Это у нас с тобой постный день, а у нее, еретицы, скоромный, как всегда.

— Лика хочет сказать, что торт надо купить фруктовый.

— А, ее любимый! Ну, хорошо, купи фруктовый. А что из закусок?

— Для нас — рыбки хорошей, а остальным придется купить ветчины и колбаски.

— Балуеть ты их, — нахмурилась Варвара. — Балуеть и распускаешь!

— Да нет, это я нас балую, девочки! Хорошая рыбка куда дороже всяких там колбас.

— А я бы сказала своим детям: «Сегодня пост — закусывайте постным!»

— Вот потому дети от тебя и уехали, и забрались подальше в Альпы, что ты их в строгости держала, — съязвила Лика Казимировна: сын и невестка Варвары Симеоновны и ее два внука уже несколько лет жили в Баварии — у сына там была важная работа.

— А у тебя их нет ни в Альпах, ни в Пиренеях, ни даже в Андах!

— Так ведь я и замужем не была — откуда у меня могут быть дети?

— Никто не хотел брал такую кокетку, вот ты у нас в девицах и осталась.

— Ну да, девица я! А разве в этом есть что-нибудь предосудительное?

— Если и есть — теперь-ка не исправишь, моя милая!

— Девочки, не ссорьтесь! — зевая, сказала Агния Львовна и сладко потянулась. — И встаньте-ка обе с моей постели — я буду подыматься.

— Ой, Варешка! А подарок-то! — закричала, всплеснув руками, Лика Казимировна. — Про подарок мы и забыли, а сейчас ведь самое время его вручать!

— Не забыли, тут он. — Варвара Симеоновна, кряхтя, присела на корточки, пошарила под кроватью, извлекла оттуда и выставила на прикроватный коврик пару новеньких зеленых велюровых домашних туфель. — Дорогая Агния, вот тебе подарок на день рожденья, домашние туфли: левая — от Лики, правая — от меня!

— Почему это от тебя — правая? — возмутилась Лика. — Может быть, как раз...

Девочки, не ссорь... — начала было Агния Львовна, примеряя туфли. — Ой, девочки, милые! Какие же они удобные и как раз мне по ноге! И косточки ничуть не жмет, и в подъеме в самый раз... Ну просто не туфли, а две колыбельки для ног! Спасибо вам, дорогие мои, вот угодили так угодили!

— Слава Богу! Носи на здоровье, — пробасила Варвара — Носить тебе не сносить до самой смерти.

— Что ты такое говоришь, Варежка! — ужаснулась Лика. — Да Агунюшка наша до смерти еще пять... нет, семь пар таких сносит!

— Да я не о смерти, а о качестве. Ты взгляни на марку, Агния!

— «Лондон». Да неужто и впрямь английские?

— Похоже на то. Если это бренд, а не фейк.

— Что-что? — не поняла Агния Львовна и с подо зрением поглядела на свою продвинутую подругу.

— «Бренд» — это родная фирма, а «фейк» — базарная подделка под нее. Дешевка то есть.

— Все-то ты знаешь, Варежка! — уважительно пропела Лика.

— Но они же, наверно, страшно дорогие? — предположила Агния Львовна, любуясь своими зелеными ножками.

— Да уж не китайское барахло какое-нибудь! Знаешь, сколько мы их искали?

— Она меня замучила, — пожаловалась Лика. — Заставляла примерять, а для этого мне надо было таскать с собой вязаные носки и каждый раз их надевать — по два на каждую ногу, чтобы не ошибиться в размере — у тебя же нога и больше на два размера, и гораздо шире! — У Лики Казими ровны была необыкновенно маленькая ножка, прямо детская, чем она как начала гордиться в отрочестве, так и продолжала по сей день.

Агния Львовна прошлась по комнате и остановилась перед зеркальным шкафом, с восторгом оглядывая зеленые туфли теперь уже в зеркале.

— И каблук имеется, и кантик кожаный... Знаете, мои милые, я, пожалуй, попробую в них ходить по улице: у меня уже сто лет не было такой удобной обуви! А дома можно и в старых тапочках походить, я их хорошо разносила.

— Да ты что, Агуня! — ужаснулась Лика. — Мы потому и решили подарить тебе домашние туф ли, что на твои старые уже

больно смотреть!

— А эти-то не разлезутся, если ходить в них по улице? — засомневалась Варвара.

— Это английские-то? Не должны! — успокоила ее Агния Львовна.

— Ну, смотри, кума, тебе ходить! — сказала Варвара, вставая. — Все, Лика, пошли! Забирай посуду к себе и помой там, а я цветы поставлю в воду и тоже пойду. Агнии еще правило читать. Ты во Владимирский идешь или на подворье, Агуня?

— На подворье.

— В такой торжественный день можно было бы причаститься и во Владимирском соборе!

— Ну, уж так сложилось...

* * *

Через час с небольшим Агния Львовна вышла из дверей флигеля. Погода на дворе была не ясная и даже не сказать чтобы солнечная, но какая-то уютная и приветливая, как это бывает в середине сентября: солнце просвечивало сквозь высокие перистые облака, сея в воздухе золотистую дымку. Прошел дождь, и от росшего под их окнами тополя уже по-осеннему пахло мокрой листвой, хотя об летать старик еще и не думал.

Под тополем стояла скамейка, чудесным образом уцелевшая в годы перестройки: никто из грабителей городского коммунального имущества ее не заметил, не позарился и не упер, чтобы продать каким-нибудь новым русским в их, извините за выражение, поместья. Дело было в том, что скамейку берегли, даже, можно сказать, охраняли, причем в теплое время года днем и ночью. А скамья была хороша — длинная, прочная, с удобно изогнутой спинкой, на массивных львиных лапах. Чудо, а не скамейка! Б прошлые годы подруги часто выходили ли вечерком посидеть на ней под тополем, сидели и беседовали часами; теперь же они только присаживались на скамью, когда возвращались домой усталые, чтобы передохнуть перед подъемом на свой второй этаж, — скамья им больше не принадлежала, на ней обитала, можно даже сказать, имела постоянное место

жительства, небольшая общинка местных бомжей. Сколько бомжей входило в эту «общину», не знали не только жители двора, но даже и местный участковый: в разное время по-разному.

Иногда их было всего трое, а порой и человек до семи собиралось: летом — больше, зимой — меньше. Но постоянных было именно трое. Вот и сейчас посреди скамьи сидел бомж по имени Василь-Ваныч, человек пожилой и с виду бывалый; ходили слухи, что судьба его сломалась, когда он попал в заключение по какому-то случайному делу, но толком никто ничего не знал: просто он однажды зашел во двор на Кузнечном, да так тут и остался. Справа от него сидел бомж-интеллигент по имени Иннокентий, вида вполне профессорского, только катастрофически поношенного, а слева рыжий полубомж по кличке Гербалайф, неопределенного облика и возраста: летом он выглядел как пробивной парнишка с преждевременно состарившимся лицом, а зимой превращался в старика с молодыми хитрющими глазками.

— Доброе утро, уважаемая Агния Львовна! — сказал Иннокентий и слегка привстал со скамейки, Василь-Ваныч просто кивнул, а Гербалайф за улыбался щербатым ртом — у него не хватало двух передних зубов.

— Доброе утро, молодые люди! Не промокли ночью? — поинтересовалась Агния Львовна. — Дождь был сильный, я слышала сквозь сон.

— Да нет, не промокли. Мы у меня в квартире ночевали, — ответил Гербалайф. — А вы куда так рано собрались?

Агния Львовна не успела ничего сказать, как Василь-Ваныч ответил за нее:

— На рынок.

Агния Львовна удивленно на него поглядела.

Но Иннокентий возразил:

— Да нет, в церковь!

Агния Львовна, не меняя удивленного выражения лица, поглядела теперь на Иннокентия.

— А коляску зачем с собой в церковь везете? — поинтересовался Гербалайф.

— Они на обратном пути на рынок зайдут, — ответил Василь-Ваныч.

— Ну, так бы и сказали! А то сначала одно, потом другое, — обиделся Гербалайф.

— Так оно и есть: сначала одно, а потом другое. Сначала в церковь, а потом на рынок! — пояснил приятелям Иннокентий.

— А-а! — протянул Гербалайф. — А что, Агния Львовна, сегодня праздник какой?

— Церковного праздника нет, а у меня праздник! Вот я и иду в честь своего праздника причащаться, — сказала Агния Львовна, услышав, наконец, точный свой маршрут.

— Это как же так? — изумился Гербалайф. — Ни у кого нет праздника, а у вас есть!

— День рожденья у меня сегодня! — пояснила Агния Львовна, удивившись недогадливости Гербалайфа.

— Ну вы даете, Агния Львовна! — почему-то поразился Гербалайф. Или просто обрадовался?

За сим ничего не последовало, и Агния Львовна, кивнув друзьям, отправилась дальше, только самую-самую чуточку обидевшись на Гербалайфа и компанию, не догадавших ее поздравить. «Да что с них взять, неудельных!» — подумала она добродушно.

Выйдя за ворота, она пошла по Кузнечному переулку к Кузнечному же рынку, осторожно везя за собой коляску, обходя оставшиеся с ночи на тротуаре лужицы и размышляя о превратностях человеческих судеб. Она еще помнила то время, когда Гербалайф и Иннокентий жили на первом этаже их подъезда, занимая соседние квартиры. Они тоже дружили с детства, ходили в одну школу и росли рядом. У Гербалайфа тогда была семья — мать и сестра, а потом появилась и жена Клавдия. Гербалайфа тогда звали Андрей Гербер. Впрочем, можно сказать, что Гербалайф и сейчас там живет, во второй квартире от входа; по крайней мере, у него есть там своя комната, в которой он ночует в холодное время года. Это теперь Гербалайф доволен собой и всем миром, а в былые годы он постоянно жаловался, сидя с похмелья на любви мой скамейке: «Семибабье одолело! Совсем они меня затюкали!» Однако женщинами он и держался на плаву, потому что уже тогда начинал сползать в запойное пьянство. Умерла мать, уехала куда-то с женихом и пропала замужем сестра, а собственная жена не выдержала его пьянства и подала на развод, и вот тогда бедный Андрей запил уже по-черному. Клавдия после развода

его люто возненавидела и порой неделями не пускала ночевать в квартиру. Пил Гербалайф запоями год, пил два, пил еще сколько-то — никто не считал эти скатившиеся в пустоту годы... Тем временем у бывшей жены Клавдии появился новый муж, с виду не то бандит, не то спортсмен, и Гербалайф уже почти совсем переселился на скамейку, к другим бомзам. Он даже ночевал иногда с ними на чердаке дома, когда Клавдия с мужем его домой не пускали.

У Иннокентия история была не такая бурная, но тоже вполне в духе времени. Он был холост, занимал комнату в трехкомнатной квартире рядом с Гербалайфом, работал оператором в Леннаучфильме и снимал очень симпатичные картины про животных, которые почему-то не нравились начальству. Уж какую такую крамолу увидело начальство в призывах к милосердию в отношении братьев наших меньших — это уму непостижимо, однако видело и ставило на вид. В начале пере стройки Иннокентий оказался вдруг в своей квартире единственным жильцом: старенькая соседка умерла, а другой сосед уехал за границу. Тут вступило в силу постановление, по которому освободившуюся площадь в коммунальных квартирах отдавали оставшимся жильцам, и Иннокентий оказался вдруг владельцем отдельной трехкомнатной квартиры. Но не вовремя ему такое везенье выпало: тут его как раз на работе сократили, потому как документальное кино умирало. Сочувствовавшие соседки посоветовали ему сдать две пустующие комнаты и на это продержаться, пока не появится новая работа. Но он сорвался и начал пить. Тут к нему и подъехал какой-то ловкий тип и уговорил продать квартиру: получив деньги, он, мол, купит себе квартирку поменьше и у него еще останутся средства на жизнь. Ничего путного из этого не получилось, и никаких денег от продажи квартиры не осталось — все было пропито с горя, а сам Иннокентий оказался на улице. Да и деньги ему заплатили до смешного малые даже по тем годам — пять тысяч долларов.

К бомзам, обитавшим во дворе, Агния Львов на и ее подруги относились терпимо, поскольку те особенно не шумели, соседям не досаждали и сами следили друг за другом: если кто-то начинал безобразничать — его из компании, да и со двора, просто-напросто выставляли. За этим строго следил старший бомж Василь-Ваныч. Так вот они и жили, бедняги...

Агния Львовна дошла до угла и собралась перейти на другую сторону улицы Марата, бывшую Николаевскую. Движение уже разогналось, пере ходить дорогу можно было только дождавшись зеленого света. Она стояла со своей сумкой-коляской и терпеливо ждала. Тут как раз зазвонили в старообрядческой часовне святителя Николая на противоположном углу, возле музея Арктики, бывшего Свято-Николаевского единоверческого собора.

Со стороны Невского к часовне спешили две пожилые женщины в беленьких платочках. По равнявшись со входом в музей, они обе приостановились, перекрестились на надпись «Музей Арктики и Антарктики», степенно поклонились стоявшим на фронте пингвинам, чем-то на них весьма похожим, таким же полненьким и степенным, и пошли к часовне. «Надеются все-таки получить музей под свой храм — вымаливают! И суд они уже у музея выиграли, а все равно ничего не выходит, так и ютятся в часовенке своей», — вздохнула Агния Львовна. Жаль ей было единоверцев-старообрядцев. Им-то с Варенькой вон как хорошо: плывут в голубом небе над домами золотые купола храма Владимирской иконы Божией Матери — она перекрестилась на золотые кресты, — а за ним, пять минут тихим шагом, и роди мое Коневское подворье! А у них, у единоверцев, только вот эта часовенка да еще церковь на окраине Петербурга, в Рыбацком. Ну пусть бы уж отдали им этот храм, выстроенный их предками-старообрядцами на собственные деньги... Если, конечно, Музей Арктики куда-нибудь переведут в хорошее место. Да что-то все не находится для музея вообще никакого места, не то чтобы уж хорошего. А ведь он единственный такой музей в стране — Музей Арктики и Антарктики! Если не единственный в мире. Агния Львовна и ее подружки привыкли с детства гордиться этим соседством: и как же они любили девчонками забираться туда и бродить, бродить часами! А перед панорамой с северным сиянием могли стоять и по часу...

«О чем размышляешь ты, раба Божия Агния, идя ко Святому Причастию? — строго одернула она себя. — Господи, помилуй мя, старушонку легкомысленную, за умственное пустословие!» Перекрестилась и двинулась по переходу — как раз зеленый свет загорелся.

Подходя к улице Достоевского, она подумала, что надо бы еще раз сходить на выездную выставку Оптиной Пустыни в музей

Достоевского, если та еще не закрылась, и взглянула на дверь: нет, плакат выставки еще висел! Только вот время закрытия не смогла прочитать — очки лежали на дне сумки, рядом с кошельком, а доставать их сейчас было хлопотно. «Не забыть бы на обратном пути прочитать! — наказала она себе. — Надо будет очки сверху положить... Ой, и опять я мыслями не туда пошла!»

Зато, проходя мимо рынка и утренних уличных торговок, она почти ни разу не позволила себе рассеяться мыслями. Даже на соблазнительные кучки грибов не покосилась, а шла себе и шла, прилежно читая Иисусову молитву^[1], только под ноги внимательно глядела, чтобы не ступить новы ми туфлями в какую-нибудь лужу — асфальт перед рынком был совсем разбит и лежал островками среди провалов с мутной водой. Ну и совсем уже мельком она отметила, что цветов, в основном астр, у рынка было великое множество: они стояли в ведрах, банках и просто лежали на газетках, расстеленных прямо на асфальте. Она подумала о подругах: «Так они, голубушки мои, успели за цветами к рынку сбегать, пока я спала!»

Обходя Владимирский собор по краю площади, она снова перекрестилась трижды на висевшую над дверьми храма Владимирскую икону Божьей Матери. Ну, вот и Загородный проспект, а вот и скромный двухэтажный зеленый домик, зажатый с двух сторон высокими старыми домами, и крылечко, и двери с крестами: если не знать заранее, что здесь находится Коневское подворье, можно пройти и не заметить. Она трижды перекрестилась с поклоном, поднялась по ступенькам и с тихой радостью душевной вошла в свой любимый маленький храм. Но сначала зашла в иконно-книжную лавочку, что при входе справа, купить свечи.

— Агния Львовна, с днем рожденья вас! — улыбаясь, сказала ей молоденькая продавщица.

— Спаси Господи, Оленька! А вы откуда про мой день рожденья знаете?

— Отец Борис сказал. Он вам подарок оставил и велел после службы отдать. Сам-то он уехал. Вы уж не забудьте зайти за подарком!

— Зайду обязательно, как можно забыть? А он что, на Коневец отправился?

— На Коневец. Сегодня отец Иаков служит.

— Понятно... Оленька, можно я у вас свою сумку поставлю где-нибудь в уголке? Вы уж простите, мне без нее сегодня никак...

— Понимаю: после храма на рынок пойдете, гости у вас сегодня.

— Так и есть! Все семейство вечером соберется, надо угощать.

— Пирог печь будете?

— Нет, тортиком обойдусь.

— И правильно, сейчас почти все так делают. А сумку поставьте вон туда, за аналойчик. Кошелек только в ней не оставляйте!

Агния Львовна взяла свечи и пошла в храм. Служба еще не начиналась, только два монаха тихонько пели что-то на клиросе, готовились к литургии. Агния Львовна вообще любила приходить в храм загодя, чтобы спокойно поставить свечи, приложиться к иконам... ну и местечко занять, конечно, рядом со скамеечкой. Хотя сегодня, в замечательных новых своих туфельках, она, возможно, и всю литургию сможет выстоять!

Народу на службе было немного, и почти все знакомые, Агния Львовна с ними тихонько раскланивалась. Вот приоткрылась дверь, ведущая на второй этаж храма; Агния Львовна там бывала, не однажды беседовала с отцом Борисом в его кабинетике; несколько раз она даже обедала вместе с монахами и служащими храма в трапезной на втором этаже и немножко этим гордилась, суетная душенька... Из двери вышел и прошел в алтарь отец Иаков, высокий, худенький, светлоликий, по убеждению стареньких прихожанок, ну вылитый ангел, разве что с бородкой! За ним вышел пожилой чернобородый монах-чтец, прошел на клирос, и начались часы^[2]. Агния Львовна слушала внимательно, когда положено вставала со скамейки, крестилась и кланялась, но внимание ее было все еще рассеянно и мысли, хотя за пределы храма и не отбегали, а все как-то не могли сосредоточиться на главном. Вот вышла Оленька с корзинкой, прошла к канунному столику и поста вила корзину возле него на табурет — для поминальных приношений. «Ах, надо было взять на углу пирожка! — подумала Агния Львовна: на углу Загородного и Владимирской площади было кафе, и оттуда на вынос торговали с лотка очень вкусны ми пирогами и пирожками. — Ну да уж ладно, в другой раз!». Однако через несколько минут она снова взглянула на корзинку и опять пожалела, что не купила монахам пирожков... «Они за меня сегодня точно помолятся, а я... Растяпа я, растяпа!» Тут

кончили читать часы, и из глубины алтаря раздался возглас^[3] на Литургию. Высоким и торжественным голосом отец Иаков произнес: «Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа!» — и этот его возглас как отрезал все посторонние мысли Агнии Львовны, и уже до самого конца Литургии, до причастия Святых Божественных Тайн, до самых благодарственных молитв и отпуста^[4] внимание ее умерло для всего постороннего и ни разу никуда ни на один миг не отлетало.

Спустя полтора часа, все еще сосредоточенная, но уже счастливая и умиротворенная, вышла Агния Львовна после службы из храма и тихо покатила свою тележку к Кузнечному рынку. На углу она остановилась у лотка и купила два больших пирога с капустой, десяток маленьких с мясом и пятнадцать с рисом и семужкой — к столу.

На рынке было малоллюдно — все-таки будний день, и тем виднее были богатство и роскошь прилавков. В который уже раз Агния Львовна подумала о том, как изменился рынок за последние десять лет: никогда за всю ее долгую жизнь не было на нем такого изобилия! «Вот и хорошо, богатеет страна, — подумала она умиротворенно. — Если бы еще это го богатства да на всех хватало... Ох, надо было прихватить еще десяток пирожков для Гербалайфа и его команды! Ну не возвращаться же на угол, придется отдать им мясные пирожки. Зато Варвара будет довольна, что все пироги постные! А для скоромников у меня холодец стоит в холодильнике, ну еще ветчинки и колбаски им куплю». Из кармашка сумки Агния Львовна достала свернутую бумажку и очки, надела их, развернула бумажку и пошла покупать по списку, с удовольствием выбирая, пробуя, а иногда даже чуть-чуть торгуясь. Купила она красной рыбы и немножко осетринки — больше для красоты стола, чем для угощенья. Скоромникам взяла ветчины и колбаски, купила маринованных миног — специально для Лики Казимировны, та была большая охотница до них, а еще купила для нее же полкруга сыра «Сулугуни». Набрала свежих огурцов и помидоров, ну и кочешок зеленого салата, естественно, прихватила; прикупила совсем кой-каких экзотических солений и маринадов. Обычных солений и своих хватало: как-никак только что с дачи в город вернулась. Она собиралась устроить одно большое закусочное блюдо: свои консервированные патиссоны и огурчики с помидорчиками, да покупные перчик, маринованный чеснок и черемша. Взяла и фруктов, причем выбирала самые красивые и денег не жалела, деньги у нее

были. А еще купила клюквы для морса — ох и дорогая же стала клюква!

В общем, когда Агния Львовна скатила по ступеням Кузнечного рынка тяжеленную сумку, двух тысяч рублей как не бывало! «Однако я сегодня сэкономила! — подумала она удовлетворенно. — И стол будет не просто праздничный, а роскошный, и целая тысяча рублей в кошельке осталась!» Еще надо купить торт, но это уж она потом возле дома купит в их новой булочной «Каравай»: отдохнет немного и сходит, благо ноги в новых туфлях абсолютно не устали! Вот только спина... Перетаскивая тележку через ухабы, она тянула ее изо всех сил, а иногда дергала, и напряжение эхом отдавалось в спине, в районе бедной ее поясницы...

Уже подходя к улице Достоевского, Агния Львовна остановилась: что-то такое было у нее связано с этим местом, о чем-то напоминали ей ступеньки, ведущие в музей Федора Михайловича... Вот только что? Она остановилась, помолилась и вспомнила: ведь она забыла про подарок от отца Бориса, оставленный для нее в церковной лавочке! Правда, непонятно было, как это связано с писателем и его музеем? Но все равно надо было возвращаться на подворье, а то неудобно будет перед батюшкой. Женщина только перешла на другую сторону улицы — там тротуар был целее, чем на рыночной.

На подходе к подворью она увидела, как к тротуару причалил автобусик и оттуда гуськом вышли и сразу же направились в храм не то пять, не то семь монахов. Ни один из них не был ей знаком. «Это не с Коневца! Это, наверное, гости к нашим монахам пожаловали или паломники», — подумала она, подождала, пока последний монах скрылся в дверях, а уже потом стала затаскивать на крыльцо свою неподъемную тележку.

В лавочке уже никого не было, кроме Оленьки и Нины Сергеевны, поварихи подворья.

— Да как же это они меня не предупредили, — сетовала Нина Сергеевна. — Да что же я теперь делать-то буду, Оля? Ну, с первым не беда, супа рыбного, положим, хватит на всех — только кипятком разбавить да соли добавить. А вот со вторым-то, со вторым-то что делать? Не голой же картошкой таких гостей угощать! Ведь отец Борис как раз на Коневец за припасами поехал, а в кладовой-то шаром покати!

— И капуста, что ли, уже кончилась? — спросила Оленька.

— Да какая это была капуста, мы ж ведро всего насолили! Настоящая капуста только через месяц будет. А этой полбанки осталось! Ума не приложу, как мне выкрутиться... И к чаю почти ничего нет, сегодня четыре сладкие булочки на поминовение принесли!

— Я могу тебе дать только сто рублей из кассы, сегодня мало выручки. Может, на рынок сходишь и купишь что-нибудь?

— А что теперь купишь на сто рублей да еще на рынке? Да и некогда уже идти, надо картошку ставить. Время обеда никто не благословлял пере носить.

— Беда! — сочувственно сказала Оленька и тут увидела остановившуюся в дверях Агнию Львовну. — Ой, Агния Львовна! А я уж волновалась, чего это вы за подарком отца Бориса не зашли? — Она нагнулась и стала что-то доставать из-под прилавка.

— Вот, зашла... — немного смутившись, сказала Агния Львовна и подошла к прилавку. Оленька распрямилась, держа в руках прямоугольный пакет, завернутый в простую коричневую бумагу и перевязанный бечевкой. — Вот! Книга или икона, наверное. Но вы сейчас не разворачивайте, домой несите! Потом нам расскажете, что вам отец Борис подарил. И еще раз поздравляю вас с днем рождения! Многая вам и благая лета, дорогая Агния Львовна!

— Спаси Господи, Оленька.

— Не православный праздник вообще-то, — поджав и без того сердитые губы, сказала Нина Сергеевна, — Мы, православные, только День ангела признаем, ну да ладно уж — поздравляю!

Агния Львовна поблагодарила повариху и приняла от Оленьки пакет. Она начала раздвигать и перекладывать продукты в сумке, чтобы освободить место для подарка.

— Все, нету больше сил моего терпения! Буду увольняться, — сказала Нина Сергеевна, продолжая прерванный разговор. — Сколько раз просила: ну предупреждайте, если гостей ожидаете! А отец Моисей говорит: «Бог посылает гостей — Он и угощение пошлет!»

— Он и послал! — сказала Агния Львовна, снова возвращаясь к прилавку. — Принимай те, Нина Сергеевна! — И она принялась было выкладывать на прилавок пакеты с фруктами, лежавшие сверху.

— Да куда же выложите прямо на святые иконы? — воскликнула Нина Сергеевна. — Погодите-ка! — Она метнулась за прилавок и вынесла оттуда табуретку. — Сюда вот ложьте!

Агния Львовна начала опустошать сумку, а Нина Сергеевна принялась усердно ей помогать, даже вынесла из-за прилавка еще один табурет и поставила рядом. Агния Львовна собиралась поделить продукты поровну, но под радостно за сверкавшим жадным взглядом поварихи оробела и не решилась разворачивать пакеты и делить покупки. Она только оставила в сумке пирожки с мясом, колбасу с ветчиной да сыр «Сулугуни», объяснив Нине Сергеевне:

— Это скромное!

— Скромное?.. А, ну тогда ладно, оставьте себе на завтра.

— Ну, вот видите, Нина Сергеевна, все и вы шло, как отец Моисей говорит! — засмеялась Оленька, оглядев груды продуктов на двух табуретках. — Бог послал неожиданных гостей, Он послал и неожиданное угощенье!

— Да уж вижу! Ох и спасибочко вам, Агния Львовна! То есть спаси Господи! — ласково пела Нина Сергеевна, придерживая подношения обеими руками. — Да вы сами-то на обед оставайтесь! Уж как-нибудь потеснятся монахи...

— Правда, оставайтесь, Агния Львовна! — сказала Оленька. — Они вам «Многая лета» про поют!

— Да нет уж, ну что уж, — опять застеснялась Агния Львовна. — Не стану я монахам мешать... Пусть помолятся за меня, если можно!

— Вот пусть-ка только попробуют мне не помолиться! — сказала Нина Сергеевна. — И «Многая лета» пропоют как миленькие!

— Да что вы, не надо «Многая лета»! Вы же сами сказали, что день рожденья — не православный праздник, — тут Агния Львовна совсем засмушалась и поспешила ретироваться.

Выходя из храма, она еще слышала умиротворенное гудение Нины Сергеевны и радостный голосок Оленьки. Она шла по Загородному, везя за собой почти пустую тележку. Теперь идти было совсем легко, и поясницу не дергало, и на душе тоже было легко и радостно, а уж как хорошо шагалось ногам в мягких зеленых башмаках! Она шла и напевала невесть откуда взявшиеся слова:

*Был славный город Пушкин
С крестами в облаках,
А в нем жила старушка
В зеленых башмаках... [5]*

На углу Агния Львовна снова приостановилась у лотка с пирожками, но выбрала на этот раз только десяток капустных пирожков и один большой пирог с рыбой. На рынке она благоразумно отказалась от покупки солений и маринадов, взяв только полкило свежих огурчиков и один большой помидор. Но рыбу закупила почти в том же, как говорится, ассортименте, только в меньшем количестве, да от покупки севрюги пришлось воздержаться. Однако после фруктов и третья тысяча подошла у нее к концу. Она остановилась, напоследок прихватив только зелень: «Все! Дома всего пятьсот рублей осталось, а ведь еще надо купить вино и торт». И хотя эти пятьсот рублей было все, что у Агнии Львовны осталось от полученной позавчера пенсии, она ни капельки не унывала: придет на день рождения сын Артем (Артемий в крещении) и обязательно, как и всегда, подарит ей денежку в конверте. Катя с Марком тоже обычно на праздники дарят ей деньги — вот она и проживет!.. А тележка снова потяжелела, хотя и не так, как прежде, и тут же в спине опять началось покалывание и потягивание. «Ничего! Ведь это я как-никак для всех моих любимых людей стараюсь! — думала она дорогой. — А тортик я по позже куплю. Сначала спину завяжу теплым платком и прилягу на часок: полежу и опять буду как огурчик!» Мимо музея Достоевского она на этот раз прошла, так ничего и не вспомнив.

Во дворе дома Агния Львовна не увидела Гербалайфа с компанией на привычном месте, и мелькнула у нее лукавая мыслишка, что теперь не надо отдавать им пирожки с мясом, можно для гостей оставить. Но она тут же устыдилась и сказала себе: «И думать не смей, экономщица! Увидишь их в окно, спустишься и отдашь!» Сделав себе выговор, она успокоилась и прошла в подъезд. Но только собралась, оставив внизу тележку, подняться наверх за Варенькой, чтобы та помогла ей поднять сумку на второй этаж, как открылась дверь Гербалайфовой квартиры, и сам Гербалайф возник на пороге.

— Агния Львовна, мое почтение! Давайте-ка я вам колясочку наверх закину!

— Закиньте, Андрюша! — сказала Агния Львовна. — Буду вам очень благодарна.

Гербалайф браво вскинул тележку ручкой на плечо и попер вверх по лестнице с таким видом, будто делает это играючи; однако уже после первого пролета Агния Львовна услышала впереди его сиплое натужное дыхание.

— Ничего... ничего себе сумочку вы нагрузи ли... Агния Львовна! Это что, угощение на день рожденья? — пропыхтел он, одолев второй пролет и ставя тележку возле ее дверей.

— Да, это я для гостей закупила, — сказала Агния Львовна, поднимаясь за ним на свою площадку. — Спасибо вам большое, Андрей! И знаете что? Вы зайдите ко мне, я вас тоже угощу.

Гербалайф вдруг напыжился и изрек важно:

— Нет, Агния Львовна, не зайду! Мы с друзьями так и так собирались зайти вас поздравить: семьдесят пять лет — это ж юбилейная дата! Они в Таврический сад за букетом для вас отправились: вернутся с цветами — я им и передам ваше приглашение. Так что мы все вместе к вам заявимся — с цветами и с поздравлениями, как полагается, — вот вы тогда нас всех и угостите! А то что ж я один, вроде как тайком от друзей пойду к вам угощаться... Не, я так не могу.

— Ну что ж... Тогда милости прошу вместе с друзьями, — растерянно ответила Агния Львовна. — Только, если можно, Андрюша, приходите попозже — я на пару часиков прилечь хочу. Часа в три, хорошо?

— Это уж как виновница торжества прикажет! — учтиво ответил Гербалайф, поклонился Агнии Львовне и весело и неуклюже затопал вниз по лестнице.

«Вот тебе, Агния, и первые гости! — подумала виновница торжества. — А хорошо, что я холодец догадалась приготовить, вот он-то меня и выручит! Однако сначала — спать, спать, спать...»

Она сняла свои замечательные зеленые туфли и надела старые разношенные тапочки. Потом достала подарок отца Бориса и развернула его. В пакете была книга отца Николая Агафонова «Иоанн Дамаскин». Ей уже прежде доводилось читать рассказы священника, и

нравились они ей чрезвычайно! Она об этом отцу Борису говорила, вот он и постарался ей угодить. Хороший подарок. Агния Львовна положила книгу на тумбочку возле кровати: «Сегодня же начну читать, если силы будут...» После этого она отвезла тележку с продуктами на кухню, там аккуратно разложила все по полкам холодильника, вернулась в комнату, завязала поясицу пуховым платком, легла в постель и мгновенно уснула.

Через час Агния Львовна проснулась свежей и отдохнувшей. Пошла на кухню — взглянуть, а как там обстоит дело с обещанной картошкой? Она про нее и забыла... Но подруги ее не подвели: большая кастрюля была почти доверху наполнена вычищенным картофелем. Она отложила полови ну в кастрюлю поменьше, залила водой и поставила на огонь. Потом занялась приготовлением стола для первой партии приглашенных, то есть для Гербалайфа со товарищи: прикинув в голове общее число гостей, она отделила от всех закупленных закусок примерно треть; что положено резать — порезала и разложила по тарелочкам. Вынула из холодильника одну из трех мисок холодца, выло жила его на большое блюдо, поставила на стол и украсила зеленью. Достала одну из двух банок маринованных маслят, а другую оставила на вечер, и положила грибочки в хрустальную вазочку. Пи рожки с мясом, конечно, тоже выложила на блюдо. В общем, решила она, стол для Гербалайфа с его командой был готов и получился не бедным. И она пошла на кухню готовить салат. Как раз и картошка закипела: она ее посолила, прикрутила газ и начала резать овощи. Приготовив салат, отнесла салатницу на стол, снова вернулась на кухню и принялась за клюквенный морс.

Только она поставила стеклянный кувшин с морсом на стол, как и звонок прозвенел. Выйдя в прихожую на звонок, Агния Львовна сначала сбросила с ног разношенные тапочки невразумительного цвета и фасона и надела свои замечательные зеленые туфли, а уж потом открыла дверь. Из-за двери на нее пахнуло густой смесью шампуня и какого-то пронзительного одеколona. На пороге стояли Гербалайф, Василь-Ваныч и Иннокентий — все с прилизанными мокры ми волосами, в чистых футболках и каждый с букетом роз: у Гербалайфа розы были красные, у Василь-Ваныча розовые, а у Иннокентия — белые. Каждый букет снизу был аккуратно завернут в газетку.

— Это мне?! — всплеснула руками Агния Львовна. — Боже мой, какие роскошные розы! Откуда такая прелесть?

— А это ребята из Таврического слям... — начал было Гербалайф, но Иннокентий его одернул — то есть просто дернул сзади за футболку.

— Не надо увлекаться мелкими подробностями, друг Андрей! — предостерегающе сказал он. — У цветов не бывает биографии. Примите, дорогая Агния Львовна!

— Только не уколитесь, — добавил Василь-Ваныч. — Шипы у них — будь здоров! Специально такие, что ли, выводят?

— Ага, от воров, — хихикнул Гербалайф.

— Да вы проходите сначала, проходите, милые! — сказала Агния Львовна. — Разуваться не надо.

— Да отчего ж не надо? Мы и разуться можем, мы только что из баньки, носки сменили! — сказал Гербалайф.

— Да у меня тапок для всех не найдется, так что проходите уж прямо так!

Гости все-таки разулись, причем разулись они прямо на лестничной площадке, а уже потом вошли в дверь квартиры.

— Андрюша, вы можете свой рюкзак здесь оставить, под вешалкой.

— Рюкзак мой всегда со мной! — непонятно почему хихикнув, ответил Гербалайф.

— Ладно, можете взять его в комнату. Хотя он и в прихожей был бы в полной безопасности.

Гости прошли один за другим в комнату, и каждый, проходя мимо Агнии Львовны, вручил ей свой букет.

— Прощу прямо к столу, гости дорогие, и рассаживайтесь, кому где понравится.

Дорогие гости чинно расселись за столом.

— Вы начинайте угощаться, а я сейчас розы поставлю и присоединюсь к вам.

Агния Львовна нарочно долго возилась с розами, не желая смущать гостей — наверняка же явились голодные! Но, когда она вошла в комнату, неся в обеих руках большую вазу с цветами, гости ее сидели все в тех же позах над пустыми закусочными тарелками и молчали.

— Ну что же вы не кушаете? — спросила она. — Вот закуски... Пирожки...

— Так ведь закуска... — начал было Гербалайф, но Иннокентий на него покосился, и тот умолк. И снова замер, сложив руки перед тарелкой.

— Может, вам сначала горячее подать? — догадалась Агния Львовна. — Ну конечно! Я сей час, я мигом!

Она пошла на кухню, слила воду с картошки, переложила ее в большую суповую миску, посыпала петрушкой и укропом и вынесла в комнату.

— Ну, вот вам горячая картошечка! А вот грибочки к ней, а вот тут масло... Давайте вашу тарелку, Василь-Ваныч, я поухаживаю за вами. — Она разложила по тарелкам дымящийся картофель.

Но гости к картошке не притронулись, а продолжали все так же чинно и молча сидеть. Агния Львовна занервничала.

— Ой, вы тут посидите минутку, а я зайду к соседкам: может быть, они уже пришли, так я их тоже приглашу!

Она выскочила за дверь и с минуту постояла в нерешительности на площадке. Да что это случилось с Гербалайфом и его товарищами? Сроду они так не стеснялись! Сидят, молчат и ничего не едят...

Она подошла к двери Варвары Симеоновны и позвонила. Варенька, к счастью, оказалась дома.

— Слушай, Варешка, я в полном недоумении! Пришли ко мне в гости Андрей, Василь-Ваныч и Иннокентий...

— Ты что, пригласила, их на свой день рожденья?

— Ну да...

— А почему сейчас, а не вечером? А, понимаю, не хочешь смешивать компании... — В голосе Варвары прозвучал отголосок неодобрения. — И что же?

— Нет-нет, вовсе я их не хотела приглашать отдельно, это просто так уж получилось само собой. Но, понимаешь, с ними что-то странное творится: они сидят за столом как истуканы и ничего, совсем ничего не едят! И молчат. Слушай, Варенька, может, они накурились марихуаны или еще что-нибудь такое приняли? Тогда я уж и не знаю, что делать...

— Они не наркоманы, Агния. Они обыкновенные пьяницы.

— Да нет, они не пьяные... Они только что из бани.

— Из бани? Все трое? Ты не врешь?

— Не вру: у них волосы мокрые и шампунем каким-то ужасным от них за версту несет. И футболки на всех чистые, и даже носки...

— Ну так а я-то что должна делать? Пойти и поздравить их с легким паром?

— Ты бы пошла взглянуть на них, Варенька. Какие-то они странные. Мне что-то даже страшно стало, знаешь... Я сейчас еще Лику позову.

— Лики нет, она Титаника к ветеринару потащила. Ну, пойдем, посмотрим, что там такое с твоими гостями.

Варвара тихонько вошла в прихожую и заглянула в комнату. Агния Львовна тоже выглянула из-за ее плеча. Гости сидели за столом все в тех же позах, а перед ними в тарелках стыла картошка.

— Привет, ребятки! — сказала Варвара Симеоновна, стоя в дверях. — Поздравить пришли соседку?

— Здравствуйте, Варвара Симеоновна! Здравь-те... Да, поздравить... — вразнобой ответили гости и тут же снова скромно опустили глаза.

— Ясно!

Варвара Симеоновна молча повернулась и пошла за дверь, волоча за собой Агнию Львовну за руку. Та в растерянности семенила за нею.

— Ну, Варенька, что такое с ними, как ты полагаешь?

— Не с ними, а с тобой! Дура ты, Агния, вот что! Сейчас все будет в порядке. Жди тут.

Варвара Симеоновна скрылась за дверью своей квартиры и через полминуты вернулась с бутылкой в одной руке и штопором в другой.

— Ой! Так они ждали, что я им выпить дам?

— Ну конечно! Они же на день рожденья при шли! А ты закуски выставила — а закусывать-то что? Порядка ты не знаешь, Агния. Иди вперед и ставь рюмки!

— Так я поставила бокалы для морса...

— А вот бокалы лучше убери и поставь вместо них рюмки, тебе говорят!

— Неудобно как-то...

— Смотри сама. Это твой день рожденья. Чтоб потом ко мне претензий не было!

Варвара Симеоновна протопала вперед, Агния Львовна — за нею. Она сразу же подошла к серванту, достала оттуда пять небольших рюмок и рас ставила их на столе.

— Ну, молодые люди, кто из вас умеет управляться со штопором? — бодро спросила Варвара Симеоновна.

— Обижаешь, соседка! Да мы и без штопора умеем! — весело воскликнул Гербалайф.

— Давайте я открою! — вскочил Василь-Ваныч. — Убери руки, Гербалайф, я старше, у меня практика больше.

Иннокентий остался сидеть, но тоже весьма заметно оживился.

— Ты уж садись тоже с нами, — шепнула Агния Львовна подруге.

— Придется! — шепнула та в ответ.

Пока Василь-Ваныч пытался открыть бутылку, постукивая ее доньшком сначала о собственную пятку, а затем о мягкое сиденье стула, приободрившиеся Иннокентий и Гербалайф бросились накладывать в тарелки грибы, салат и все закуски подряд и навалом.

— Давай, Варенька, я за тобой поухаживаю! — сказала повеселевшая и порозовевшая Агния Львовна.

— Ухаживай! — пробасила Варвара Симеоновна.

Василь-Ваныч открыл бутылку все-таки с помощью штопора и стал разливать вино: дамам он налил в маленькие рюмочки, а себе и друзьям — в бокалы для морса.

— А я тебе что говорила? — шепнула Варвара Симеоновна и подмигнула подруге.

— А, да ладно! — ответила та. — Им так привычней.

— Им привычней из горла или из одного стакана на троих, — тоже шепотом ответила Варвара. — А сегодня у них праздник — из бокалов пьют!

Иннокентий встал, элегантно держа бокал в поднятой на уровень плеча руке.

— Дорогая наша соседка, милейшая наша Агния Львовна! Мы вас уважаем больше всех других в этом доме... Гм... Ну и не менее уважаемую Варвару Симеоновну и отсутствующую по причине болезни уважаемого Титаника Лику Казимировну мы уважаем тоже. Мы ценим вашу всегдашнюю деликатность, вашу вежливость по отношению к нам, отщепенцам мира сего...

— Ах, ну что вы, Иннокентий! — воскликнула Агния Львовна. — Какие же вы, помилуйте, отщепенцы?

— Агуня, не мешай человеку тост говорить! — одернула ее Варвара Симеоновна. — Продолжайте, Иннокентий, прошу вас!

— А еще больше мы ценим вашу редкостную доброту, дорогая наша Агния Львовна. Многая вам, как говорится, лета и с днем рожденья!

— С днем рожденья! С днем рожденья! Поздравляем! Здоровья и долгих лет жизни! — Гости потянулись чокаться с хозяйкой, потом выпили и зазвенели, застучали вилками! Вмиг почти все тарелки с закусками опустели и даже заблестели, протертые напоследок кусочками хлеба. Агния Львовна встала, пошла на кухню и принесла из холодильника еще рыбы, колбасы и ветчины, а заодно поста вила на огонь кастрюлю с оставшейся картошкой.

— О! Подкрепление! — радостно закричал Гербалайф. — Ну, ребята, надо выручать хозяйку: закуски полно, а закусывать нечего! Ничего, Агния Львовна, не тушуйтесь! — И он, ободряюще подмигнув хозяйке, поднял с полу свой рюкзак и извлек из него бутылку водки. Агния Львовна растеряно глянула на Варвару Симеоновну: неожиданный пир грозил затянуться!

Он и затянулся. Через час гости сидели почти над пустыми тарелками и вели разговор о жизни.

— Я тут встретил нового хозяина своей бывшей квартиры, — рассказывал Иннокентий, — он интересовался, не собирается ли кто-нибудь на втором этаже продавать квартиру?

— Не собираемся! — отрезала Варвара Симеоновна. — Это наш дом, и мы все хотели бы жить в нем до самой смерти.

— Я вот так ему и сказал.

— Новому хозяину? Откуда он взялся-то? — спросила Агния Львовна.

— Старый ему продал. — Квартира Иннокентия уже в который раз меняла хозяина, причем цена ее каждый раз круто возрастала.

— А что собой представляет этот новый хозяин? — спросила Варвара Симеоновна.

— У! Большая шишка! Он академик, профессор чего-то там такого и вообще ученый с мировым именем. Он прямо так и представился.

— Ученый — и купил такую дорогую квартиру? — удивилась Варвара Симеоновна.

— Так если деньги есть? — пожал плечами Гербалайф. — Не все ж ученые без денег!

— Разве? Я полагала, что все...

Тут послышался звук открываемой двери, а затем со звонким лаем в комнату ворвался Титаник: он быстро обежал всех сидевших за столом и сунулся в ноги Агнии Львовне.

— Тоже поздравлять пришел, — растроганно сказал Василь-Ваныч. — Псина — а понимает!

Вслед за Титаником появилась Лика Казимировна Оглядев честную компанию, покосившись на бутылку водки, стоявшую в центре стола, она сказала:

— Агуня, а можно тебя на минуточку? У меня к тебе очень срочное дело! — повернулась и пошла на кухню.

Смущенная Агния Львовна двинулась за нею. Гости слегка тревожно поглядели им вслед.

— Наливайте, Андрюша, еще по одной! — успокаивающе сказала Варвара Симеоновна.

На кухне Агния Львовна сразу же попыталась объяснить подруге обстановку.

— Ты понимаешь, Лика, это вышло совсем неожиданно и нечаянно...

Но Лика Казимировна ее перебила:

— Агунюшка, я же ничего не спрашиваю!

Разве ты не имеешь права справить свой день рожденья в той компании, какая тебе по душе?

Агния Львовна покраснела и опять открыла было рот, но Лика Казимировна ее снова перебила:

— Ни слова! Я ничуть не обижена. И вообще я к тебе по делу. Понимаешь, доктор выписал нам с Танечкой рецепт на собачий мезим — ну, это такой препарат для улучшения пищеварения...

— Я знаю, что такое мезим, Лика, сама его принимала...

— Ах да, верно! В прошлом году, я теперь вспомнила. Мне стоит только напомнить — и я все что хочешь вспомню! Ну так вот, поехала я в ветеринарную аптеку на Римского-Корсакова, показала там рецепт.

Мезим у них есть, но стоит он почти тысячу рублей. А у меня только пятьсот!

— Лика, но мезим стоит всего сорок рублей! — сказала Агния Львовна.

— Стоил в прошлом году, — поправила ее Лика. — С тех пор цены выросли. К тому же это был мезим для людей, а не для собак. Собачий стоит около тысячи.

«Ничего себе собачья жизнь!» — подумала Агния Львовна.

В этот момент из комнаты донеслось недружное пение, ведомое голосом Варвары Симеоновны: «Степь да степь круго-о-ом!..»

— Что водка-то с людьми делает! — заметила Лика Казимировна. — Так ты можешь одолжить мне деньги на лекарство?

— Лика, а нельзя купить для Титаника человеческий мезим? Это же будет раз в двадцать дешевле! — робко предложила Агния Львовна.

Но Лика так на нее посмотрела, что Агния Львовна тут же поправилась:

— Конечно, Ликуня, я дам тебе пятьсот рублей — о чем разговор?

— Спасибо, я была уверена, что ты нам с Танечкой не откажешь. Да вот еще что! Я ненадолго подкину тебе Титаника, можно?

— Ну конечно, дорогая! — Агния Львовна достала из стоявшей возле стола сумки на колесиках свой кошелек, извлекла из него последние пятьсот рублей и протянула их Лике.

— Спасибо, с пенсии отдам. Ну, так я поехала. Следи за Танечкой. Смотри, чтобы ему со стола ничего не давали, а то у него будет несварение!

Агния Львовна вернулась в комнату. Компания уже почти допила водку и сейчас увлеченно допевала песню. Титаник стоял возле стула Василь-Ваныча и жадно доедал остатки холодца прямо с блюда; его мохнатый хвостик от удовольствия так и ходил ходуном.

Песню допели до конца и стали прощаться.

— Ну, спасибо тебе, Агния Львовна, — сердечно сказал Василь-Ваныч, — давно я не гулял в такой компании и за таким столом! Человеком себя почувствовал!

Иннокентий подошел к Агнии Львовне, протянул обе руки, а когда та протянула ему свою руку для прощального рукопожатия, наклонился и поцеловал ее.

— Пошли мы, Агния Львовна! — объявил Гербалайф. — Если что понадобится — ты нас только позови! Мы тебе... Мы за тебя... — Тут в его голосе зазвенели слезы, причем, как показалось Агнии Львовне, вовсе не пьяные слезы. — В общем, все для тебя сделаем!

— Очень тронута, Андрей, — сказала Агния Львовна. — Спасибо вам, дорогие, что нашли время поздравить меня, старуху. Я тоже никогда не забуду этот мой день рождения!

Варвара сидела молча и никому ничего не сказала. С нею впопыхах как-то забыли попрощаться.

Агния Львовна проводила гостей и вернулась в комнату. И только тут Варвару Симеоновну прорвало. Она хохотала, наверное, минут пятнадцать, до слез. Агния Львовна поглядела, поглядела на нее, сначала усмехнулась, а потом тоже зашлась смехом.

— Ну что, хозяйюшка, подмели гости твой стол? Теперь что будем делать?

— А что мы должны делать?

— Ну, я пойду опять картошку чистить, а тебе, по всей видимости, надо опять топтать в своих зеленых туфельках на рынок, пока он не закрылся, да снова покупать угощение — скоро же твои дети появятся!

— Варенька, картошка у меня кончилась, чистить нечего. Хуже того, что и деньги тоже кончились. Подчистую!

— А деньги летят, наши деньги как птицы летят!.. — запела подвыпившая Варвара Симеоновна, но тут же оборвала себя. — Постой, Агуня! Так у тебя что, и к столу ничего не осталось? А как же твои настоящие гости?

— Сейчас проведу ревизию, но, по-моему, ни чего, кроме половинки холодца.

Она пошла на кухню к холодильнику. Титаник вскочил и побежал за нею. Опережая ее, он сунулся к холодильнику и поскреб его лапой, умильно свесив голову с красным бантиком в горошек.

— Ты что, знаешь, где у меня стоит холодец? Ну конечно, я же его второй раз при тебе доставала. Так холодец тебе понравился?

Титаник твякнул, выразительно на нее глядя.

— Понимаю, холодец из телячьих ножек — это не морковка в йогурте!

Агния Львовна открыла дверцу холодильника, глянула на стоявшее в нем одинокое блюдо с половиной холодца. Титаник втянул носом воздух, выпустил длинную слюну и восторженно взвизгнул, виляя хвостом.

Агния Львовна решительно вынула холодец и поставила его перед Титаником, прямо на праздничном блюде.

— Ешь, собака, пользуйся случаем! Лопай! Жри! Но если у тебя после этого заболит живот, не жалуйся на меня своей хозяйке!

Титаник упоенно зачавкал. Она вернулась в комнату.

— Знаешь, Варенька, остается один-единственный выход. Ты мне сейчас поможешь все убрать, чтобы никаких следов от этого нашего пира не осталось. Посуду надо всю перемыть, а мусор вы нести, чтобы ни одной обертки, ни одного пакета из-под закусок нигде не было.

— А потом что?

— А потом я лягу в постель и больше уже не встану.

— Это как понять?

— Болеть буду! Может старушка в семьдесят пять лет приболеть в свой день рожденья? Гости придут, поздравят меня, посидят немного и вежливо разойдутся.

— Смотри, чтоб они тебе до того скорую не вызвали!

— Не вызовут. Я скажу, что у меня радикулит разыгрался.

— Родных детей и внучек обманывать нехорошо!

— А у меня и вправду спина побаливает. Она и совсем разболится, когда я все тут закончу убирать!

— Ну, разве что так...

И они вдвоем принялись за уборку квартиры.

— Тут еще полбутылки кагора осталось! Оста вить ее на столе? — спросила Варвара.

— Боже упаси! Что обо мне дети подумают? Спрячь в буфет на кухне да засунь поглубже.

— Как скажешь.

Через час уборка была закончена, и комната приобрела привычный и будничный вид: только громадный букет роз остался стоять посреди пустого, накрытого свежей скатертью стола.

— Ложись давай! Нечего тут расхаживать, обнимая себя за поясницу! — скомандовала Варвара. — Таньку я забираю с собой. У-у, наел пузень! Отожрался, отвел душу!

— Тебя бы месяц держать на одной морковке... Ты смотри Лике не проболтайся, что он тут холодцом пообедался!

— Да уж сегодня не скажу, не бойся. Я его сейчас еще и погулять выведу — авось он немного похудеет! Лика жаловалась, что у него три дня стула не было. Стула! Какой у собаки может быть стул с морковно-йогуртовой диеты? Тьфу! Но если с Танькой все обойдется, я Лике обязательно скажу, чтобы перестала дурью маяться и здоровую собаку на кроличьем корме больше не держала! Вон он какой довольный, давно я у него такого счастливого выражения лица на морде не видела.

— Ой, а ведь правда, Варенька! Абсолютно счастливая собака, а не ходячая укоризна человечеству!

Варвара с Титаником ушли. Агния Львовна обмотала спину пуховым платком и улеглась в постель — читать «Иоанна Дамаскина». Книга ей с первых же страниц так понравилась, что она и о гостях забыла, зачиталась.

Первой появилась младшая внучка Наталья, Наташка. Когда Агния Львовна открыла дверь на ее звонок, Наталья сразу же протянула ей красную розу на длинном стебле:

— Бабушка, Булочка моя любимая, поздравляю тебя! Ой, а что это с тобой? На тебе лица нет! Опять поясница, да, Булочка? — В детстве Наташа слышала, как старшая сестра Катя звала бабушку «бабулечкой», но у нее так не выговаривалось, а получалось — «булочка», так и осталась бабушка для нее Булочкой.

— Да, детка, радикулит разыгрался. — Для убедительности Агния Львовна потерла свободной от розы рукой поясницу и даже слегка постонала. И тут же подумала: «Вот ведь как странно устроен человек! Спину ломит в самом деле, натрудила за день — так зачем еще и подыгрывать? А вот, выходит, если есть в болезни хоть капелька лукавства — чувствуешь себя симулянткой. Ох, прости меня, Господи!» — вздохнула она.

— Ты ведь лежала, да, Булочка?

— Лежала.

— Ну, так и ложись обратно в постель!

Они прошли в комнату. В руках у Натальи была большая коробка с тортом. Агния Львовна сразу же подумала, что все не так плохо — можно будет угостить всех чаем с тортиком. Молодец Наташка!

— Ой, какие у тебя розы, Булочка! Класс! Соседки подарили?

— Не соседки, а соседи — молодые люди с нашего двора.

— Какая ты у нас бабулечка-красотулечка, молодые люди тебе в день рожденья тысячерублевые букеты дарят. Ой, тут роз не на одну тысячу! А запах какой! Булочка, а ты мне дашь несколько! розочек, когда я домой пойду? Я у себя в комнате поставлю.

— Конечно, милая! Забери хоть все.

— Да нет, все забрать мне совесть не велит и мама не одобрит. Я половину возьму, если тебе не жалко, ладно?

— Разве мне может быть что-нибудь жалко для моей любимой младшей внученьки?

— Булочка, а я у тебя правда любимая внучка?

— Да, ты у меня самая любимая младшая внучка. А Катенька — моя самая любимая старшая внучка.

— Ну, так неинтересно!

Впрочем, это была их очень старая игра, и Наталья заигрываться не стала.

— Да ладно, это я так, Булочка! Я знаю, что ты нас любишь одинаково, но только по-разному: Катерину за то, что она умная и послушная, а меня, наоборот, за то, что я глупая и озорная. Ведь так?

— Приблизительно так.

— Дай-ка я тебя за это еще разочек поцелую! — Наташка привалилась к Агнии Львовне и принялась обцеловывать ее лицо, приговаривая: — Булочка моя мяконькая, сладенькая, кругленькая, сдобненькая и с изюмчиком! У-у, какая симпатичная изюминка! Ты у нас приятная во всех отношениях старушка с изюминкой! — «Изюминкой» Наташка называла круглую родинку на щеке бабушки, в которой, на взгляд самой Агнии Львовны, ровным счетом ничего симпатичного не было, да еще и волоски из нее торчали. Наташка вдруг вскочила с постели.

— Ой, Булочка! А ведь я тебе подарок испекла! — Она стала развязывать коробку с тортом. — Только он, знаешь, не очень у меня получился. Но я так старалась, так старалась!

Она сняла крышку, и под ней оказался пирог. С одной стороны поднявшийся каким-то пористым утесом, а с другой совершенно осевший, но зато подгорелый почти до черноты; а посередине пирог был вроде и ничего, нормально пропечен, но почему-то корочка на нем лопнула и из трещины лезла капустная начинка.

— Мда-а... — протянула Агния Львовна. — Вид неказистый... Но, может, он на вкус зато хорош.

— Знаешь, Булочка, он и на вкус, по-моему, не очень... Хочешь, попробуем?

— Ну конечно хочу!

— Ты лежи, лежи! Я тебе в кровать подам! Пирог был ничего, местами даже съедобный — там, где он пропекся, но не подгорел, вот только начинка была повсеместно пересолена!

— Понимаешь, Булочка, я ведь из кислой капусты начинку делала, ну и просчиталась с солью...

— А ты соль клала по частям и пробовала при этом?

— Ну что ты, Булочка! Я же торопилась!

— Вот и результат. Ну ничего, детка, благодаря тебе у меня есть все-таки номинальный пирог для гостей. Что за день рожденья без пирога, верно?

— Верно, Булочка! Только ты Катерине не говори, что это я его пекла, ладно? И вообще никому не говори: пусть думают, что это ты по болезни с пирогом не справилась. Ведь могла ты один; раз в жизни неправильный пирог испечь?

— Теоретически могла. Что взять с больного человека, верно?

— Ве-е-ерно!

— Возьми на кухне большое блюдо и выложи на него этот «мой» пирог.

— Булочка! Я тебя ужасно люблю!

— Взаимно, дорогая, взаимно.

Пирог был выложен на блюдо, и стол снова приобрел почти праздничный вид. Тут зазвенел звонок.

— Ой, это или мама с папой, или Катюха со своим Марковкиным! Я открою, не вставай, Булочка!

— Открой. А по пути занеси на кухню коробку из-под пирога и запихни ее куда-нибудь с глаз подальше.

Наташка послала бабушке воздушный поцелуй, потом метнулась на кухню прятать улики и только после этого отправилась открывать дверь.

Вошла старшая внучка Екатерина со своим мужем Марком. Катюша несла в руке букет, а Марк — торт, на этот раз определенно

настоящий, потому что верхняя крышка у него была прозрачной и сквозь нее было видно что-то пышное, белое с розовым.

— Привет, Наталья! — сказала Катюша. Увидев Агнию Львовну в постели, она кинулась к ней. — Бабулечка, что с тобой? Приболела? Надеюсь, ничего серьезного?

— Спина.

— А врач у тебя был?

— Да не нужен мне врач, Катюша. Это я про сто устала... пока пирог пекла.

— Так зачем же ты с ним возилась? Позвонила бы мне — я бы сама тебе испекла! Бедненькая ты моя старушенька! А теплым поясницу завязала?

— Завязала.

— А покажи!

Агния Львовна послушно откинула одеяло и продемонстрировала пуховый платок на талии.

— Молодец! Ну а стол мы тебе сейчас сами устроим. Ты только лежи и ни о чем не переживай. Марк, пошли в магазин и на рынок!

— Я с вами! — закричала Наташка.

— А кто с бабушкой останется?

— А кто вкусности выбирать будет? Вы же без меня не справитесь.

— Ладно, давай и ты. Как же без тебя.

— Ура! Марковкин, там на кухне стоит сумка на колесиках, захвати ее!

— Наташенька, да разве можно зятя, мужа старшей сестры, звать Марковкиным? — спросила Агния Львовна.

— Какого-нибудь зятя, может, и нельзя, а Марковкина — можно! Катерина сама его так зовет!

— Пусть зовут как хотят, Агния Львовна, лишь бы уважали, — сказал Марк.

— Когда заслуживаешь — уважаем! — сказала Наталья и показала Марку язык.

— Бабулечка, а где ключ от квартиры, чтобы нам не звонить и тебя не подымать с постели? — спросила Катюша, выглядывая из прихожей.

— А там же, в сумке, в боковом кармашке! Нашла?

— Нашла. Тут еще кошелек и очки. Они тебе нужны?

— Нет, это уличные очки, а кошелек пустой.

— Понятно... Ну, ты не скучай, мы скоро!

— Катюша, если будете заходить на рынок, возьмите немного сулугуни, хорошо?

— А разве?.. Ладно, мы не забудем, бабулечка, купим тебе сулугуни!

Молодежь отправилась за покупками, и Агния Львовна снова принялась за «Иоанна Дамаскина». Ей было немножко стыдно, что так получилось: внуки об угощении хлопочут, а она лежит-полеживает, книжечку почитывает! Но книга уж очень ей нравилась, и вскоре она увлеклась чтением и опять про все забыла.

Через час она услышала, как в дверном замке поворачивается ключ. Она подумала, что это Лика или Варвара, и продолжала читать. Но вошли Артем и Надежда, сын с невесткой, с пакетами в руках. Артем подошел к матери.

— Mam, с днем рожденья тебя! Расти большая, слушайся детей и внуков! — пробасил он, целуя мать и осторожно приподнимая ее вместе с по душкой и «Иоанном Дамаскиным». — Мы возле рынка встретили наших ребят, и они дали нам ключ. Они следом идут, только еще в булочную хотят заглянуть. Чего это ты болеть надумала?

— Да это только спина, не волнуйся, Артюша!

— Ну, смотри... Ладно, я пошел на кухню воду дляпельменей ставить.

Наденька положила пакеты у дверей и тоже подошла к Агнии Львовне, наклонилась, поцеловала.

— С днем рожденья, мама! Что с вами? Только спина, больше ничего?

— Нет-нет, это только радикулит.

— Уборку делали?

— Ну, как же без уборки ко дню рожденья?

— А позвонить и позвать?

— Ну что ты, Наденька! Вы все работаете, Наташка учится. Вот только того не хватало, чтобы вы ко мне приходили полы мыть!

— Так вы еще и пол с больной спиной мыли, мама?! Ну, тогда все понятно! Нет, надо вам переезжать к нам. Есть же место, Катюшина комната освободилась — ну почему бы вам к нам не переселиться?

— Наденька, золотко, а на кого ж я своих подружек оставлю? У них же никого, кроме меня, близких нет!

— Как это — нет близких? У Варвары Симеоновны, помнится, тоже есть сын и невестка а также двое вполне взрослых внуков.

— Милая моя, ну какие же это близкие, если они проживают в Германии?

— Она могла бы к ним переехать.

— Она тоже не хочет оставлять меня и Лику.

— Замкнутый круг какой-то!

— Он самый и есть — замкнутый круг старинных подруг.

Надежда вздохнула и пошла на кухню.

— Мама, давай поговорим серьезно, — сказал Артем, присаживаясь на край кровати.

— Ну, давай поговорим... — вздохнула Агния Львовна и помолилась про себя: «Господи, помоги!»

В этот момент раздался звонок.

— Не получится серьезного разговора, Артюшка, это твои дети явились! — сказала Агния Львовна. — Поди открой дверь! — и с облегчением вздохнула.

Катя с Марком сразу отправились на кухню, и Артем тоже пошел помогать жене, оставив Агнию Львовну с Наташкой.

— Булочка, давай пока подарки посмотрим, а?

— Ну, давай. Я же вижу, что тебе не терпится.

— Ну да. У меня подарок не получился, так, может, хоть Катюха с Марком что-то путное принесли. Мамин подарок я знаю — она тебе халат сшила. Могла бы купить, конечно, но ей, видите ли, хотелось сделать подарок своими руками. Ага, вот он!

— Ой, да какой же красивый! И теплый... Не халат, а одеяло! И как же это она ухитрилась его так аккуратно простегать? Молодец твоя мама!

— Хорошая у тебя невестка, Булочка?

— Золото! Я это с первого взгляда поняла, как только твой папа привел ее сюда, вот в эту самую комнату, знакомиться.

— Марк вот тоже говорит, что у него теща — бриллиант чистой воды. Прямо не семья, а ювелирный магазин! Знаешь, у нас вообще какая-то ненормальная семья: разве это порядок, чтобы невестка со свекровью и теща с зятем так любили друг дружку?

— Самый порядок и есть!

— А в кино и по телевизору всегда не так...

— А ты больше всякую ерунду смотри.

— Все смотрят телевизор, но некоторые при этом еще и думают! Что тут у нас еще? Ага, папка, как всегда, свой подарок в конвертике принес! Деньги значит. — Наташка открыла конверт, вытащила из него поздравительную открытку — в открытке лежали деньги, бумажками по пятьсот рублей. Наташка их быстренько пересчитала. — У! Пять тысяч. Булочка, одна пятисоточка моя?

— Твоя, твоя! Только спрячь и папе не говори.

— Уже сделано! А что Катюха с Марковкиным принесли? Ага, ангорская кофта! Ну, мне такая не подойдет, слишком большая и цвет не мой... Ха, зеленые тапки! Ну, это они не угадали — вон у тебя какие хорошенькие новые зеленые домашние туфельки! Это тебе, конечно, тетя Варя с тетей Ликой подарили?

— Они. Но мне вторые тапочки очень даже пригодятся. Эти я буду дома носить, а в тех — по улице ходить.

— В таких вот зеленых башмаках — по улице?!

— А ты считаешь, что это будет очень неприлично?

— Ну что ты, Булочка! Нам с тобой по возрасту можно все носить: как сказал поэт, девушке в семнадцать с половиной лет и бабушке в семьдесят пять какая шляпка не пристанет? И тапочки.

— Верно! — засмеялась Агния Львовна.

Через полчаса стол был накрыт и ломился от угощения. В центре, возле вазы с розами, стояли две бутылки шампанского. Портит картину только кривобокий пирог с прорехой, который не стали убирать со стола, чтобы не обидеть виновницу торжества. Артем открыл и разлил по бокалам шампанское. Он же произнес тост в честь мамы и бабушки. Все с бокалами в руках подошли к Агнии Львовне, чокнулись с нею и расцеловались. Она отпила глоток шампанского, а потом поставила бокал на тумбочку. Там же заботливая Катюша разместила для нее тарелку с салатом и кусочком осетрины — больше Агнии Львовне ничего не хотелось.

Когда все закусили, Марк потянулся за второй бутылкой шампанского и стал ее открывать.

— Чего это ты сразу за вторую, сынок? — спросила зятя Надежда.

— Надо! — коротко ответил тот. — Для второго тоста.

— За семью виновницы торжества? — спросила догадливая Наташка.

— Ну... Пожалуй, можно сказать и так. — Он разлил шампанское по бокалам, а потом подошел к Екатерине, обнял ее и сказал: — Дорогая бабушка и все-все! Хочу сообщить вам потрясающую новость: мы с Катюшей ждем ребенка! И вот сейчас она выпивает со всеми нами свой последний бокал вина, потому что потом уже ей нельзя будет пить до самого конца кормления!

— Уж ты с такими подробностями! — засмеялась Катюша, но ее слова заглушили общие крики восторга. Наташка — та просто визжала изо всей мочи, пронзительно и на одной ноте. Она хотела было кинуться к сестре и повиснуть у нее на шее, но ее предусмотрительно перехватил Марк — пришлось Наталье повиснуть на его шее и с тем же неукротимым визгом расцеловать его.

Катюша подошла к Агнии Львовне и обняла ее.

— Вот так, бабулечка, скоро ты у нас прабабушкой станешь!

— Слава Богу! — сказала Агния Львовна, поцеловала Катюшу, перекрестила ее и перекрестилась сама. — Давайте-ка все помолимся за нашу внучку, дочь, жену и сестру!

Все поставили свои бокалы на стол, но сами остались стоять — только повернулись к киоту с иконами.

— Спаси, Господи, сохрани и помилуй рабу Твою непраздную Екатерину, даруй здоровье ей и нерожденному чаду ее. Аминь!

— Аминь! — сказали все, а Наташка добавила: — Да здравствует наша непраздная Катюха и нерожденное чудо ее! Ура!

— Нерожденное чадо, а не чудо, — поправила дочь Надежда.

— Нет, чудо! — возразила та. — Своих племянников я как хочу, так и называю! Кстати, Марковкину тоже ура! И прабабушке нашей: не было бы Булочки — не было бы и всех нас! Ура нашей бабушке!

Потом все понемногу успокоились, Надежда принесла кастрюлю с пельменями, и праздник продолжался. Наташка, быстро справившись со своей порцией, подошла к Агнии Львовне.

— Булочка, можно я с тобой у стеночки полежу?

— Ладно уж, лежи.

Наташка скинула туфли и осторожно, стараясь не потревожить бабушку, переступила через нее и улеглась под теплый бабушкин бок.

— Случилось что-нибудь? — спросила Агния Львовна, поскольку под бок к бабушке Наташка забиралась, когда ей хотелось чувствовать себя в безопасности.

— Да нет, Булочка... Я просто за Катюху беспокоюсь. «Непраздная Екатерина»! Звучит так грозно! Вроде как все, что было до этого, — это была как бы Катюхина молодость, сплошные праздники, а вот теперь она стала уже «непраздная» и начинается серьезная жизнь... В общем, я за нее очень беспокоюсь, Булочка!

— Ты права, детка: теперь наша Катюша становится по-настоящему взрослой.

— Мы все будем ей помогать, правда?

— Ну, а как же иначе? На то ведь мы и семья.

— Семь Я. Семь таких, как я. А у нас семь или не семь? Ты, папа с мамой, мы с Катей и Марковкин... Ой, как раз седьмого нам и не хватало!

— Ну, вот видишь, как замечательно.

— Угу. Ты станешь прабабушкой, а я — тетушкой. А вдруг у Катюшки будет двойня? Здорово-то как! — Тут чувство тревоги Наташку оставило, она вывернулась из-под одеяла, спрыгнула с кровати и побежала обнимать мать своих будущих племянников и что-то горячо нашептывать ей на ухо.

— Да отстань ты, Наташка! Какая двойня, с чего ты вдруг взяла? — смеялась Катюша. — Да типун тебе на язык!

— Нет, ну ты подумай, Катюха, как это удобно! Сразу р-раз! — и ты уже мать двоих моих племянников! Ты уж постарайся, чтобы это были мальчик и девочка!

— Хорошо, я подумаю. Ты только не задуши меня, а то не будет тебе ни мальчиков, ни девочек.

— Меня бы еще спросить надо, хочу ли я вот так сразу стать многодетным отцом? — сказал Марк.

— Ой, Марковкин! Я тебя ужасно люблю! — закричала Наташка, вспомнив, что у ее грядущих племянников где-то есть еще и отец. — Дай-ка я тебя тоже придушу немножко!

И до самого конца застолья Наташка то и дело вспоминала про радостную новость и кидалась обнимать то сестру, то зятя, то родителей, то бабушку.

В девять часов Марк объявил, что у Кати теперь строгий режим и им надо собираться домой.

— Да и маме пора отдохнуть, — сказал Ар тем. — Давайте-ка, девочки, убирайте со стола и мойте посуду. Пора и честь знать!

Стали уносить посуду и оставшиеся закуски, в том числе остатки злополучного пирога, от которого гости все-таки вежливо и самоотверженно съели по кусочку, чтобы не огорчать хозяйку.

Тем временем Агния Львовна подозвала к себе Марка, усадила его рядом и сказала ему:

— Ну, Маркуша, теперь на тебя вся надежда! Береги Катюшу и свое дитя в ней.

— А как же, бабушка! Я ей же запретил делать утомительную домашнюю работу и носить тяжести.

— Главная опасность — душевные тяжести, а не телесные.

— А как от них уберечь жену в наше-то время?

— Ну, тут рецептов нет. Разве что один. Но он очень трудный.

— Какой, бабушка?

— Вот такой: поставь себе цель — сделать так, чтобы время своей беременности Катюша в будущем вспоминала как самое счастливое время своей жизни.

— А как это сделать? Ведь это такой труд — носить ребенка!

— Хорошо уже, что ты это понимаешь. Но многое и от тебя зависит. У нее могут быть капризы, нападения беспричинной печали, а ты все это должен растворить своей любовью и заботой. И баловством! Ожидающую ребенка жену надо баловать вдвое больше, чем невесту! Дари ей цветы и маленькие подарочки, радуй ее и хвали, почаще говори о любви. Помни, радуется она — радуется и младенец в ней.

— Я понял, бабушка. А можно если что, так я буду к вам прибегать за советом или звонить?

— Ну конечно можно, дорогой! Прибегай и звони. Я же бабушка и прабабушка! А я с этого дня буду усиленно молиться за непраздную Екатерину, ее супруга и их чадо.

— Спасибо...

— Булочка! Так можно я половину твоих роз себе возьму? — спросила Наташка.

— Можно. Возьми на кухне бумажные полотенца и заверни, чтобы не уколоться. А вторую половину букета заверни для Катюши.

— Спасибо, Булочка!

Вскоре гости распрощались с Агнией Львовной и вышли за дверь.

Спустившись во двор и оглянувшись на окна бабушкиной квартиры, они вдруг заговорили все разом.

— Мама совсем плоха стала...

— Нет, надо ее забирать к нам жить! И что это она упрямится? Или это уже старческое?

— Да, возможно. Она, кстати, все путает: сегодня среда, а она попросила купить ей сулгуни.

— А вы знаете, что у нее в кошельке не было НИ КОПЕЙКИ! А ведь у нее позавчера была пенсия.

— Ну, деньги у нее теперь есть, я ей подарил конвертик.

— И Марковкин ей в кошелек сунул тысячу.

— И при этом, вы видели, у нее совершенно пустой холодильник!

— Трудно ей одной жить. Совсем, совсем сдала наша старушка...

— Да ладно вам! — возмутилась Наташка. — И ничего она не сдала, просто у нее вдобавок к мудрости с годами прорезался здоровый пофигизм!

— Не иначе, Наталья, это она от тебя заразилась!

Все засмеялись и почувствовали облегчение: пофигизм у старушки — это еще не так страшно! Они подошли к припаркованной во дворе машине Марка и стали в нее усаживаться: старшая пара с Наташкой на заднее сиденье, младшая пара — впереди.

После ухода гостей Агния Львовна еще немножко полежала, отдыхая от них, любимых, но шумных, а потом встала и отправилась через площадку к соседкам. Позвонила в ту и в другую дверь, а когда подружки выглянули, сказала:

— Девочки! Берите Таньку и марш ко мне — будем теперь справлять мой день рожденья в самом узком семейном кругу!

И они его справили. Вынули из холодильника остатки закусок, достали из буфета спрятанную в углу бутылку кагора и сели пировать. Поели, выпили по рюмочке, поговорили о том, что Агния Львовна скоро станет прабабушкой, еще раз выпили — теперь за непраздную Екатерину. А потом Варвара Симеоновна сходила к себе за гитарой и спела песню. Не свою, правда, но очень подходящую к случаю:

*А на Марата, как тогда, летают сизые голуби,
Снуют у белых колонн Музея Арктики.
Я вспоминаю о годах, в которых не было холодно,
Когда мечты наши были завернуты в фантики.*

*Гитарой баловалась юность в наше время веселое,
И узнают меня все на этой улице,
И с рынка тянет свежей зеленью и маслом
подсолнуха,
Но, чтоб увидеть тебя, надо зажмуриться.^[6]*

...И, засыпая в эту ночь, Агния Львовна сказала мысленно:
«Спасибо Тебе, Господи, за этот чудесный день рожденья!»

История вторая

Птичий грипп на троих

Утром Варвара Симеоновна вышла из своей квартиры и увидела на площадке Титаника, сидящего с самым несчастным видом на привязанном к перилам поводке. На двери его хозяйки Лики Казимировны Ленартович белел листок бумаги. Она подошла, вынула из сумки очки для чтения и в величайшем недоумении прочла следующий текст:

ОСТОРОЖНО! НЕ ВХОДИТЬ!
В КВАРТИРЕ ПТИЧИЙ ГРИПП!

Дорогие мои Варешка и Агуня, я заболела. Это птичий грипп.

Возьмите к себе Титаника. Врача я вызвала сама. Прощайте, мои дорогие подруги, это конец, я ухожу в вечность.

Я вам позвоню, если смогу.

— Однако! — сказала Варвара Симеоновна в раздумье. Она достала из сумочки ключ от квартиры Лики Казимировны, повертела его и сунула обратно, позвонила в квартиру Агнии Львовны, но той не оказалось дома. «В магазин, наверное, вышла! Значит, записку и Таньку она не видела, они появились позже», — решила Варвара Симеоновна и стала отвязывать поводок Титаника. Тот вскочил и взволнованно замотал хвостиком.

— Ну, конечно, конечно, гулять, дорогой ты мой пес! Куда же мы с тобой еще можем пойти в такой ситуации? Что ты так на меня смотришь? А, ну да, еще в аптеку, само собой. Птичий грипп — это, знаешь ли, не шутка, милый! Наверняка твоя хозяйка считает, что он передается не только от птиц человеку, но и от человека собаке, вот и выставила тебя из дому. Так что ты на нее не обижайся и не жалуйся. Вперед, дружок, беги без поводка!

Титаник неуклюже запрыгал вниз по лестнице, ныряя головой и цепляясь когтями мохнатых лап за оббитые края ступеней. Внизу Варвара Симеоновна снова прикрепил поводок к ошейнику, и они степенно вышли во двор.

На скамейке под тополем прохлаждалась неразлучная троица местных бомжей — Гербалайф, Иннокентий и Василь-Ваныч. Именно «прохлаждалась», потому что на дворе было прохладно: уже шел октябрь, и, хотя небо было ясное и всю светило солнышко, воздух по утрам уже не прогревался, и потому все трое сидели, засунув руки в рукава своих более чем скромных одежек и поеживались. На Гербалайфе и Иннокентии были много чего повидавшие куртки, а на Василь-Ваныче — классическая солдатская телогрейка.

— Доброе утро, уважаемая Варвара Симеоновна! — приветствовал ее Иннокентий.

— Здравствуйте, молодые люди!

— Здрасьте вам! В магазин или на рынок? — любопытствовал Гербалайф.

— Титаника они прогуливать вышли! — солидно пояснил Василь-Ваныч. — Лика Казимировна-то заболела. Птичий грипп у нее.

Варвара Симеоновна остановилась, разбежавшийся Титаник затормозил лапами.

— Ас чего это вы взяли, Василь-Ваныч, что у Лики Казимировны птичий грипп? Вы записку ее на двери читали?

— Не читал я никаких записок, зачем мне? Сама Лика Казимировна мне сказала, вчера егпе.

— Ну-ка, ну-ка! Да погоди ты, собака! — Варвара Симеоновна намотала на кулак поводок, подтянула к себе нетерпеливо рвущегося к воротам Титаника и подошла поближе к скамейке. — Что она вам сказала по поводу птичьего гриппа?

— Да ничего особенного! — пожал плечами Василь-Ваныч. — Вчера мы сидели на ступеньках перед Музеем Арктики, подошла к нам ваша подружка и присела рядом. Сидим, на последнем теплом солнышке греемся, о жизни разговор ведем — все как всегда. А кругом нас голуби, голуби, голуби... Лика Казимировна вынула из сумки батон и давай голубей кормить. Тут одна мимоходящая дамочка остановилась и говорит: «Зря вы этих разносчиков заразы прикармливаете! Знаете, сколько народа они птичьим гриппом

заразили? Ужас! Все больницы переполнены!» Лика Казимировна испугалась, подхватила и говорит: «Ох, у меня такая слабая иммунная система! Ой, спасибо, что предупредили!» — и домой побежала. А мимопроходящая дамочка по своим делам пошла, с виду очень собой довольная.

— Ступени холодные были?

— Да не очень, наверное... Хотя все-таки камень. Так вы думаете, что она просто простыла?

— Думаю, что так, — кивнула Варвара Симеоновна. — Но могла и вирус простудный или обыкновенный грипп подхватить. Народу-то много сидело на ступеньках?

— Да сидел кое-кто... Место уж больно привлекательное, когда на него солнышко светит, — сказал Иннокентий.

— А вы не помните, рядом с нею кто-нибудь чихал?

— Да почти все! — радостно сказал Гербалайф. — Ведь поглядишь на солнце — и обязательно чихнешь. А как же на него не глядеть? Не так часто в это время солнышко светит.

— Осень, Варвара Симеоновна, — самое простудное время года, — сказал Василь-Ваныч. — Я и сам, считай, целую неделю не только чихаю, но еще и кашляю.

— Картина проясняется!.. — качая головой, произнесла Варвара Симеоновна. — Вы бы хоть скамейку на солнышко перетащили, ребята, холодно сидеть в тени!

— Ага, таскай ее туда-сюда-обратно! — сказал Гербалайф. — Солнце скоро само сюда переползет, как миленькое.

— Смотрите, ваше дело. Что ж, Титаник, пойдём на бульвар свои дела делать, а потом уже начнем лечить твою хозяйку.

— Приятной вам прогулки! — сказал Гербалайф и оглушительно, с удовольствием чихнул.

Справив бульварные дела с Титаником и купив все потребное в аптеке, причем в изрядном количестве, Варвара Симеоновна заглянула в гастроном и вернулась во двор. Троица пребывала на том же месте, но теперь они сидели, тесно прижавшись друг к другу на одном конце скамейки, куда уже и вправду, «как миленькое», доползло солнце. Варвара Симеоновна вынула из сумки коробочку с лекарством и протянула ее Василь-Ванычу.

— Василь-Ваныч! Вот это антигриппин — пейте все три раза в день по одной таблетке, утром, в обед и вечером.

— Так мы ж не бодем! — удивился Василь-Ваныч.

— Пейте для профилактики! — отрезала Варвара Симеоновна. — Врач к Лике не проходил?

— Не-а!

— Хорошо.

Варвара Симеоновна скорым шагом пошла к своему подъезду, волоча за собой Титаника, который теперь был явно не прочь задержаться у скамейки и пообщаться со знакомыми людьми.

А бедная Лика Казимировна в это время лежала под сбившимся влажным и горячим одеялом, съездившись в маленький, дряхлый, уже никому на свете не нужный комочек, тихонько поскуливая от жалости к себе и ждала смерти. В распухшей голове стучали горячие молоточки, шевелить ею было нельзя ни в коем случае — при малейшем движении большая пружина с остро заточенными концами, расположенная в самой середине ее черепа, тут же распрямлялась и впивалась концами в оба виска изнутри. Ноги ее превратились в два ледяных камешка, и она никак не могла ими пошевелить, такие они были тяжелые, а руки, притиснутые к груди, хотя и не такие холодные, как ноги, стали какими-то чужими птичьими лапками. Птичий грипп! Дышала она быстро-быстро, и сердце ее тоже стучало мелко и скоро, даже не стучало, а, скорее, дрожало. Очень холодно было спине, невыносимо холодно, и этот холод постепенно проникал все глубже и глубже в ее бессильное, безвольное и совершенно беззащитное тело. Наверное, одеяло сбилось и обнажило спину. И она, конечно, хотела бы поправить его, натянуть на спину, но, во-первых, она не помнила, как это делается, а во-вторых, на такое сложное действие у нее все равно не хватило бы сил. Сползшее одеяло — это непоправимо! Видно, придется болеть и умирать с голой спиной...

Варвара Симеоновна открыла дверь квартиры Лики Казимировны и вошла вместе с Титаником. Пес хотел было броситься в комнату к хозяйке, но Варвара Симеоновна повлекла его на кухню, там налила ему в миску свежей воды, в другую миску положила собачий корм из банки, найденной в холодильнике, и тихо, но грозно приказала:

— Ешь! И чтобы я тебя не слышала! Титаник послушно зачавкал.

Сама же она подошла к Лике Казимировне и попробовала рукой ее лоб. Лика горела и на прикосновение никак не отозвалась. Варвара Симеоновна глянула на часы: было уж одиннадцать, врач мог придти в любую минуту, а мог явиться и после обеда. Она выдвинула один из ящиков серванта, в котором у Лики хранились лекарства. Порылась, нашла парацетамол: с антигриппином она решила подождать до врача, а вот парацетамол — это было древнее испытанное средство. Нашла она и градусник — старинный, ртутный, который ставится под мышку, а не берется в рот. Таблетку она раздробила черенком ножа, высыпала в столовую ложку и разбавила водой. Подошла к Лике, осторожно перевернула ее на спину, потом подсунула руку под подушку и приподняла ее.

— Ликуня, открой рот и выпей лекарство! — К ее удивлению, Лика, не открывая глаз, послушно открыла рот и позволила ей вылить в него воду с парацетамолом, но, когда она попыталась сунуть градусник ей под мышку, Лика простонала: «Не надо! Не надо меня ножом! Я хочу жить!» — и стала слабо отбиваться. «Надо немного согреть градусник!» — догадалась Варвара Симеоновна, подержала его в ладонях и снова сунула Лике под мышку, и Лика покорилась, только тихонько и жалобно пискнула. Во время этих процедур Варвара Симеоновна заметила, что руки у Лики очень холодные; она тут же пощупала ее ноги, и, как и ожидалось, те были еще холоднее. Она достала из шкафа пахнувший лавандой толстый платок из козьей шерсти и, приподнимая и ворочая Лику с боку на бок, укутала ее платком вместе с градусником. Села передохнуть — почему-то от болезни Лика стала поразительно тяжелой. Потом она отправилась на кухню и поставила на газ чайник с водой для грелки.

А в это время в соседней квартире болела и страдала Агния Львовна. Вот она не замерзала — она лежала, вся налитая тяжелым горячим жаром, и изо всех сил пыталась остановить мерно раскачивавшуюся кровать. Это было почти невыполнимо, хотя старалась Агния Львовна изо всех своих сил. Кровать качалась с боку на бок, как лодка при боковой волне; ее ножки, правые и левые, поочередно отрывались от пола и потом с тяжким грохотом бухались на место; матрац поднимался то с одного бока, то с другого, и Агния Львовна чувствовала, как горячая жидкость в ней самой тоже переливается из правой половины тела в левую. Время от времени

качающаяся кровать отъезжала от стенки, а потом, сотрясаясь, бешено мчалась назад, на свое место, и глухо врезалась в стенку. «Если кровать пробьет стену, то куда я на ней въеду — к Лике или к Варержке?» — Агния Львовна никак не могла сообразить, у какой стены стояла ее кровать и кто из подруг жил за этой стеной. Так она и качалась в кровати, как в лодке, понемногу отъезжая от стены, а потом кровать, дрожа и скрипя, стремительно возвращалась и обрушивалась на стену вместе с хозяйкой, отъезжала и снова качалась, качалась, качалась и качалась...

Пока вода грелась, Варвара Симеоновна дважды проверяла ноги бедной Лики Казимировны, и ей показалось, что по мере того, как Лика под действием платка и парацетамола согревается и розовеет, ноги ее все больше леденеют. «Не буду ждать, пока вода закипит!» — решила она и стала наполнять грелку из чайника. Когда она ее наполнила почти доверху, вдруг раздался звук рвущейся резины и на ее ноги хлынул поток довольно горячей воды — старая грелка лопнула!

— Хорошо, что не кипела! — вслух сказала Варвара Симеоновна и швырнула негодную грелку в раковину, а чайник снова наполнила и поставила на газ. И пошла к себе переодеваться и переобуваться. Выйдя на площадку, она еще раз позвонила Агнии, но та не отозвалась на звонок. Варвара Симеоновна сняла мокрые носки и обувь, скинула халат и надела спортивный костюм, сухие носки и меховые зимние тапки. Потом она снова вышла на площадку, опять позвонила Агнии, а затем открыла дверь ее квартиры своим ключом и забежала в нее — за грелкой, потому что своей грелки у Варвары Симеоновны не было — она редко болела. Войдя в комнату, она сразу же увидела пылающую от жара Агнию Львовну. Варвара Симеоновна попробовала ее лоб, позвала ее, но та не откликнулась.

Она бросилась назад, в квартиру Лики, вытащила у нее из-под мышки градусник, посмотрела, ахнула, стряхнула и побежала к Агнии.

Поставила Агнии градусник, схватила в ванной висевшую на гвозде грелку и побежала к Лике.

Налила в грелку уже закипевшей воды и положила Лике к ногам.

Прихватив упаковку парацетамола, побежала к Агнии. Растолкла таблетку, развела водой и вылила в рот Агнии.

Побежала к Лике, заварила в стакане пакетик малинового чая, бросила туда кружок лимона и попыталась напоить Лику. Та выпила

две чайные ложки и больше не стала.

Побежала к Агнии, вытащила градусник и ахнула. Попыталась и ее напоить чаем, но та не поняла ее намерений и с протестующим стоном отвернулась к стенке.

Вышла на площадку и тут увидела поднимающуюся по лестнице Людмилу Алексеевну, их бывшего участкового врача, а теперь пенсионерку.

— Здравствуйте, Варвара Симеоновна, а я к вашей соседке по вызову!

— Здравствуйте. А почему вы пришли по вызову, Людмила Алексеевна, вы разве не на пенсии?

— Грипп идет по городу, и всех врачей-пенсионеров, кого могли найти, позвали на эпидемию. У Лики Казимировны тоже грипп?

— Да, очень похоже. И у Агнии тоже.

— Господи! Ну да уж этого следовало ожидать. А вы-то как?

— Держусь.

Людмила Алексеевна добралась до площадки и остановилась, тяжело дыша.

— Ну, к кому первому идти?

— Ой, да все равно! Они примерно в одинаковом состоянии: у Лики температура сорок, а у Агнии тридцать девять и пять.

Людмила Алексеевна посмотрела и послушала сначала Лику, а потом Агнию, одобрила антигриппин, выписала еще иммуномодулятор, посоветовала обильное питье и витамин С, а Варваре Симеоновне предложила тут же сделать противогриппозную прививку.

— Вы хотите поднять ваших подруг или сами предпочитаете свалиться за компанию?

— Ну нет, нам этого птичьего гриппа на троих вполне хватит!

— С чего это вы взяли, что у них птичий грипп? — фыркнула Людмила Алексеевна. — Что еще за вздор? Им и такого гриппа за милую душу хватит.

Варвара Симеоновна показала доктору записку Лики.

— Ну, это у нее уже бред начинался! — засмеялась та, прочтя записку. — Птичий не птичий, а грипп этот дает тяжелые осложнения. Главное — вовремя захватить и как следует долечить. Ну, первое мы,

кажется, успеваем, а вот второе уже зависит от ухода... Вы родным Агнии Львовны уже сообщили?

— Они все уехали отдыхать в Турцию, и старшие, и младшие.

— А связь с ними есть? Можно их вызвать?

— Да не стану я их звать, мы привыкли друг за дружкой сами ухаживать.

— Ну, смотрите! И давайте-ка я вам все-таки вколю противогриппозную сыворотку, у меня как раз с собой несколько ампул есть.

— Да разве они помогают?

— Помогают, помогают! А то свалитесь — куда я ваших подружек дену? В больницу? Так они все переполнены. Разве что в коридоре на сквозняке положат...

— Ну нет, в коридор не надо! Ладно, колите! — и она решительно взялась за резинку брюк. Но врач ее остановила:

— Да не нужна мне ваша попа, рукав заверните повыше локтя!

Она сделала укол и предупредила:

— Учтите, что вас может слегка полихорадить два-три денька, так что постарайтесь не переутомляться!

— Постараюсь, — буркнула Варвара.

— Температура у ваших больных должна начать спадать через час, — сказала доктор. — Но если повысится хоть на один градус — немедленно вызывайте скорую.

— Да уж придется! — вздохнула Варвара. Она накинула пальто и вышла вместе с Людмилой Алексеевной — купить выписанное лекарство и вторую грелку вместо лопнувшей.

На скамейке сидели Гербалайф и компания.

— Вот, полюбуйте, Людмила Алексеевна! — громко сказала Варвара Симеоновна. — Еще три явных пациента сидят, у всех троих определенно грипп! — и добавила тихо, чтобы услышала только врач: — А сделать для них ничего нельзя — бомжи.

— Ну, как это ничего нельзя сделать? Мы не в Америке! — Она подошла к скамейке и оглядела всех троих ее обитателей. — Ты, что ли, Андрей?

— Ну, я...

— С трудом узнала тебя. Эк тебя обметало!

— Так ведь жизнь, Людмила Алексеевна. Она и обметет, и выметет.

— Да я не про жизнь — я про герпес: не рот у тебя, а сплошная болячка! Но и грипп, похоже, у вас у всех троих в наличии. Знаете что, дорогие мои? Негоже вам тут болеть, на свежем воздухе.

Поезжайте-ка вы на Синопскую набережную, я вам дам записочку, вас там встретят, устроят на недельку и полечат.

— Меня не возьмут, я тут прописан и жилплощадь имею. У меня и полис есть! Жить только негде...

Людмила Алексеевна нахмурилась, Варвара Симеоновна что-то зашептала ей на ухо.

— Понятно, — кивнула головой врач. — Да, проблема...

— Я ее попробую как-нибудь утрясти, — сказала Варвара Симеоновна. — Вот если еще вы поможете...

— Ладно, попробуем. А у вас, — обратилась врач к Иннокентию и Василь-Ванычу, — тоже есть прописка и полис?

Оба помотали головой, а Гербалайф добавил:

— И денег на метро, чтоб доехать, у них тоже нет. А пешком на Синопскую хрен дойдешь.

— Три билета туда, три обратно... — начал было подсчитывать Гербалайф, а глаза у него заблестели в предчувствии добычи.

— Андрей, прекрати немедленно! — прикрикнула на него Варвара Симеоновна.

— Что такое? — спросила Людмила Алексеевна.

— Мысли у него! — непонятно объяснила Варвара Симеоновна. Она порылась в сумке и достала два жетона на метро. — Вот, Василь-Ваныч, это вам и Иннокентию.

— А обратно? — все-таки сунулся Гербалайф.

— Про «обратно» потом разговор будет! — строго сказала Людмила Алексеевна. Она положила портфель на скамейку и уже что-то писала на листке из блокнота. — Как ехать знаете?

— До Александра, Невского что ли? С Достоевской? — уточнил Василь-Ваныч.

— Правильно. Дойдете до Синопской 26, увидите вывеску «Фонд «Ночлежка», войдете во двор, там найдете медицинский пункт помощи и отдадите дежурному врачу эту записку.

— И что будет? — поинтересовался Василь-Ваныч.

— Будет — все! Койка, чистое белье, врач, лекарство и горячая еда. А сначала — горячий душ.

— Ух ты! — сказал Гербалайф.

— У тебя душ, между прочим, и дома есть, — заметила ему Варвара Симеоновна.

— И отправляйтесь немедленно! — продолжала Людмила Алексеевна. — Через два часа я закончу обход и тоже приеду на Синопскую: чтоб вы к этому времени уже лежали в постелях и послушно глотали лекарства! Ясно?

— Ясно.

— Ступайте!

Иннокентий с Василь-Ванычем послушно встали и, поддерживая друг друга, поплелись к воротам. Иннокентий так за все время и не проронил ни слова, только кашлял глухо: похоже, ему совсем худо было.

— Так... А ты, Андрей, давай-ка со мной! — скомандовала Людмила Алексеевна.

— Куда?

— Как это куда? К тебе домой.

— Так ведь мне же нельзя там днем появляться! Димон предупредил: если я днем стану заходить в квартиру, он замок сменит и не будет меня пускать на ночевку. Это его Клавдия так настропала: она-то знает, что я ночью друзей к себе ночевать пускаю.

— Ничего, сейчас мы договоримся с Лимоном. Варвара Симеоновна, идемте! Вы скажете... этим, что это вы меня к больному вызвали.

— Конечно! Тут без свидетеля никак нельзя действовать. Пойдем, Андрей!

— Ой, неохота лезть на рожон, Варвара Симеоновна!

— А лезть в могилу из-за жильцов-подлецов можно?

— Так они милицию опять вызовут, наврут, что я шумел...

— Я им вызову! Я им не милицию, я им налоговую полицию вызову! — непонятно пригрозила Варвара Симеоновна. — Пошли!

В сопровождении двух решительных старушек Гербалайф все-таки двинулся к своей квартире, располагавшейся на первом этаже. Людмила Алексеевна позвонила. Дверь открыл сам Димон — толстый,

бритый наголо мужик в спортивном костюме. Он встал на пороге, придерживая дверь.

— Чего надо?

— Врача вызывали?

— Врача? Да нет вроде... Клава! Клавдия, иди сюда! Ты врача вызывала?

Откуда-то из недр квартиры появилась Клавдия в бигуди и тоже встала в дверях рядом с мужем, подозрительно глядя на гостей.

— Врача вызвала я! — заявила Варвара Симеоновна. — Вот к нему, к Андрею Герберу. У него грипп. Придется уж ему у себя дома поболеть, уважаемые, хотя бы вам это и было неприятно! Не с милицией же нам его укладывать в собственную постель в собственной комнате, где он прописан по закону, верно?

— Да нам-то что? Пусть себе болеет на здоровье, — неожиданно быстро согласился Димон и даже цыкнул на возникшую было Клаву. Наверное, ему не понравилось упоминание милиции, подумалось Варваре Симеоновне.

— Ну, ведите, больной, в свое жилище! — приказала Людмила Алексеевна. — Да поскорей, у меня пациентов много!

Гербалайф хотел было бочком протиснуться мимо Димона, но тот широко распахнул дверь и отступил в сторону, увлекая за собой и супругу.

— Я вам больше не нужна, Людмила Алексеевна? — спросила Варвара.

— Пока нет.

— Для Андрея купить то же лекарство, что для Агнии с Ликой?

— Да, то же самое, тут нет сомнений. Еще возьмите «Ацикловир». Это мазь такая; больной, будете им болячки на губах смазывать.

— Разносят тут заразу! — все-таки не удержалась Клавдия, но на ее слова даже муж не обратил внимания.

Гербалайф с доктором прошли в его комнату, а Варвара Симеоновна вышла из неприветливой квартиры. Бедный Гербалайф! Неужели эта парочка все-таки добьется своего и выживет его из дому? Он уж и так только ночует в своей комнатке, самой маленькой в квартире, да и то не всегда: Варвара Симеоновна знала, что Иннокентий с Василь-Ванычем устроили себе ночлег на чердаке, в

закутке, где проходит труба парового отопления, и частенько Гербалайф ночует там же: после двенадцати часов соседи взяли привычку закрывать дверь на большой железный крюк и уже не впускать его в дом.

Оставив Людмилу Алексеевну у Гербалайфа, Варвара Симеоновна помчалась в аптеку: она взяла лекарства по рецептам и заодно купила два электронных термометра, которые не надо было совать под мышку на десять минут, а достаточно было на минутку сунуть в рот больному. Только придерживать надо, особенно если больной в беспамятстве, а то, бывало, глотали... Естественно, сначала она занесла лекарство Гербалайфу. Димон открыл ей дверь и впустил в квартиру без единого слова. Гербалайф крепко спал, она не стала его будить, а пододвинула к его дивану ветхий венский стул, с которого сняла и переложила на подоконник какую-то одежду, и положила на него таблетки и мазь от герпеса. Поднялась в свою квартиру и поставила на газ чайник и кастрюльку. Взяла в холодильнике полкило сосисок, купленных утром, и все их бросила варить, присовокупив к ним два яйца. Зашла к своим больным, убедилась, что они все в том же состоянии, и попыталась заставить их принять по капсуле нового антигриппозного средства. Ни та, ни другая никаких уговоров не услышали и капсулы глотать не стали. Тогда она капсулы раскрыла, высыпала содержимое в ложки и дала его вместе с водой — в таком виде это лекарство и было обеими старушками принято. Варвара вздохнула и пошла к себе, чтобы приготовить все нужное для Гербалайфа. Она сделала несколько бутербродов с сыром и достала из буфета непочатую пачку печенья. Потом взяла из нижнего отделения большой термос, который они брали с собой на дачу, и, когда чайник закипел, заварила чай и наполнила им термос, прибавив несколько кружочков лимона и сахарный песок. Прихватив с дивана плед, она завернула в него кастрюльку и термос и, взяв этот узел под мышку, другой рукой прихватила тарелку с бутербродами и отправилась вниз. На звонок открыла Клавдия и по привычке встала в дверях, глядя на посетительницу без всякого выражения и выжидая.

— Я к больному! — строго объявила Варвара Симеоновна.

Ничего не ответив, Клавдия посторонилась. В комнате Гербалайфа стола не было. Варвара Симеоновна поставила термос, кастрюльку и тарелку с бутербродами на стул, укрыла спящего Гербалайфа

принесенным пледом, мысленно навсегда попрощавшись с ним, то есть с пледом, конечно, а не Гербалайфом, и вернулась к своим больным.

Пока никаких изменений к лучшему не произошло: Агния по-прежнему металась в жару, а Лику все так же бил озноб. О том, чтобы накормить их, не было и речи. Варвара Симеоновна только давала им лекарство и теплую воду с лимоном да ставила градусник. Во второй половине дня жар у обеих несколько спал, они стали дышать ровнее, но вечером температура опять подскочила почти до утренних отметок. Обе бредили и горели, и Варваре Симеоновне лечиться в эту ночь не пришлось, она только и делала, что бегала из одной квартиры в другую. Ночью на лестничной площадке стало холодно, и ей пришлось накинуть теплый платок: она очень боялась простудиться — кто тогда будет ухаживать за ее больными?

Утром температура у больных опять немного спала, но в себя ни одна из подруг пока так и не пришла. «Неужто придется вызывать скорую?» — с ужасом думала Варвара. Лике она каждый час меняла грелку, а Агнии стала обертывать ноги полотенцем с уксусом — оттягивала жар.

На обед она сварила картошки для себя и Гербалайфа и сходила его проведать. Тот лежал и читал книгу.

— Варвара Симеоновна, ангел вы наш! — воскликнул он радостно. — А я уже почти здоров!

— Лежи, здоровый! — ворчливо сказала Варвара Симеоновна, про себя отметив с горечью, насколько же крепче, чем у ее любимых подружек, оказался иммунитет у полубомжа Гербалайфа. Но мысленно тут же осадила себя: должна же быть какая-то справедливость в этом мире и по отношению к Гербалайфу! Она пересыпала картошку из принесенной кастрюльки в ту, где прежде были сосиски.

— Картошечка! — радостно воскликнул Гербалайф, потирая руки. — Горяченькая! А маслица не догадались принести, хотя бы постного?

— Сейчас принесу, — ответила Варвара Симеоновна. — Капусты квашеной хочешь?

— Да с удовольствием! А селедочки нету?

— Шиш тебе, а не селедочка! От нее будешь пить да бегать. Хотя почему бы и нет? Скорее токсины из организма вымоешь... Посмотрю,

вроде бы у Агнии была банка селедки с луком в постном масле.

— Класс! Тащите! — с нагловатым ликованием воскликнул Гербалайф.

Она сходила наверх, проверила подруг и принесла селедку и капусту. Пациент тут же со здоровым аппетитом набросился на еду.

— А чай ты уже весь выпил?

— Весь! Как вы велели.

— Надо пойти новый заварить и термос наполнить.

— Да зачем вам бегать-то? Чай можно и тут приготовить.

— А у тебя чайник-то есть?

— А как же! Вон в шкафу стоит на полке. Там у меня и тарелки, и стаканы — все хозяйство имеется!

В комнате Гербалайфа кроме дивана и стула стоял еще большой шкаф, не старинный, но очень старый, «ждановский» — то есть изделие мебельного комбината имени Жданова. Варвара открыла его и обнаружила, что на полках для белья у Гербалайфа было сложено все его имущество, причем даже в относительном порядке: внизу стояли пустые бутылки, одну полку занимала посуда, а три другие были плотно забиты книгами. На полке с посудой стоял и чумазый чайник; Варвара взяла его и пошла на кухню.

— Ну и как там наш сосед? — спросила ее Клавдия, жарившая какое-то мясо на большой сковороде. — Поправляется? Или как?

— Очень плох ваш сосед, — сказала Варвара, скорбно поджав губы. — Иммуниетет ослаблен постоянным пребыванием на улице. Так что скорее его ждет именно «или как».

В глазах Клавдии зажегся огонек нехорошего интереса.

— Помереть, что ли, может?

— Запросто.

— А в больницу его нельзя отправить? Чего ему тут помирать? За ним тут ухаживать некому!

— Я за ним поухаживаю. Как за одиноким человеком, лишенным поддержки близких.

— Нет у него близких! — отрезала Клавдия. — Пропил он своих близких!

«В чем-то ты права!» — подумала Варвара Симеоновна, но вслух ничего не сказала. На голоса вышел Димон.

— Что за шум, девушки? — спросил он бодро.

— Да вот сосед наш помирает, а эта... соседка... возмущается, что за ним ухаживать некому! — фыркнула Клавдия, выключила газ под скворчащим мясом, накрыла сковороду крышкой и удалилась.

— Это че, правда, что ли, что помирает мужик ее бывший? — как-то непонятно озабоченно спросил Димон.

Варвара Симеоновна, насторожившись, кивнула.

— Во, блин, дела! А вы что, с Клавдией пришли поговорить?

— Да нет, не о чем мне с нею особенно разговаривать: она спросила, как у Андрея дела, ну я и ответила, что плохо.

— Тогда что вы тут, на нашей кухне, делаете?

— А это разве не общая кухня? Я вот пришла поухаживать за Андреем, чай ему кипячу. А у меня, между прочим, наверху еще пара тяжелых больных.

— Это старушки, что ли, Агния Львовна и Лика Казимировна?

— Они самые.

— Тоже плохие?

— Хуже некуда! — вздохнула Варвара.

— Так вы что не сказали-то? Мы что, не люди, сами за больным не присмотрим?

— За Андреем настоящий уход нужен, Дмитрий. Доктор сказала, что положение критическое: две недели постельного режима, как минимум, и никаких волнений! Разве вы не слышали?

— Не, я не слышал, а то бы... Вы скажите, что делать-то?

— Как что? Не шуметь, не тревожить, попросит — чай согреть или в аптеку сходить за лекарством.

— А чем кормить?

— Я буду приносить ему еду.

— Не надо, сами накормим, вы только скажите чем. Что ему можно-то?

— Да, в общем, все можно. Кормить его надо как следует, у него общее истощение организма.

— Понятно. — На круглом лице Димона вместо обычной равнодушной самоуверенности вдруг проступили явные испуг и сочувствие. Вот уж чего от него никак не ожидала Варвара Симеоновна!

— Ну и следить, конечно, чтобы он лекарство принимал, — спохватилась она. — И ни в коем случае не выгонять его больного на

улицу!

— Да кто ж его гнал-то? Это все Клавдия... А мясо жареное ему можно?

— Думаю, что можно, только понемножку. Вот еще бульон куриный хорошо бы сварить...

— Ясно, сделаем. Да вы не волнуйтесь за него, Варвара Семеновна, я прослежу, чтоб Клавдия его не допекала... Ну хотя бы пока он болеет. Он ведь поправится?

— Поправится, если за ним будет надлежащий уход.

— Уход обеспечу, не волнуйтесь! Ну бабы... Ну бабы... Это я не про вас, Варвара Семеновна, вы не подумайте! Я сами знаете про кого. Значит, еду носить небольшими порциями и следить, чтобы пил лекарство? Все?

— И воды давайте ему побольше. Желательно чай с лимоном. Хорошо бы морс, но он дорогой...

— Дорогой, если готовый брат. Да он паршивый, какие в нем витамины! Клюквы на рынке полно, купим и приготовим. Клавдия сделает, я ей скажу. Да вы не беспокойтесь, Варвара Семеновна, все будет путем! Клавдия хоть иногда и вытворяется на Андрея, но ведь не звери же мы, в самом деле.

Совершенно потрясенная, Варвара Симеоновна взяла закипевший чайник и пошла в комнату Гербалайфа, от изумления даже не обидевшись, что ее трижды и подряд назвали Семеновной вместо Симеоновны: обычно она таких вещей никому не спускала.

— Слушай меня внимательно, Андрей! Твой сосед Дмитрий вызвался за тобой ухаживать, — сказала она Гербалайфу, наливая ему чай.

— Да ну? — испугался Гербалайф.

— Вот тебе и «ну». Не знаю уж, то ли его Людмила Алексеевна напугала, то ли совесть у мужика проснулась, но дело обстоит именно так. Так что ты, будь любезен, подыграй ему, изобрази умирающего лебедя. Как услышишь, что сосед к дверям подходит — глаза закрывай, стони и кашляй. Понял?

— Понял, Варвара Симеоновна! — ответил Гербалайф и заулыбался: всякие розыгрыши он любил с детства.

— Вот только что делать, если он вздумает тебе температуру измерить?

— Да ну, Варвара Симеоновна, это же просто, как дважды два! Вы что, в школу не ходили? Димон если и поставит мне градусник, так ведь не станет же он рядом сидеть и сторожить, пока я его держу, верно?

— Надо полагать, не станет.

— Ну вот! А батарея-то — вот она, под боком! — И постучал согнутым пальцем по батарее. — Он выйдет, а я градусник к батарее — вот, пожалуйста, хоть сорок два!

— Нет уж, сорок два не надо, хватит и тридцати девяти.

— А может, сорок?

— Любимый градус? Нет, Андрей, не тянешь ты на человека с сорока градусами при всех твоих талантах.

— Ладно, сторговались на тридцати девяти. Ну, Димон, вот так удивил!

— Да, и вот еще что, Андрей. Хорошо, что ты заговорил о батарее. Если вдруг что-то пойдет не так или просто моя помощь понадобится, ты возьми ложку и постучи по трубе, что наверх идет, — я услышу и сейчас же прибегу.

— Да что может случиться-то?

— Ну, мало ли... Ладно, мне пора к моим старушкам!

— Привет им от меня передавайте!

— Ох, некому пока приветы передавать — обе еще в себя не приходили.

— Во жуть какая!

— Именно что жуть.

— Вам и так тяжело за ними обеими ухаживать, да еще я тут...

— Мне, друг Андрей, будет в тысячу раз тяжелее, если за ними вдруг станет не надо ухаживать.

Они оба помолчали, думая о страшном: а ну как и вправду кто-то из подруг Варвары Симеоновны... Нет, думать об этом решительно не хотелось, и Варвара пошла к дверям.

— Ну, ладно, лежи, болей в свое удовольствие, Андрюша. С Димоном особенно не капризничай, не зарывайся. Да помни о трубе!

— Буду помнить. Если что, так я сразу — тук-тук-тук! За меня-то хоть не волнуйтесь, Варвара Симеоновна, у вас и так вид какой-то бледный.

— Ну уж будто бы!

— Точно!

— Ладно, более да будь осторожен.

— Буду.

Варвара поднялась наверх и снова забегала из одной квартиры в другую. К вечеру она вымоталась так, что ноги ее уже не держали, и она с трудом заставила себя перед сном еще вывести на прогулку несчастного притихшего Титаника. Вернувшись, она достала из чулана раскладушку и поставила ее в квартире Лики Казимировны. Конечно, ночью она несколько раз вставала и выходила в соседнюю квартиру — проверить Агнию Львовну, так что спала она урывками и сквозь сон прислушивалась к тихим стонам Лики.

Утром она встала совершенно разбитая: две бессонные ночи — это оказалось чересчур даже для ее крепкого организма! Она поняла, что так больше продолжаться не может. Она проверила своих больных и убедилась, что изменений нет, хотя температура у обеих опустилась чуть ниже тридцати девяти. Она дала им лекарство, покормила Титаника и вывела его на двор. Там онапустила его побегать по двору, а сама посидела на опустевшей бомжовской скамейке. На бульвар его не повела — ноги все еще гудели. Потом она отвела Титаника наверх и снова спустилась к квартире Гербалайфа и Мироновых и позвонила, Открыл Димон.

— Ну как вы тут, Дима?

— Да ничего, справляемся. Позавтракал он хорошо, а вот температура у него держится высокая: три раза градусник ставил — все тридцать девять или около!

— Ну, так ведь грипп — штука опасная и коварная. Вы сами-то берегитесь, не слишком много времени проводите с больным: принесите еду, чай — и сразу вон.

— Так я и делаю.

— А я к вам с просьбой, Дима!

— Слушаю вас внимательно.

— Вы мне не поможете перенести Лику Казимировну к Агнии Львовне? Устала я бегать из квартиры в квартиру...

— Да с удовольствием!

— Какое уж тут удовольствие...

Димон еще раз удивил Варвару Симеоновну. Он не просто взял Лику Казимировну на руки и оттащил ее на новое место — нет! Он

наискось положил ее на ватное одеяло и укутал, как укутывают детей, даже голову уголком одеяла прикрыл, и в таком виде отнес к Агнии Львовне. Помощь Варвары Симеоновны ему не понадобилась: укутывал и нес он Лику Казимировну так бережно, что та даже и не пискнула.

Варвара шла впереди с подушкой Лики Казимировны в руках. Она устроила подушку в ногах Агнии Львовны и откинула одеяло.

— Сюда ее кладите, Димитрий, валетом! Димон сначала положил Лику Казимировну на край кровати, осторожно развернул ее — вот только тут та что-то недовольно пропищала — и бережно уложил напротив Агнии Львовны, валетом, ближе к стенке. Затем он укрыл ноги Лики Казимировны нижней частью одеяла Агнии Львовны и после накрыл ее собственным одеялом, часть которого пришлось и на ноги Агнии Львовны; аккуратно подоткнул оба одеяла и отошел, любуясь своей работой.

— По-моему, им так будет хорошо... — сказал он, вопросительно глядя на Варвару Симеоновну.

— Посмотрим, что скажет врач, когда их увидит, — вздохнула Варвара. — Она завтра придет. Но мне кажется, им не очень тесно так лежать...

Как бы желая их успокоить, обе старушки немного повозились, слегка попинали друг дружку ногами, а потом вдруг обе вытянулись с блаженным вздохом. На самом деле ни та, ни другая о сомнениях Димона и Варвары, конечно, и не догадывались: просто им в эту минуту снились хорошие сны.

Перед изнемогавшей от липкой жары Агнией Львовной вдруг оказалась тихая деревенская речка с чистым песчаным дном. Она разулась и ступила в воду; и ногам тотчас стало прохладно и легко. Она потихоньку заходила в реку, и приятная, освобождающая и освежающая прохлада медленно поднималась от ног к голове; Агния стояла по шею в воде, лицо ее оведал ветерок, а вода смывала с тела остатки жара.

А Лике Казимировне снилось детство. Она каталась на санках, угодила в сугроб и почему-то никак не могла из него выбраться, просто сидела, тихонько плакала и замерзала. И вдруг пришел папа, поднял ее на руки, отнес домой, раздел и стал осторожно опускать в ванну с горячей водой. Ах, какие теплые руки были у папы, какой нежный пар

поднимался от ванны, как мгновенно согрелись, коснувшись горячей воды, ледяные пальцы ног! Ее тело постепенно погружалось в воду, и нежное тепло поднималось все выше и выше по телу, и вот уже все оно согрелось и распрямилось в блаженной и теплой истоме.

Димон, как ни отказывалась от его дальнейшей помощи Варвара Симеоновна, все-таки помог ей перенести к Агнии Львовне раскладушку и только потом удалился, на прощание заверив ее, что с Гербалайфом — он сказал «с Андреем» — все теперь тоже будет в порядке.

Проводив Димона, Варвара Симеоновна прилегла отдохнуть на раскладушку и нечаянно уснула. Спала она недолго, всего с полчаса, но короткий безмятежный сон освежил и укрепил ее. Она встала, подошла к подругам и уже на глаз поняла, что температура у них спадает — пылавшее лицо Агнии остыло и стало просто румяным, а Ликино синее личико согрелось и порозовело. И лбы у обеих были покрыты мелкими капельками пота. «Наверняка вспотели, переодеть бы надо», — подумала Варвара.

Они одновременно открыли глаза и тут же посмотрели на Варвару Симеоновну.

— Варежка... — сказала Лика. — Варежка, я, кажется, умираю. Позови мне врача...

— Варенька... — сказала Агния. — Варенька, я, кажется, всерьез заболела. Позови мне батюшку...

— Ох, слава Богу, пришли в себя! Сейчас, сейчас, мои хорошие... Будет вам и священник, и врач, хоть милиционер — кто хотите!

— Тогда, Варенька, позови и ко мне священника...

— Хорошо, Ликуня. А где мне найти католического священника?

— Не католического... Вашего священника — я ведь в Православие перехожу.

Варвара удивилась и с сомнением поглядела на Лику — бредит?

— Я не брежу, Варежка. Просто раз уж мы с Агуней помираем, так я не хочу разлучаться с нею там, в Вечности... И с тобой тоже. Всю жизнь вместе, а там — врозь? Нет, не хочу! Зови и ко мне вашего батюшку...

Агния Львовна с трудом приподнялась и протянула руку — и Лика Казимировна тоже протянула руку ей навстречу. После этого обе разжали руки и бессильно откинулись на подушки.

— Хорошо, я все сделаю, как вы хотите, — сказала Варвара. — Давайте только сначала температуру измерим, лекарства примем, рубашки сменим... И покормить вас пора, наконец!

Убедившись, что температура действительно спадает — у Агнии она опустилась до тридцати семи и пяти, а у Лики и вовсе оказалась на грани нормы — тридцать семь, — Варвара Симеоновна развела им куриный бульон из кубиков и заставила выпить почти по полной чашке. Когда подружки поели, она по очереди обтерла их полотенцами, смоченными в теплой воде с одеколоном, и надела на них свежие ночные рубашки. После этих процедур все трое так устали, что тут же снова уснули, правда Варвара задремала в кресле, на раскладушку не стала укладываться.

Спала она недолго, но ей успел присниться сон из далекого детства. Сон тяжелый, даже страшный. Они шли с катка по Елагину острову, шли в сумерках, но на аллее кое-где горели фонари, а по бокам ее стояли воткнутые в сугробы невысокие пушистые елочки, украшенные канителью и гирляндами. По дороге они затеяли игру в пятнашки. И вдруг Варвара, уворачиваясь от Агуни, спрыгнула с дорожки в снег и по откосу сбежала на лед Невки и... провалилась! Это рыбаки, видно, выдолбили прорубь, а после она покрылась ледком и ее запорошило снегом. Глубина тут оказалась небольшая, Варваре по грудь, но когда она попыталась влезть на лед — он под нею тут же проломился. Агния бросилась ее спасать. Но Варвара, стоя по грудь в воде, сообразила, чем это может кончиться, и завопила: «Не смей! Не подходи! Зовите лучше людей на помощь — я пока не утону!» Но людей звать не пришлось: Лика раскачала и выдернула из сугроба пушистую елочку и поволокла ее на лед. Агуния поняла, что та задумала, и бросилась ей на помощь. Ухватившись за верхушку, они стали толкать елочку по льду — основанием к Варваре. Осторожно, шаг за шагом они приблизились к полынье на длину елки. «Ложись на елку — мы тебя вывезем!» — крикнула Лика Варваре. И они ее вывезли... Дальше — про то, как они бежали обратно на каток и там служители вызвали дежурного милиционера, а тот отвез их на милицейской машине домой, — про это Варвара сон досматривать не стала.

Проснувшись, она тихонько проверила больных, оделась и отправилась в храм. Кроткий и все понимающий отец Иаков,

выслушав Варвару, только кивнул и пошел собираться. По дороге он спросил:

— Лика — это та маленькая старушка, которая приходит с вами и Агнией Львовной на все молебны?

— Да, это она.

— А давно вы дружите?

— С самого детства.

— Как хорошо! — умилился отец Иаков. — А она у вас в полном сознании? Я ведь с нею должен сначала поговорить.

— Раз додумалась наконец в Православие переходить, значит, в полном!

— Ну, это вы от радости так говорите. Нет, надо чтобы человек полностью сознавал, какой он делает важный шаг. Ну, я сам с нею поговорю наедине.

— Ой, батюшка, а вот наедине-то и не получится! Я ведь ее в постель Агнии перегрузила, а то мне не справиться было...

— Придется на время перегрузить ее обратно в свою, — покачал головой священник. — Сумеет ли с вами ее перенести?

Варвара с сомнением посмотрела на бестелесного отца Иакова. Но потом вспомнила и сказала:

— У нас есть подходящий для такого дела сосед. Вот если только он дома...

Димон оказался дома и без разговоров поднялся вместе с Варварой наверх, вошел в квартиру Агнии Львовны и с каким-то детским удивлением поглядел на священника в рясе.

Когда Варвара объявила, что сейчас Дмитрий перенесет Лику домой, чтобы они с батюшкой могли поговорить наедине, та заволновалась:

— А вы потом меня обратно перенесете?

— Конечно, конечно, — успокоила ее Варвара, — держать вас по разным палатам мне не по силам.

— Вы точно вернете меня... на место? — волновалась Лика.

— Вернут, вернут, — успокоил ее отец Иаков. — Я ведь вас вместе соборовать буду.

Димон отнес Лику Казимировну в ее квартиру и вернулся, сел к столу и стал ждать дальнейшего развития событий. Агния лежала с закрытыми глазами и шевелила губами — молилась. Варвара

Симеоновна поправила фитилек лампадки и подлила в нее масла, принесла из кухни табуретку, поставила ее неподалеку от кровати и накрыла чистой салфеткой; сходила на кухню и принесла оттуда серебряную стопку и хрустальную мисочку, наполненную зерном, а рядом положила два чистых платочка — снимать избыток елей. Димон внимательно наблюдал за ее действиями.

— А это чего тут такое готовится? — спросил он несколько настороженно.

— Соборование сейчас будет. Это вот пшеница и елей. Елей — это «масло» на церковно-славянском.

— Это что — лечение какое-то церковное?

— Можно сказать и так. Соборование — это такое особое Таинство, которое священники совершают над тяжело больными. Во время этого Таинства священник просит у Господа исцеления для больного, а также прощения всех его грехов, в том числе и забытых. Соборование может совершать один батюшка, а может и целый собор — то есть несколько священников. Отсюда и название.

— И как — помогает?

— Иногда помогает...

— Понял. — Димон немного подумал и спросил: — Так, может, я это... Гербалайфа тоже сюда подыму? Раз помогает это... соборование?

— Нет, Димитрий, Гербалайфа приносить пока не надо.

— Почему? Он ведь тоже болен.

— Видишь ли, перед соборованием человек должен сначала причаститься, а наш Андрей, как я догадываюсь, уже давно не причащался.

— Понял. Они замолчали.

Наконец раздался звонок и в квартиру вошел отец Иаков.

— Можете нести обратно православную рабу Божию Ангелину. — Димон тут же отправился за Ликой Казимировной. — А, вы все приготовили! Спасибо... — Батюшка достал свечи и стал их укреплять в миске с зерном. — Как хорошо — пшеница вместо обычного риса! Станете потом размачивать и давать своим больным...

Димон торжественно внес Лику Казимировну и уложил ее в постель. Лика была бледна, на лбу у нее выступили капельки пота.

— Поздравляю, Ликуня, с переходом в Православие! — сказала Варвара, целуя ее и поправляя подушку.

— И с принятием Святых Христовых Тайн, — подсказал отец Иаков.

— И причастилась? — радостно удивилась Варвара Симеоновна.

Лица Казимировна слабо улыбнулась в ответ.

— А бледная какая стала...

— Поволновалась, устала... — пояснил отец Иаков. — Ничего, я буду читать молитвы — она и отдохнет. Агния Львовна, а вы-то меня слышите?

— Слышу, батюшка, слышу... — тихо прошелестела Агния Львовна.

— Ну, тогда начнем. Вас, Варвара Симеоновна, я тоже буду соборовать — вы ведь на ногах едва держитесь. А вы, молодой человек... Вас ведь Димитрием зовут?

— Ну да.

— Вы давно причащались?

— Чего? Не понял, б-батюшка...

— Вы крещеный?

— Крещеный.

— В церковь ходите?

— Было дело.

— Часто?

— Три раза.

— Что «три раза»?

— Три раза в церкви был. Когда бабка мальцом крестить отвела — это первый раз, потом друга мы отпевали, а недавно еще одного венчали.

— Так... Ну это уже лучше — три раза. Некоторые за всю жизнь только два раза в храме бывают — на своих крестинах и на своем отпевании. И раз вы крещеный, то можете остаться и помолиться вместе с нами.

— Да я не умею... Я не знаю, как молиться надо.

— А как умеете, так и молитесь. Просите Господа, чтобы Он послал благодать исцеления болящим Ангелине и Агнии и сохранил во здравии рабу Божию Варвару.

— Так я тогда и за Гербалайфа помолюсь? Батюшка вопросительно посмотрел на Варвару Симеоновну.

— Это сосед наш с первого этажа, у него тоже грипп.

— Тяжелый, — добавил Димон.

— Нет, за Гербалайфа молиться нельзя, сказал отец Иаков.

— Не понял! Почему нельзя? Гербалайф мужик хороший. И не бомж он вовсе, у него прописка есть.

— А имя у него христианское есть?

— А, понял! Есть. Андрей он.

— Вот мы и помолимся за здоровье болящего раба Божия Андрея.

— Андрей крещеный, — вставила Варвара Симеоновна. — У него мать была очень верующая. Батюшка, а можно еще помянуть болящих Иннокентия и Василия? Это друзья Андрея. По-моему, тоже крещеные.

— А это уже бомжи, — добавил Димон. — Можно за бомжей-то молиться?

— Можно и нужно. Господу тоже негде было главу преклонить. — И добавил, будто к чему-то прислушиваясь: — Хотя прописка у Него была... В Вифлееме или в Назарете? Нет, все-таки, наверное, в Вифлееме, по месту рождения... Ну, готовы? Начнем. — И уже другим голосом, будто поднялся по какой-то невидимой лестнице над всеми здесь лежащими и стоящими, произнес:

— Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков!

Как по команде, потому что это и была команда, рабы Божьи Ангелина и Агния открыли глаза. Одними губами, беззвучно, Агния Львовна начала читать вместе с отцом Иаковом вступительные молитвы: ей не требовалось для этого особого внимания, эти молитвы она могла бы читать и во сне.

А вот Лика Казимировна слушала напряженно, стараясь понять каждое слово, — ведь теперь это были уже и ее молитвы — православные!

Варвара Симеоновна и Димон слушали спокойно: одна — потому что все воспринимала просто и естественно, второй — потому что ничего не понимал и даже не пытался понять, а просто наблюдал.

Батюшка перешел к псалмам, затем стал читать канон, и молящиеся с ним старушки поплыли по ритмичным волнам древних стихов. Димон чувствовал, что батюшка читает что-то очень важное и

красивое, но понимал только редкие отдельные слова. Но вот священник произнес:

— О рабах Божиих Агнии, Ангелине, Варваре и Андрее... — Тут Димон насторожился. — Господу помолимся!

«Понял! — подумал Дмитрий. — Мы это о бабульках и о Гербалайфе, ну об Андрюхе... то есть об Андрее молимся!» Он покосился на Варвару Симеоновну: та перекрестилась, а затем поклонилась. Димон неуклюже поднял руку ко лбу... А что делать дальше — не знал!

— Креститесь, раб Божий Димитрий! — нестрогой скороговоркой сказал ему батюшка. Варвара Симеоновна взяла правую руку Димона, сложила его пальцы как надо и его же рукой перекрестила его, а потом легонько коснулась его затылка — Димон поклонился. «Помолился я за Андрея! — подумал он радостно и стал ждать, когда уже можно будет идти домой и рассказать Гербалайфу, как он за него молился со священником и соседками. — Пусть теперь только попробует не выздороветь! И бабульки пускай выздоравливают!» А соборование, как он скоро догадался, еще только начиналось, молитвы все шли и шли одна за другой...

Потом отец Иаков еще что-то читал по книге, Варвара Симеоновна слушала его, склонив голову, — важная, должно быть, была книга. А после чтения важной книги отец Иаков взял стопочку с маслом, окунул в нее кисточку и стал ставить крестики прямо на больных «бабульках» — на лоб, на лицо, на грудь и на руки — с обеих сторон! Он помазал маслом Агнию Львовну и Лику Казимировну, а потом направился к Варваре Симеоновне, которая уже стояла наготове, расстегнув верхние пуговицы кофты и блузки. Проходя мимо Димона, отец Иаков окунул кисточку в масло и мазнул его по лбу! Димон обомлел. «Это я, выходит, теперь тоже типа соборовался? Это что ж теперь будет-то...» — и радость причастности к чему-то великому — ну просто грандиозному! — росла в нем. И хотя больше отец Иаков его маслом не мазал, он усердно крестился во все время соборования — а оно ох и длинное же было! — и всякий раз, когда произносилось имя Андрея, бормотал вместе с Варварой Симеоновной: «Господи, помилуй!»

Когда закончилось седьмое помазание и были прочтены заключительные молитвы, обе больные крепко уснули. Варвара

Симеоновна даже лекарство не смогла им дать.

— Ладно, потом уж! — сказала она. — А вы, Димитрий, подождите, не уходите еще! Я вам сейчас отолью маслица в пузырек, вы его снесете Андрею и помажете его. Можно, батюшка?

— Ну конечно можно! — сказал отец Иаков, складывая епитрахиль. — Вы мажьте ежедневно вашего болящего Андрея — видели, как я это делал? — Димон кивнул. — Ну и сами себе тоже ставьте крестики на лоб.

— Каждый день?

— Желательно.

— И что будет?

— А вот увидите! — с улыбкой сказал отец Иаков. Улыбка у него была дивная — смиренная и доверчивая, как у малого ребенка...

* * *

После соборования, как и следовало ожидать, дело быстро пошло на поправку. Через неделю Варвара Симеоновна как-то, вернувшись с рынка, застала такую сценку: Агния и Лика сидели в постели, рядом на стуле пристроился Гербалайф, а в ногах у больных старушек лежал принесенный из кухни поднос, и они на нем дулись в карты!

— Это еще что такое? Что за безобразие? — подбоченясь, грозно спросила Варвара. — Что это за притон вы мне тут устроили? Больные, называется!

— Варежка, да мы просто в «дурачка» играем, ты не подумай чего! — успокоила ее Агния.

— Мы же не на деньги! — благодушно пояснил Гербалайф.

— Еще бы вы на деньги играли! А карты откуда?

— Я принес, — повинился Гербалайф. — Зашел больных соседок проведать, а они тут скучают, ну я и сбегал домой за картами...

— А теперь сбегай к помойке и выброси их! — скомандовала Варвара. — Ты посмотри, какие они грязнущие, там же микробов прорва! Ты что, Андрей, хочешь моих подруг угробить?

— Ну... Других-то карт нету... Если б у вас были новые карты, то, конечно...

— Еще чего не хватало — новые карты!

— Варенька, ну нам же ску-у-чно! — жалобно протянула Лика. — От телевизора голова болит, от чтения глаза устают. Чем нам заниматься прикажешь?

— Молиться!

— Уже молились, даже акафист Божьей Матери прочитали.

— Ну, так лежите себе да беседуйте друг с дружкой!

— Варенька, ну подумай сама, что же мы можем друг дружке рассказать нового? — рассудительно сказала Агния. — Ты лучше войди в ситуацию и посочувствуй: нам и в самом деле стало скучно болеть, а вставать ты нам не разрешаешь! А между прочим, мы уже не такие уж и больные!

— Ты, Варечка, перестраховщица! — поддержала ее Лика.

— Не я, а врач! Ладно, я что-нибудь придумаю. А эту гадость ты унеси немедленно, Андрей!

— Да ладно, унесу. Не переживайте! — вздохнул Гербалайф и стал собирать карты.

— Вот вам, девочки, одеколон и платки — протрите руки, да как следует! К тебе, Андрей, это тоже относится: выбросишь карты — не забудь вымыть руки с мылом. — И добавила ворчливо: — Лучше бы с Титаником сходил прогуляться, чем больных-то старух в карты обыгрывать...

— Их обыграешь, как же! — почему-то возликовал Гербалайф. — Это ж они меня пять раз в дураках оставили!

— Так ты и есть... Ну, ладно. Сходишь Титаника прогулять и заодно дрянь эту выкинешь в помойку.

— Где это видано — полную колоду выбрасывать, — проворчал Гербалайф, аккуратно пряча карты в карман. — Где Танька-то?

— У себя дома. Лопают. Ключ от квартиры вот возьми!

Гербалайф ушел.

— Ну вот что, девочки, — сказала Варвара Симеоновна. — Давайте-ка подниматься. Постельный режим окончен — от него уже только одни неприятности, как я вижу, а резона в нем никакого. Одевайтесь потеплее: на грудь и спину — безрукавки, на ноги — шерстяные носки. А после обеда... Нет, завтра! Завтра я вымою пол в твоей квартире, Ликуня, белье на кровати сменю и отправлю тебя восвояси.

— И сама от меня переедешь? — жалобно спросила Агния Львовна.

— И сама от тебя съеду, хватит мне тут квартировать! Все! Вставайте и одевайтесь, девочки, с постельным режимом покончено. Начинаем интенсивно выздоравливать!

Вздыхая и ворча, выздоравливающие старушки принялись подыматься и натягивать халаты.

— А Варешка права, — сказала вдруг Лика, — что-то мы с тобой залежались, Агуня! Вон Гербалайф-то уже давно на ногах!

— Кстати, о Гербалайфе, — снова начала Варвара Симеоновна. — В голову никак не возьму: как это вы, две серьезные старые дамы, увидев у Андрея в руках карты, вместо того чтобы объяснить ему, что азартные игры — грех, тут же сами уселись дуться с ним в «дурачка»? Не стыдно тебе, Лика, только что к Православию примкнувшая? Приличные пожилые женщины... Нет, ну не понимаю я этого и не пойму!

Агния внимательно на нее посмотрела и сказала:

— Устала ты от нас, Варенька.

— Конечно, устала, — Лика тоже поглядела на Варвару Симеоновну сочувственно и покивала головой. — Бедненькая, замучилась ты с нами...

— Да ну вас с вашими выдумками! — сказала Варвара и ушла на кухню, крепко закрыв за собой дверь.

Там она села на табуретку, облокотилась на кухонный стол и задумалась. «Да, Варвара, — сказала она себе, — птичий грипп и тебя, кажется, достал: и чего ты к этим картам привязалась? Скучно же им, бедненьким... Надо что-то придумать!»

— Три карты, три карты, три карты!.. — напевая, Варвара Симеоновна поднялась и принялась готовить обед. Это было нетрудно, поскольку у нее еще вчера была сварена курица, нужно было только заправить бульон лапшой. На второе — та же курица с рисом и овощами. Овощи надо было нарезать, обжарить и потушить. Но сначала она заварила в маленькой кастрюльке клейстер из картофельного крахмала и поставила его остывать на окно. «Ишь ты, в карты им играть вздумалось! — улыбалась она, нарезаая овощи. — Ну и будет вам игра в карты!»

Когда клейстер окончательно остыл, она принесла из своей квартиры большой лист картона и карту Петербурга. Карту она наклеила на картон и разложила сверху четыре тома энциклопедии — устроила пресс.

Теперь ей надо было найти еще кой-какие вещи для того, что она задумала. Как у всех старушек, у Варвары Симеоновны было хранилище для, в общем-то, ненужных, но могущих понадобиться вещей, которые рука не подымалась выбросить. У нее такие сомнительные сокровища лежали в довольно большой резной шкатулке. Она извлекла ее из шкафа и отнесла на кухню. Чтобы найти требуемое, пришлось расстелить на кухонном столике газету и высыпать на нее содержимое шкатулки. Тут много чего было: крючки для вязанья и спицы без пары, несколько горстей пуговиц, несколько старых застежек-молний, пряжки от ремней, серебряный замок от старинного кошелька и бисерный кошелек без замка, бусы и бусины и всякая всячина. Самое главное она нашла почти сразу — черный кубик для игры с белыми отметками на гранях. Некоторые отметки вылупились из ячеек, но ячейки-то остались! Затем она отобрала пяток ярких пуговиц с ушками примерно одного размера. Ссыпав потревоженные сокровища обратно в шкатулку, она отнесла ее на место и достала из ящика с инструментами напильник. Потом села возле плиты, положила перед собой пуговицы и принялась стачивать напильником ушки. За этой работой, в ожидании пока потушатся овощи, она обдумывала правила новой «игры в карты».

Когда овощи были готовы, а пуговицы превратились в фишки, она взяла ложку, подошла к трубе отопления и постучала по ней — пригласила Гербалайфа на обед. Тотчас в ответ раздался приглушенный, но бодрый ответный стук.

За столом Варвара про игру ничего говорить не стала, чтобы не отвлекаться, но когда все кончили есть, объявила:

— Вот вам от скуки в карты вздумалось играть, ну так будут вам карты! Сейчас полежите после обеда, а я посуду помою, и потом мы все вместе сядем играть. К тебе, Андрей, это тоже относится. Иди, отдохни, а через часок приходи!

— Слушаюсь, товарищ командир!

— Я не товарищ.

— Ну, госпожа командирша.

— Это другой разговор.

Когда все снова собрались за столом после отдыха, Варвара Симеоновна торжественно принесла из кухни еще непросохшую карту Петербурга и выложила ее на стол.

— Играть мы будем так. Видите, вся карта разделена сеткой на квадратики? Фишки — вот они, — она положила перед собой бывшие пуговицы, — фишки ставятся на один из квадратиков по краям карты, по выбору. Потом бросаем кубик, и тот, кому выпало больше очков, начинает игру. И первым делом начинающий бросает на поле главную фишку. — Она показала всем крупную зеленую пуговицу, усыпанную блестящими камешками-стекляшками. — Куда она упадет — там у нас будет место свиданья. После этого начинающий делает первый ход. Вообще сделать ход — это перейти на любой примыкающий квадратик карты, но для первого хода годится любой квадрат. Другие тоже выбирают в себе первый квадратик, двигаясь от первого игрока по часовой стрелке, но, выбрав квадрат, потом менять его уже нельзя: куда встал — оттуда и топай на место свиданья, делая ход за ходом.

— Просто бросать кубик и делать столько ходов, сколько он покажет? — спросила Агния Львовна.

— О нет! Для такой пустяковой игры не стоило бы брать карту. Я пошла бы и купила вам какую-нибудь детскую игру. Нет, игра у нас такая, какой пока нет ни у когошеньки! А кубик нужен только для начала игры. Потом, чтобы перейти в следующий квадрат, игрок должен рассказать что-то про квадрат, в котором он стоит сейчас: что-нибудь интересное про улицу, площадь, памятник или историческое здание. Можно пользоваться справочной литературой — время-то у нас есть! Но если игрок лезет за справками, он пропускает этот ход или даже несколько — пока не отыщет что-нибудь интересное про свой квадрат. Побеждает тот, кто первым доберется до места свиданья. Он и назначает новое место свиданья, бросая центральную фишку. Ну, интересная игра?

— Очень! — воскликнула Агния Львовна. — У меня, кстати, есть справочник «Памятные места Петербурга». Из него можно брать сведения, да, Варезка?

— Конечно! Но, напоминая, для того, чтобы обратиться за справкой, игрок пропускает ход! Кто больше знает о нашем городе — тот быстрее по нему передвигается.

— А если следующий игрок тоже остановился и хочет заглянуть в справочник?

— Он должен ждать, пока справочник освободится, или бежать искать другой источник знаний: в другой книге и вообще в другом месте, ну хоть в Интернете.

— Варенька, я же не умею пользоваться Интернетом! — жалобно сказала Агния Львовна.

— И я тоже, — сказал Гербалайф.

— Вот и повод научиться! Вам это уж точно не помешает. У нас два компьютера — у меня и у Лики: если один занят, можно воспользоваться другим. Но это на будущее, а сегодня мы не станем бегать через площадку, да и мне некогда вас с Андреем учить. Будем пока обходиться справочником и собственной эрудицией.

— Какая там у меня эрудиция! — вздохнул Гербалайф.

— Ну уж какая-нибудь да найдется — всю жизнь прожил в Петербурге.

— В основном в Ленинграде, — поправил ее Гербалайф.

— Ой, а что я вам сейчас расскажу! — воскликнула вдруг Лика Казимировна. — У нас на форуме одна учительница из Подмосковья рассказала: вызывает она отвечать семиклассницу и спрашивает, как раньше назывался Санкт-Петербург. А та не знает! Спрашивает класс — молчание. И только когда она напонила про блокаду, кто-то из класса выкрикнул название «Ленинград».

— Это надо же! — воскликнула Варвара. — Забывается, стало быть, большевистская кликуха? Вот и хорошо.

— Что ленинская кликуха забывается, это хорошо, — сказала Агния Львовна. — А вот что истории своей страны молодежь не знает — это уже плохо.

— Не только молодежь, — заметил Гербалайф. — Какое-то, знаете ли, обмеление умов наблюдается. Вот, скажем, моя бывшая Клавдия...

— А что бывшая Клавдия? — слегка нахмурилась Варвара: она Клавдию, конечно, не жаловала, но и сплетничать не любила.

— Рассказывает она нам с Димоном анекдот, тоже, кстати, про школьников, который услышала у себя в магазине. Анекдот такой. Учитель спрашивает в классе: «Кто такой Леонид Ильич Брежнев?» А дети отвечают «Мелкий политический деятель в эпоху Аллы Пугачевой».

— И что же тут смешного? — спросила Варвара.

— А смешное или печальное тут в том, что лет двадцать назад Клавдия этот же анекдот из того же магазина принесла, только он по-другому звучал: «Кто такой Брежнев?» — «Мелкий политический деятель в эпоху Солженицына».

— Н-да, — сказала Варвара. — Анонимность, распространенность и вариативность.

— Чего? — не понял Гербалайф.

— Три признака фольклора, в том числе анекдота. По последнему признаку налицо деградация... Ну что, игру-то начнем?

И они начали. Первой выпало ходить Лике. Она, водя пальчиком, прошла по квадратам одной стороны карты, потом другой и, наконец, остановилась и уверенно поставила свою фишку-пуговицу на выбранный квадрат.

— Вот! Я начну отсюда!

Все засмеялись: Лика Казимировна выбрала квадрат, на котором была оконечность Крестовского острова и Финский залив.

— Хорошенькое местечко ты выбрала для начала! — заметила Агния Львовна. — Уж о Крестовском острове каждому есть что рассказать.

— Точно! Вон стадион Кирова! — заметил Гербалайф.

— А вот Финский залив, — заметила Лика Казимировна.

— Ну и Приморский парк Победы — про него тоже всем известно, — сказала Варвара Симеоновна.

— И Финский залив! — снова сказала Лика.

— Да что ты все про Финский залив твердишь, когда у тебя Крестовский остров? — возмутилась Агния.

— Но и Финский залив тоже у меня в квадрате! — возразила Лика. — Варенька, разве я не могу рассказать про залив? Он же в моем квадрате! — Она уже готова была обидеться и даже губы надула.

— Гм. Наверное, водное пространство города тоже входит в игру. Впрочем, правила мы поначалу можем корректировать...

— Нечего тут корректировать, что на карте — то и в игре! — сказала Агния Львовна. — Давай рассказывай про Финский залив, Ликуня.

И Лика начала:

— Многие считают, что название «Маркизова лужа» звучит очень романтично. А это совсем не так! Маркизова лужа — это чисто моряцкое название шельфа Крестовского острова. В начале девятнадцатого века французский маркиз де Траверсе, бежавший из революционной Франции, получил теплое местечко Морского министра России. При нём флот пришел в упадок. Корабли гнили в Кронштадте и лишь редко ходили на маневры на ту самую мелководную часть Финского залива, которую истые моряки презрительно прозвали Маркизовой лужей. Вот что я в детстве слыхала от моего дяди-адмирала.

Все заплодировали — игра началась, как удачно!

— Ну, Лика, думай, куда тебе лучше шагать дальше, — сказала Варвара, — ты можешь передвинуть фишку на следующий квадрат.

— Тут нечего и думать, я иду на восток: впереди у меня весь Крестовский остров и кусочек Каменного, а там...

— Стоп, Лика! Ты делай ход, а я выберу, откуда мне начинать свою прогулку по городу, — сказала Варвара, разглядывая верхний край карты. — А вот встану-ка я в Шувалово, между Шуваловским парком и Озерками! — Она поставила фишку. — Вот так! Вы, друзья мои, когда-нибудь задумывались над тем, что привычные нам Озерки по-настоящему носят странное для северной столицы название — Суздальские озера?

— Точно, — сказала Агния, наклоняясь к Варвариной фишке, — тут и написано: Суздальские озера.

— А вы знаете, как это название связано с именем графа Шувалова? Нет? А я вам расскажу. Эту территорию в конце восемнадцатого века начал осваивать граф Петр Шувалов. Первыми поселенцами этих краев стали крестьяне из суздальских владений графа. Отсюда возникли название Суздальская слобода и наименования Верхнего, Среднего и Большого озер — Суздальские. И вот здесь, а вовсе не в Дачном, как некоторые думают, появились первые петербургские дачи и дачники. Особой популярностью у дачников пользовался район усадьбы Шуваловых и окружавшие ее территории, и особенно, конечно, Суздальские озера. Здесь строили дачи и летние резиденции, купались летом и катались на санях зимой.

— А теперь там новые русские строят башни, — заметил Гербалайф.

— Да фиг с ними, пусть строят, лишь бы ландшафт не испортили, — ответила Варвара. — Принимаете мой ход?

— Принимаем! Двигайся дальше! — сказала Агния.

— Я пойду вниз, к центру, — вот сюда! Теперь у меня Шуваловское кладбище и Спасо-Парголовская церковь.

— А мне-то что выбрать для начала? — сказала Агния, двигая пальцем свою фишку по периметру карты. — Нет, нет, нет... Ага, вот что я выбираю! Пороховые и храм Ильи Пророка!

— Неплохо! — одобрила Варвара. — Ну давай рассказывай.

— Храм-ротонда, очень красивый, полный света и благодати... Но мне он особенно дорог из-за другого: это, девочки, первый храм в Петербурге, настоятель которого еще в конце восьмидесятых осмелился вывесить икону новомучеников и исповедников российских. — И она передвинула фишку на один квадрат к центру.

— Теперь моя очередь! — сказал Гербалайф, потирая руки. — Та-а-ак... Я пойду на город с юга. Вот Московский район начинается... О, площадь Победы, Средняя Рогатка по-настоящему. Вот «стамеску»^[7] все знают? Все. А какая там еще стела стоит неподалеку, знаете? Не знаете, я так и думал. А там стоит стела, на которой написано: «Здесь будет установлен памятник святому апостолу Андрею Первозванному»! Вот так! Ну так я пошел дальше к югу?

— погоди, Андрей, а ты откуда это знаешь — про памятник апостолу Андрею? — спросила Варвара.

— В газете прочитал, сел в метро, поехал и сам посмотрел. Теперь вот жду, когда памятник моему святому откроют.

— Молодец, Андрей! — сказала Агния Львовна. — Шагай и ты на следующий квадрат.

Так закончился первый круг новой «игры в карты». Играли дальше, играли бы и до позднего вечера, если бы через два часа Варвара не разогнала всех «по койкам» — все-таки они были еще больные и слабые: и старушки, и Андрей-Гербалайф. А на другой день после обеда все четверо снова собрались, чтобы продолжить игру.

* * *

Через неделю, когда Агния Львовна и Лика Казимировна уже совсем поправились и даже стали выходить на свежий воздух, вернулся из больницы Иннокентий. Но первым его увидела Варвара Симеоновна, которая вывела на прогулку Титаника: по утрам было уже холодно, даже лужи подмерзли, и потому она не разрешала выходить Лике Казимировне.

— Иннокентий! — Она подошла к нему. — Как дела, как здоровье?

Иннокентий стащил с головы вязаную шапку и понурился.

— Василь-Ваныч? — догадалась та, похолодев. Иннокентий кивнул, не подымая головы. Варвара Симеоновна села рядом и положила руку ему на плечо. Помолчали.

— Когда это случилось, Иннокентий? Где?

— В той же больнице, где я лежал, только в другом отделении. Приступ сердечный у него случился от температуры, его и перевели в кардиологию... На второй день Василь-Ваныч и скончался. Я там, в больнице еще узнал. Думал, выйду и заберу его, похороню как-нибудь... А его уже похоронили без меня.

— Где похоронили?

— Ну где нашего брата хоронят — в общей могиле. Может, на Парголовском, а может, на Северном... может, еще где.

— И никаких следов?

— Никаких. Да я ведь и фамилии-то его не знал: Василь-Ваныч да Василь-Ваныч...

— А Гербалайф тоже не знает?

— Спросить надо.

Гербалайф тоже не знал фамилии Василия Ивановича, и, поразмыслив, решили не разыскивать его могилу, а просто отпеть его заочно. Отец Иаков сказал, что это можно. Отпели на Коневском подворье, а потом пошли к Варваре Симеоновне помянуть.

Поминки устроили скромные. Мужчины, Иннокентий, Гербалайф и Димон, ну и Варвара Симеоновна с ними выпили по рюмочке, а Лика Казимировна с Агнией Львовной ограничились поминальным киселем.

— Вот так и я, — сказал Иннокентий, — живу грешно и умру смешно...

— Прямо обхохочешься! Ты что говоришь-то? — одернул его Гербалайф.

— Не городите вы чепухи, Иннокентий, не травите душу ни себе, ни нам, — сказала Варвара Симеоновна. — Лучше скажите, что нам с вами делать?

— А что со мной делать? Выжил — ну и дальше жить буду.

— Да разве это жизнь?

— А где я другую возьму?

Другой жизни у Иннокентия не предвиделось.

— Вот что, девочки... и молодые люди. Иннокентию надо найти работу и помочь снять жилье! — с энтузиазмом сказала Лика Казимировна. — Мы должны это сделать, ну просто обязаны!

Иннокентий усмехнулся, а подруги глядели на нее, как смотрят на ребенка, сморозившего глупость.

— Да вы не смейтесь, не смейтесь! Если хотите знать, работу для него я уже нашла!

— Когда ты ее нашла и где? — спросила Варвара Симеоновна.

— А вот прямо здесь и сейчас! У меня есть работа для Иннокентия — Титаника выгуливать.

Не могу же я все время зависеть от добрых людей, верно? То Варенька с ним гуляет, то Андрюша. Мне нужен надежный и постоянный человек! Причем свой человек, чтобы я могла ему Титаника доверить. Иннокентий, а что если я буду платить вам шестьсот рублей в месяц за то, что вы утром и вечером будете выгуливать собаку? Устроит это вас для начала? А там я скажу нашему ветеринару, что у меня есть прогульщик... ну человек, который может собак прогуливать, если хозяевам некогда; глядишь, и другие желающие найдутся. Что вы об этом думаете?

— Да я согласен! А можно, чтобы не шестьсот рублей разом, а по двадцать рублей в день? А то у меня они разлетятся сразу... Большие ж деньги.

— Нет, нельзя! — сказала Агния Львовна. — Я думаю, такие деньги надо вообще по-другому расходовать. Андрей, а что если ты за половину этой суммы, за триста рублей то есть, сдашь угол своему другу Иннокентию?

— Агния Львовна, да я бы с радостью! Да ведь только я сам вроде как на птичьих правах живу...

— Ты это брось, Гербалайф! — возмутился Димон. — Клавдия молчит — ну и ты молчи, живешь — и живи. А угол бездомному другу

сдать — дело святое, сдавай на здоровье. Только вот что я вам скажу, ребята... и дамы: надо это дело оформить официально, чтобы Клавдия нас всех из квартиры не погнала под горячую руку. Она может! Иннокентий, у тебя паспорт-то есть?

— Есть, только он у меня без прописки...

— Ну, это как раз поправимо. Поставим тебе временную регистрацию в связи с работой. Лика Казимировна, придется вам договор с Иннокентием на работу заключить! Вы как, согласны?

— Ну еще бы! Тогда уж я совсем спокойна буду за Титаника.

— Нет, вы что все? Вы это серьезно, что ли? — спросил Иннокентий, оглядывая друзей.

— А кто станет шутки шутить на поминках-то? — резонно заметил Димон.

— Да... Да это ж выходит мне вроде как... как наследство от Василь-Ваныча!

— Скорее как наказ — не рисковать впредь своей жизнью, а поправить все, что еще можно поправить, — сказала Агния Львовна.

И тут все выпили по второй рюмке — за новую жизнь Иннокентия Николаевича Павлова, пока гражданина без определенного места жительства, но уже с серьезными видами на жилье и работу.

История третья

Гибель и воскресение Титаника

Однажды во двор дома на Кузнечном въехала иномарка с красивой молодой дамой за рулем и девочкой на пассажирском месте, тоже красивой, но с зареванным лицом^[8].

— Катерина с Натальей, что ли, к нашим приехали? — спросил Гербалайф.

— Нет, это чужие, — ответил Иннокентий. — И они не к нашим — они к Могильщику.

— А ты почему знаешь?

— Да это же элементарно, Ватсон! — Шел как раз телесериал про Шерлока Холмса, и оба им увлекались: телевизор они нашли на помойке, а Димон им его починил. — У девочки в руках красный собачий поводок, а собаки в машине нет. И глаза у нее тоже красные. Размышляем и делаем вывод: песик сдох — воскрешать приехали.

— Ты прав, сэр!

— До чего же мерзкий бизнес у этого профессора Магилиани! — слово «профессор» Иннокентий произнес с величайшим сарказмом, совершенно ему не свойственным, благодушному, как почти все бомжи, да и просто хорошо воспитанному по прошлой жизни человеку. Впрочем, Иннокентий уже вышел из категории бомжей, что, между прочим, удается далеко не всякому! У него теперь была постоянная работа, жилье и даже временная регистрация.

Друзья проводили взглядами двух красавиц и очень удивились, заметив через открытую дверь парадной, что те не позвонили к профессору, а сразу стали подниматься по лестнице на второй этаж. Это было странно, потому что до того они остановились перед табличкой у входа в подъезд, гласившей, что тут по таким-то дням и часам ведет прием посетителей профессор Георгий Магилиани, и внимательно ее прочитали.

— Ошибка, сэр! — сказал Гербалайф. — Они все-таки приехали к нашим старушкам.

— Похоже, что так, — согласился Иннокентий. — Интересно, к кому именно?

— Да к Лике Казимировне же!

— Ты прав, друг Гербалайф.

— Сэр!

— ?

— Раз уж я угадал, так теперь сэр — я.

— Да пожалуйста! Ну и как ты думаешь, сэр, зачем они приехали?

— Может, хотят пригласить нашего Титаника к невесте?

— Возможно. А если так, то ты поедешь с ними — можешь идти повязывать галстук.

— Это еще зачем? — опешил Иннокентий.

— Галстук-то? Для солидности.

— Да нет, я не про галстук: ехать мне с ними зачем?

— Ну, а кому же еще быть шафером на собачьей свадьбе, как не тебе, друг мой Кеша? — Иннокентий служил собачьим гувернером при Титанике, йоркширском терьере Лики Казимировны. Причем служил совершенно официально, о чем был составлен соответствующий договор о найме; служба приносила ему не только заработок, половины которого якобы хватало на оплату угла у гражданина Андрея Гербера, то есть Гербалайфа, но и давала право на временную регистрацию. Ради чего рабочее место, собственно, и было создано добросердечными и предприимчивыми старушками-подружками со второго этажа. Иннокентий души не чаял в Титанике и обращался с ним как с собачьим лордом, иногда даже говорил ему «вы»: «Позвольте я оботру вам лапы полотенцем, сэр Титаник, не будем огорчать дорогую хозяйку следами на паркете! И где ж это вы изволили опять в собачье дерьмо ступить? А ну топай в ванную мыться!»

Со свадьбой бывшие бомжи не угадали, хотя визитерши действительно явились к Лике Казимировне, и та их уже ждала: она сразу же открыла дверь на звонок и посмотрела на них вопросительно и радушно.

— Мы от Агафьи Тихоновны Пуповзоровой, — сказала старшая красавица. — По поводу погибшего щенка вот этой девицы.

Девочка ничего не сказала, только всхлипнула негромко: было заметно, что она уже устала плакать, но и удерживается с трудом.

— Да-да, она мне звонила! — Лика Казимировна постеснялась сказать, что сама она с Агафьей Тихоновной Пуповзоровой не была знакома. Та ей позвонила и, сославшись на профессора Магилиани, попросила встретиться с девочкой, у которой погибла собака. — Проходите, проходите в комнату! — В комнате посетительницы увидели еще одну старую даму, статную, синеокою, с седой косой, обернутой вокруг головы, — совсем как у Юлии Тимошенко, только вдвое толще и явно натуральной. — Меня зовут Лика Казимировна. А это моя подруга и соседка Варвара Симеоновна. — Дама с косой слегка кивнула, не очень радушно разглядывая вошедших. — А вот это — Танечка Поздоровайся с гостями, Танечка, дай им лапку! Это ведь они к тебе пришли! — Лохматенькая собачка с черным кожаным бантиком на макушке послушно села на задние лапы и протянула гостям переднюю. Гостья постарше от лапопожатия уклонилась, а младшая вежливо присела и взяла теплую собачью лапу.

— Здравствуй, Таня! Это ведь девочка? — спросила она.

— Кобель! — сказала Варвара Симеоновна.

— Варенька, как ты выражаешься? — воскликнула хозяйка, всплеснув руками.

— Адекватно. Собачий самец называется «кобель», а не «мальчик». Кличка у кобеля Титаник, а Танька — это его домашнее прозвище.

— А меня зовут Кира. У меня собака погибла... Кутька... Нам сказали, что тут собак воскрешают. — Девочка сглотнула слезы и продолжила: — А это — Жанна! Агафья Тихоновна — это ее знакомая...

— И она посоветовала нам сначала познакомиться с хозяйкой собаки, которую уже воскресили, — нетерпеливо перебила девочку гостья постарше.

Варвара Симеоновна фыркнула.

— Варенька, ты, может, к себе пойдешь? — жалобно предложила Лика Казимировна.

— Да пожалуйста! Нас вежливо просят — мы вежливо удаляемся. Да я и слушать не желаю, как ты тут будешь пиарить своего Гогу-Магогу Моги-лиани.

— Ну сколько раз тебе повторять, Варержка, что он не МОгилиани, а МАгилиани: от слова МАГ, а вовсе не от слова МОГИЛА. Ты же

филолог, неужели ты не ощущаешь разницу?

— Ощущаю, дорогая, очень даже ощущаю! Потому-то и ошибаюсь все время, поскольку твой профессор, извини меня, пасется на собачьих могилах.

— Ах, Варешка, прости меня, но ты иногда бываешь невыносима со своей этой нетерпимостью...

— Угу, а также с моей неполиткорректностью, косностью, ксенофобией и нетолерантностью. А ты, дорогая Ликуня, невыносима ВСЕГДА — своей беспредельной доверчивостью. — Варвара с грохотом выдвинула из-под себя кресло, поднялась и, демонстративно громко топая домашними туфлями, что было в общем-то непросто, вышла из комнаты. — Можешь продолжать рекламировать своего Гогу-Демагогу. Всем до свиданья!

Когда Варвара Симеоновна с шумом удалилась, Лика Казимировна, слегка порозовев от неловкости, что, впрочем, ей шло и даже молодило ее, предложила Жанне с Кирой выпить с нею чаю. За чаем она и поведала им историю гибели и воскресения Титаника.

— Нашла я Титаника в глубокой луже, плавающего среди обломков льда в обувной коробке. То ли жестокие мальчишки пустили его в плаванье, то ли он сам ненароком забрел в лужу и спасался в коробке — не знаю. Был он еще крошечный, глазки едва прорезались. Плавал он в своей коробке и жалобно попискивал, а картон уже промок, вот-вот коробка прорвется и ко дну пойдет... Страшная это была картина! Пришлось мне зайти в лужу прямо в сапогах и вытащить его. Между прочим, это Варенька его Титаником окрестила. Вы не смотрите, что она такая строгая: на самом деле она Танечку очень любит, и всегда любила — и до воскресения, и после. Вот только Георгия Зурабовича она почему-то не переносит...

И вот стали мы с Титаником жить вдвоем, и все у нас было хорошо. Но однажды бедный Танечка, ему уже два года тогда было, подхватил чумку. Он был очень общительный песик и даже бродячих собак не боялся, так и лез к ним знакомиться. Вот он и заразился и заболел очень тяжело. Я тогда глупая была: витаминами его кормила, а прививок не делала. Жалела его, я ведь и сама ужасно боюсь уколов. Наш ветеринар не сумел его спасти, и через три дня Титаник скончался. Можете себе представить, какое это было для меня горе! Мы похоронили Танечку прямо у нас во дворе, вон под тем старым

тополем. — Она кивнула своей одуванчиковой головкой в сторону окна. Кира поглядела в окно: тополь был в наличии, и почему-то это придавало рассказу Лики Казимировны особую убедительность. Она продолжала: — Я каждый день приносила ему цветы и плакала на его могилке. И вот однажды Георгий Зурабович, который только что купил квартиру в нашем доме и устроил в ней свою контору, увидел меня за возложением цветов.

— Георгий Зурабович — это Гога Магилиани? — спросила Жанна.

— Да-да, это был он. Он подошел ко мне, участливо так расспросил, узнал, что под тополем лежит мой незабвенный Титаник и тут же предложил мне его воскресить.

— Как — тут же?! — ужаснулась Кира. — Он что, разрыл могилку и вытащил труп вашей собачки?

— Ну что вы, Кирочка! Георгию Зурабовичу для воскрешения животных никакие трупы не нужны!

— А что же он тогда воскрешает?

— О, это сложная мистическая процедура. Можно сказать, своего рода священнодействие. Сначала профессор Магилиани связался в астрале с духом моего Титаника. Для этого ему нужна была какая-нибудь материальная вещь, принадлежавшая усопшему и дорогая тому. Я подумала и принесла мою старую тапку, которую Танечка любил потрепать и погрызть. А у вас, Кирочка, кстати, осталось что-нибудь от вашего песика?

— Да, поводок вот остался.

— Прекрасно! Я-то, глупая, первый раз Танечку похоронила вместе с поводком и ошейником. А вот после второго раза я их сохранила, как научил Георгий Зурабович.

— Как это понять — «после второго раза»? — спросила Жанна, удивленно вскинув и без того тонко выщипанные высокие брови.

— Так ведь мой Танечка дважды воскресал! — воскликнула Лика Казимировна. — Вы послушайте, что было дальше! — Чувствовалось, что самой рассказчице повесть о посмертных приключениях Титаника доставляет огромное удовольствие. — Ну так вот, Георгий Зурабович с Танечкой связался, и после некоторых уговоров дух Титаника согласился вернуться в новое тело! — Последние слова были произнесены с большой торжественностью.

— А где ж он взял для него новое тело? — спросила Жанна. — Бродячую собаку какую-нибудь прирезал?

— Что вы, что вы! — замахала ручками Лика Казимировна. — Профессор Магилиани великий гуманист, он бы никогда на такое не пошел!

— Так где же он взял тело для вашей собаки?

— Да в зоомагазине же! — воскликнула Лика Казимировна. — Профессор велел Титанику самому найти для себя подходящее тело щенка и возродиться в нем! Понятно?

— Не очень... — сказала Кира — Ну хорошо, ваш Титаник влез в новое тело, но вы-то как нашли его?

— Да очень просто! То есть не совсем просто — пришлось долго искать. Мы с Георгием Зурабовичем стали обходить городские зоомагазины в поисках воскресшего духа Танечки в теле новорожденного щенка. В тот раз мне не сразу повезло: только после двух недель хождений по частным объявлениям и по зоомагазинам я, наконец, увидела моего дорогого песика! Я его сразу узнала по глазам и позвала: «Титаник, Танечка, это ты?» Он тоже сразу узнал меня, тут же подбежал ко мне и стал проситься на руки. Это был такой волнительный момент — наша первая встреча через месяц после его смерти! — Лика Казимировна достала из-за обшлага рукава маленький платочек с кружевцем и промокнула им глаза. — Ну, я купила Танечку и привезла его домой. Теперь-то я сразу пошла к ветеринару и сделала ему все прививки. Мы долго были счастливы. Но вот ведь какое трагическое стечение обстоятельств: ровно через два года, как это было и в первый раз, Титаник снова погиб.

— Какой ужас! — сказала Кира. — Опять чумка?

— Нет, на этот раз Титаник погиб не от чумки. Его зарезали.

Кира ахнула, а Жанна спросила:

— Бомжи, что ли, зарезали и сожрали?

— Нет, не бомжи. Наши местные бомжи все были люди порядочные и Танечку любили. Его трамвай зарезал. Титаник очень любил выбегать на середину улицы и обнюхивать рельсы. Чем же они ему так нравились — ума не приложу. Кстати, он и сейчас от этой скверной привычки не избавился, поэтому на улице его ни в коем случае нельзя спускать с поводка: Танечкин нянь это знает и не пускает его гулять одного там, где есть трамвай.

— А что это за «Танечкин нянь»? — спросила Кира.

— Это человек, который выводит Титаника на прогулки. Иннокентий.

— Оставь, Кира, нам сейчас не до собачьих няnek! — сказала Жанна. — Ну так что там было дальше с собакой?

— Как-то на прогулке, тогда я еще сама с ним гуляла, Титаник вывернулся из ошейника, выбежал со двора и бросился на рельсы прямо возле дома — у нас по Кузнечному трамвай ходит, если вы заметили. Тут трамвай возьми и выскочи из-за угла! Я его зову-зову, трамвай звонит-звонит — а Титаник ни с места, стоит и рельс обнюхивает... Вот так он и погиб под колесами трамвая. Боже мой, это было море крови и океан горя! Я подхватила бездыханное окровавленное тельце и бросилась к Георгию Зурабовичу. На мое счастье, он вел прием в этот день. Профессор ведь у нас много ездит по стране, читает лекции и воскрешает погибших животных по разным городам, так что я могла его и не застать. Но мне повезло. Он выслушал меня, успокоил и велел похоронить Танечку где-нибудь за городом, на природе, чтобы его бедному покинутому душой тельцу было там уютно лежать и оно не помешало возвращению Танечкиной души в новое тело. Мы похоронили его в лесу под березкой, а уже через три дня нашли воскресшего Титаника в зоомагазине на Владимирском проспекте, совсем рядом! Представляете, какая это была радость?

— Представляю, — неуверенно сказала девочка Кира. Было заметно, что рассказ Лики Казимировны как-то не очень укладывается в ее голове. — И вы уверены, что этот новый щенок снова был ваш Титаник?

— Профессор не дал бы мне ошибиться. А вот с документами были некоторые проблемы. Эти бюрократы никак не хотели регистрировать Титаника по старым документам.

— Почему не хотели? Им-то какая разница? — спросила Жанна.

— Не хотели потому, что в старых документах был указан другой возраст и другая порода собак. Видите ли, в первом рождении Танечка был французским бульдогом, после чумки он воскрес таксой, а вот теперь он, как видите, йоркширский терьер! Пришлось оба раза после воскрешения оформлять документы моего Титаника заново, как на

новую собаку... Ах, люди с таким трудом воспринимают все духовное! В нашем мире царит такая косность! Атеисты, одно слово.

— А вы — верующая? — спросила Кира.

— Да, конечно. Верующая и православная. Но моя вера не мешает мне верить в учение о смерти Георгия Магилиани и видеть новые горизонты науки!

— По-моему, это как-то странно, — с сомнением сказала девочка. — Вот у меня подружки все тоже православные, так они говорят, что экстрасенсам, магам и целителям доверять вообще нельзя, что их способности — от бесов.

— Вот и мои подружки Варенька и Агния, они живут на этой же площадке, тоже не верят и меня ругают за доверчивость — вы сами слышали! А по-моему, это какая-то духовная ограниченность. Мне их искренне жаль, ведь мы все трое дружим с детства. Кстати, если вы их встретите и они начнут вам наговаривать на Георгия Зурабовича, ну будто он обманом добивается, чтобы я ему квартиру в наследство оставила, так вы им не верьте, пожалуйста! Георгий Зурабович в высшей степени благородный и бескорыстный человек! Вы представляете, он ни копейки не взял с меня за оба воскрешения Титаника!

«Вот это-то и подозрительно!» — подумала про себя Жанна, но вслух сказала совсем другое:

— Ну что ж, все это звучит весьма убедительно. А нам можно будет встретиться с профессором Магилиани?

— Да хоть сейчас! — с энтузиазмом воскликнула Лика Казимировна. — Он должен быть сегодня у себя, я сейчас ему позвоню.

Она набрала номер и пропела в трубку:

— Георгий Зурабович, дорогой, здравствуйте! Да-да, Лика Казимировна. Танечка? Он вполне здоров. Да и я тоже, конечно, что со мной может случиться? Нет-нет, никаких послегриппозных осложнений! Георгий Зурабович, у меня к вам большая просьба. Да, я знаю, что вы мне не откажете. Можно мне привести к вам клиента, вернее, клиентку? Это совсем молоденькая девочка, у которой трагически погибла собачка, щенок по имени Кутька. Прямо сейчас можно? Ах, спасибо вам огромное!

Она положила трубку и с сияющей улыбкой повернулась к Жанне с Кирой:

— Мы можем идти к профессору прямо сейчас! Кирочка, вы даже представить себе не можете, какая вас ожидает радость!

— Пока не представляю, — тихо сказала Кира.

Профессор Магилиани с первого взгляда показался Кире вполне даже симпатичным пожилым мужчиной — пока он глаз не поднимал. Но когда он уставился на девочку холодным, каким-то замораживающим взглядом, она почувствовала себя так, как будто сегодня с утра наелась сосулек, и потом еще долго не могла избавиться от этого жутковатого холода внутри.

Профессор Магилиани повертел в руках ошейник, задумался и объявил:

— Тридцать три сто.

— Что — тридцать три сто? — не поняла Кира.

— За воскрешение вашей собаки я возьму обычную цену — тридцать три тысячи сто рублей.

Кирины глаза наполнились слезами — такая сумма оказалась ей не по карману.

— Георгий Зурабович, дорогой, у девочки нет таких денег! Да и щенок был ведь совсем маленький! — попыталась его разжалобить Лика Казимировна.

— Ладно, — покладисто и равнодушно сказал маг-воскрешатель, — тогда я возьму с нее триста тридцать один доллар.

Кира собиралась сказать, что и этих денег у нее нет, но она постарается их собрать с помощью друзей, и хотела уже попросить профессора, чтобы он воскресил ее Кутьку в долг, но Жанна ее опередила. Она успокаивающе погладила Киру по плечу и объявила, что сама готова заплатить эти деньги. И тут же выложила на стол аванс — сто долларов одной бумажкой. И маг сейчас же, не выходя из-за стола, приступил к воскрешению...

Переговоры с духом Кутьки заняли совсем немного времени. Кира, Жанна и Лика Казимировна молча сидели рядом на стульях, а Магилиани сидел за столом, закрыв глаза и поджав губы. Минут через пять он открыл глаза и объявил, что на щенка Кутьку напали беспризорные собаки и разорвали его в клочья. Щенок в данный момент находится в небытии и очень скучает по хозяйке. Кутька сразу

же согласился найти подходящее щенячье тело, переселиться в него и терпеливо ждать, пока дорогая хозяйка его разыщет. Еще профессор объявил, что главная работа сделана — воскрешение состоялось! Теперь Кире остается найти щенка, в которого переселился дух Кутьки.

— А это уже целиком зависит от хозяйки! Чем сильнее она любит свою собаку, тем скорее разыщет ее новое воплощение. Обрыщет зоомагазины — и обрящет! — И профессор Магилиани встал, показывая, что сеанс воскрешения и прием окончены. — Остальные деньги вы мне принесете, когда разыщете вашу собачку. До свиданья!

Покинув кабинет профессора, Кира с Жанной распрощались с Ликой Казимировной, вышли во двор, сели в машину, развернулись и укатили.

— Ну и лохотронщик этот Магилиани! — сказал Гербалайф Иннокентию. — Опять какую-то собаку воскресил, подлец!

— А нам с тобой какое дело? — спросил Иннокентий.

— Неужели тебе все равно, что хозяйку Титаника приспособили делать рекламу мошеннику?

— Нет, не все равно... А что я могу сделать, если она свято верит в то, что ее Титаник дважды воскресал? Пойми, ей-то это в утешение!

— Она бы со временем завела себе другого щенка: ей бы подружки подарили, мы бы им намекнули, вот и утешилась бы без всяких обманов. А так получается, что она как бы в этом лохотроне участвует, и мне за нее очень обидно. Да и Агния Львовна с Варварой Симеоновной терпеть не могут этого замогильного профессора.

— Да, это верно... Но пока этот Могильщик нашу Лику Казимировну не обижает, пусть все идет как идет. Не будем вмешиваться. Холодно, мороз крепчает. Пошли-ка домой, Гербалайф!

— Пошли. Клавдия уже свой сериал смотрит, можно спокойно на кухню пойти и ужин приготовить. А то и наш сериал скоро начнется. Не понимаю, как это наши старушки без телевизоров живут?

— У них на телевизор времени не хватает.

— С чего ты взял?

— Да мне Агния Львовна так и сказала: «Жить нам осталось немного, на телевизор времени не остается».

— А!

* * *

Прошел месяц, другой. Зима подходила к концу. Однажды Гербалайф с Иннокентием сидели на своей скамеечке и строили несбыточные планы найти хорошую денежную работу и начать новую жизнь, ну и пить совсем бросить, конечно. Гербалайф мечтал поступить в охрану и стоять целый день в камуфляжной форме, с кобурой на боку, пусть бы даже пустой, возле какого-нибудь офиса и желательно недалеко от дома. Чтобы соседи проходили мимо и видели. Да кто ж ему доверит офис и даже пустую кобуру? А у Иннокентия мечты были и вовсе несбыточные: когда-то он был неплохим кинооператором и фотографом, его снимки в журналах печатали, но пропил он всю свою фотоаппаратуру, и профессию, и квартиру свою пропил — в ней вон профессор Магилиани теперь собачек воскрешает и деньги огребает.

— Понимаешь, я тут журнал нашел, ну когда мы макулатуру собирали, а там конкурс на лучшую фотографию собаки, называется «Фотография с биографией» — надо еще что-то про собаку интересное написать. Так вот был бы у меня приличный фотоаппарат, я мог бы снять нашего Титаника и рассказать историю про его воскрешения!

— Аппарат найти можно, а вот история никуда не годится, ты уж меня прости! — сказал Гербалайф. — Еще не хватало нам рекламу Могильщику делать!

— Слушай, а ведь можно сделать и антирекламу — разоблачить его псам под хвост! — загорелся вдруг Иннокентий. — А ты правда мог бы найти фотоаппарат?

— Да аппарат найти — пара пустяков. Вон у Димона есть и цифровой аппарат, и обычный старый «Зенит», и кинокамера... Но делать-то это никак нельзя — Лика Казимировна обидится.

— Ох, верно. Я лучше сам умру, чем наших старушек обижу! Так что нет нам в жизни счастья, друг Гербалайф, и лучше его не искать — время не тратить.

— Ты прав, друг мой Кеша...

И тут во двор вошла девочка Кира с упитанным щенком на руках.

— С воскрешеньцем вас! — не без ехидства крикнул ей Гербалайф.

Кира остановилась как вкопанная.

— Что-о? С каким это таким «воскрешеньцем»? Да этот жулик ваш никого и не воскрешает! Он жулик и должен сидеть в тюрьме!

— Правильно, девушка, жулик, он и тюрьма по нему плачет. А вы-то как об этом догадались?

— Да очень просто! Хотя сначала я ему как будто поверила. Это моя знакомая меня втравила в это дурацкое дело.

— Та девушка, которая с вами приезжала в прошлый раз на красной иномарке?

— Ну да, она самая. Они с Магилиани одна компания. Воскрешали, воскрешали моего Кутеньку, — тут она поцеловала щенка прямо в нос. — А его и воскрешать не надо было! Он зимовал в подвале с зайцами, а вот теперь нашелся.

— А это точно тот самый щенок, который потерялся?

— Точно! На нем же ошейник был, когда он пропал, — вот он, ошейничек-то наш! Да я бы его и без ошейника сразу узнала, и он меня узнал — так и кинулся ко мне!

— А теперь вы, значит, пришли к Могильщику разбираться? Хотите его разоблачить?

— Да плевать мне на его разоблачения! Мне надо забрать у него деньги, которые ему Жанна дала за воскрешение Кутьки.

— Да не отдаст он их вам! Он такой жмот!

— Попробую. Мне очень надо эти деньги вернуть Жанне, тут целая история...

— А вы садитесь да расскажите — время-то есть!

Девочка села между Иннокентием и Гербалайфом и рассказала им удивительную историю.

Кира Лопухина, так звали Кутькину хозяйку, жила на Крестовском острове и дружила с двумя сестрами-близнецами, Юлькой и Аннушкой, дочками богатого бизнесмена по фамилии Мишин. А она жила с матерью, и жили они не то чтобы бедно, но триста с лишним долларов, которые стоило воскрешение, были для них очень крупной суммой. Впрочем, мать Киры ничего о них и не знала.

Кира завела себе щенка, подобрала его на улице и страшно к нему привязалась. Она его всюду таскала с собой на красном поводке.

Ошейник у него тоже был из красной кожи, и на нем были вышиты две буквы К, означавшие «Кири́н Кутька». Как-то она пришла в дом Мишиных, в гости к своим подружкам, а Кутьку привязала к дереву в саду перед домом: она всегда так делала, потому что Кутька однажды написал в доме на дорогой ковер. В доме, кроме девочек и их отца, живет еще мачеха Жанна. Вернее даже, она еще не совсем мачеха, а только готовится стать мачехой. Она хочет выйти замуж за отца девочек, а сама ненавидит сестер. Кира ее всегда побаивалась, хотя и восхищалась ее красотой и умением жить. И вот однажды, пока Кира сидела в доме у девочек, Кутька в саду каким-то образом сумел соскочить с поводка. Он долго бегал вокруг дома, выбегал за ворота — они видели потом его следы на снегу — и в конце концов исчез. Чуть не весь Крестовский остров помогал Кире искать Кутьку, везде были повешены объявления о его пропаже, но щенка так и не нашли. И тогда на помощь Кире неожиданно пришла мачеха-невеста Жанна: она повезла ее к гадалке-экстрасенсу Агафье Тихоновне Пуповзоровой, и та ей нагадала, что Кутьку разорвали беспризорные собаки. И она же сказала, что щенка может найти и воскресить профессор Георгий Зурабович Магилиани. Может, Кира и не поверила бы Агафье Тихоновне, но рядом была Жанна, которая приняла это все очень серьезно и предложила свою помощь и деньги. И Кира согласилась на воскрешение. К тому же Агафья Тихоновна пообещала предварительно познакомить их с хозяйкой уже воскрешенной собаки.

— С нашей Ликой Казимировной, — подсказал Гербалайф.

— Ну да. А почему «с вашей»?

— Ну, мы же друзья и соседи, — сказал Иннокентий. — Между прочим, Жора Могильщик живет в моей бывшей квартире. Рассказывайте дальше!

Кира продолжила рассказ. Встреча с Титаником и его хозяйкой ее почти убедила, а тут еще Жанна со своими деньгами — ну она и согласилась на процедуру воскрешения Кутьки. Профессор Магилиани велел ей искать воскресшего Кутьку по зоомагазинам и объявлениям о продаже щенков: дескать, она его должна узнать и почувствовать. Но Киру ни один щенок даже не заинтересовал — ей нужен был Кутька и только Кутька, а его-то она и не находила.

— А сегодня случилось чудо — Кутька вдруг взял и сам нашелся! В подвале Мишиных зимовали зайчиха с зайчатами, их девочки

Мишины от охотников спасли и приютили. Зайцы жили в таком кошачьем домике, и никто их не видел. Им приносили всякий корм и оставляли. А Кутька мой, оказывается, свалился в подвал через приоткрытое окошко и не смог выбраться — и с тех пор он так и жил вместе с зайчихой и зайчатами, представляете? А питался он молоком и кашей, которые приносили девочки Мишины! И вот сегодня, когда зайцев выпускали на волю, мой Кутька и нашелся!

— Да, вляпался с вашим Кутькой наш Могильщик! Вот бы на этом деле его и разоблачить!

— Да ну его! — отмахнулась Кира. — Мне бы только сто долларов от него назад получить, а то Жанна за свои деньги хочет, чтобы я за ее падчерицами шпионила. Фиг ей, конечно, но я из-за нее в дом Мишиных почти не хожу теперь.

— Ага, вот и наш профессор явился! — сказал Гербалайф: во двор въезжал на своей машине Георгий Зурабович Магилиани. Он вышел из машины, аккуратно запер ее и направился в свою контору. Кира встала, попрощалась с новыми знакомыми и пошла за ним.

— Знаешь что, Гербалайф, — сказал Иннокентий, — а сходи-ка ты и вправду к Димону, попроси у него фотоаппарат и кинокамеру на часок. Если мы уговорим Киру рассказать перед камерой все как было, то можно будет сделать потрясающий снимок собаки с девочкой и написать к нему самую необыкновенную историю! «Воскресшая собака» — это ж читатели с восторгом примут!

— Так Кутька же не воскресал! — недоуменно воскликнул Гербалайф.

— Так в этом же все дело! Сеанс магии с разоблачением!

— Ладно, тогда я пошел за фотоаппаратом.

— И камеру попроси! На час всего-то...

— И камеру попрошу.

* * *

Георгий Зурабович, выслушав Киру, тут же *заявил*, потирая руки:

— Ну вот, моя работа выполнена! Передайте вашей старшей подруге, что теперь она может принести мне полную плату за воскрешение.

— За воскрешение?! — закричала Кира. — За какое такое воскрешение?! Кутька жил все это время в подвале с зайцами и знать не знал, что его хозяйка в это время себе нового щенка подбирает! А если бы я купила другого щенка и привыкла к нему, вы представляете, какое это было бы несчастье?

— Ну нет, такого быть не могло. Я ведь именно вашего щенка воскресил — вот этого.

— Да? Так он, по-вашему, все это время на том свете был, а не в подвале?

— Естественно, он пребывал на нижнем уровне астрала.

— А кто ж его там, в этом вашем астрале, откармливал, что он так вырос и растолстел?

— Действительно, интересный случай! Надо будет на этом материале написать новую главу для моей научной работы.

— А это что?! — Кира сняла с Кутьки красный ошейник и потрясла им под носом нахального мага. — Это Кутькин ошейник, который был на нем, когда он пропал! Ошейник вы тоже воскресили?

— Ну, телепортация пропавших вещей на их законное место — это уже не так сложно, как воскрешение, это и мои ученики умеют делать.

Кира от такой наглости просто задохнулась.

— Да вас!.. Да вас надо судить и в тюрьму сажать, как Грабового, который бесланских детей воскрешал! Теперь-то понятно, как этот Грабовой действовал! Он такой же проходимец, как и вы. Ну вот что! Если вы мне немедленно не вернете доллары, которые вам дала Жанна, я... я не знаю, что с вами сделаю! Я в газету пойду! На телевиденье!

— Да? — заинтересовался профессор Магилиани. — А я вам даже хороший совет дам: вам нужна передача Малахова «Пусть говорят»: он охотно берет такие сюжеты. Вы расскажете, как обратились ко мне за помощью, как я велел вам искать щенка и как вы его нашли, живого и невредимого, и даже его ошейник был на нем! А я к вашему рассказу дам свой комментарий. Разъясню, как мне это удалось совершить, и все это будет для меня отличной рекламой! Идите, девушка, идите! Зеленый свет вам!

Кира, глядя в невозмутимо бессовестное лицо жулика-экстрасенса, поняла, что так все оно и будет. Горячая волна гнева поднялась в ней... И тут ее вдруг осенило.

— Нет, я по-другому сделаю, — сказала она спокойно. — Я прямо отсюда, вот прямо сейчас поднимусь к Лике Казимировне и все ей расскажу про вас и про Кутьку. Посмотрим, какую она вам тогда квартирку оставит по завещанию!

А вот на эти ее слова Георгий Зурабович ничего не ответил, а молча выдвинул ящик письменного стола, вынул оттуда сто долларов, сунул бумажку Кире и сказал:

— Возьмите и убирайтесь вон вместе с вашим паршивым щенком! Вы ничего не понимаете в духовной жизни, вы глухи к голосу вечности!

— С вечностью я разговаривать, может, и не умею, — спокойно сказала Кира, пряча деньги в сумочку, — зато с жуликами, выходит, научилась.

Она вышла из логовища мага и поглядела наверх, раздумывая, а не подняться ли ей к Лике Казимировне и не просветить ли ее насчет фальшивых собачьих воскрешений? Конечно, ей было неловко, да и страшновато вдруг стало, будто некая темная сила не пускала ее наверх, даже колени у нее ослабли. Девочка постояла, подумала и все-таки шагнула на первую ступеньку. Она поднялась на второй этаж, но позвонила не в квартиру Титаника и его хозяйки, а в соседнюю. Кира угадала — дверь ей открыла та самая Варвара Симеоновна, которая терпеть не могла Магилиани. Увидев счастливую девочку с грязнущим щенком на руках, она, умница, сразу все поняла и спросила:

— Ну что, нашелся твой щенок безо всякого воскрешения? Заходи!

Кира прошла в прихожую и опустила Кутьку на пол. Тут же из комнаты выскочил Титаник и принялся гавкать на Кутьку: чего, мол, в чужой дом явился, кто позволил?

— Танька, замолчи! Ты что, не видишь, что перед тобой ребенок?

Но Титаник уже все понял, потому что умный Кутька уже брякнулся на спину и подставил Титанику брюшко. Титаник сел и завилял хвостом.

— Проходи в комнату, а эти двое пускай общаются.

В комнате Кира села и все рассказала: и про то, как они с друзьями зайцев на Крестовском острове спасали, и как потерялся Кутька, и как выяснилось, что он всю зиму прожил вместе с зайцами в

подвале. Передала она в точности до последнего слова и свой разговор с Магилиани, кончившийся возвращением денег.

— Ас чего ты взяла, что Могилиани хочет получить в наследство квартиру Лики Казимировны?

— Это не я — это Жанна догадалась. Я ее спросила после первого визита, почему профессор старушке два раза бесплатно собаку воскрешал, а с меня хочет взять так дорого? Неужели он такой добрый? А она мне ответила, что навряд ли он такой дурак, чтобы работать за бесплатно, наверняка у него есть какой-то интерес в отношении *бабки*, — это не я так сказала, а Жанна.

— Я понимаю. Ну и что же она еще сказала?

— Еще сказала: «Может быть, бабулька ему свою квартирку оставит в наследство, квартирка-то у нее отдельная и в центре города». Вот мне эти ее слова и вспомнились вовремя! Если бы я ему про квартиру Лики Казимировны не сказала, он бы мне ни за что деньги не вернул.

— Знаешь, а ведь эта Жанна угадала: Могилиани уже давно подбивает нашу Лику Казимировну переписать завещание на квартиру в его пользу. А Лика не решается, потому что завещание давным-давно написано — на меня и нашу третью подругу, еще с тех пор, как квартира была приватизирована. Лика уже нам намекала, что хотела бы оставить подарок своему «профессору», но при этом дала понять, что без нашего согласия завещание свое не изменит. Ну и мы с Агнией, это третья наша подруга, так же твердо протестуем. Квартира ее нам не нужна, и дай Бог никогда не понадобится, но мы не хотим, чтобы у кого-то были на нее виды. Смотри-ка, как эта Жанна все угадала и разложила по полочкам!

— Это потому, что она той же породы человек, что и Могильщик.

— Почему ты его так зовешь?

— Это не я, это ваши бомжи во дворе его так называли. Мы разговорились, пока я там на скамейке профессора поджидала. А они у вас симпатичные!

— Они не бомжи, девочка. Они просто люди, думавшие покататься немного на веселых лошадах алкогольной карусели. Карусель эта страшна тем, что никогда не останавливается: ездовых уже тошнит, и страшно им, и впереди только белая горячка, цирроз печени, падение и смерть, а сойти невозможно. С этой карусели надо

только прыгать! Такие вот «белогривые лошадки»... Впрочем, зря я тебе это рассказываю, наверное. Просто мне хочется, чтобы ты поняла — таких людей надо не столько осуждать, сколько жалеть. Ну ладно! Ты знаешь, а Лики Казимировны еще нет дома, она как раз минут пятнадцать назад пошла на Кузнечный рынок. Ты можешь подождать ее, чтобы все ей рассказать?

— Могу, наверное... Только давайте я во дворе подожду, а то Кутька с утра ничего не ел, я ему хоть булочку какую-нибудь куплю.

— Да зачем же собаку булочками портить? Мы сейчас найдем Танькину запасную миску и дадим Кутьке нормального собачьего корма.

Они вышли на кухню, где Титаник и Кутька отлично проводили время: они то сидели друг против друга, то носились один за другим, то устраивали возню с притворной грызней и рычаньем.

— Так, все ясно! — сказала Варвара Симеоновна, глядя в угол, где на полу стояли две пустые миски, для еды и для воды. — Теперь я вижу, что Кутька и в самом деле жил в семье зайцев!

— Почему? — удивилась Кира.

— Ликуня оставила для Титаника целую миску тертой моркови с куриным фаршем, а он эту морковь на дух не переносит. Ясно, кто вылизал дочиста его миску! Ну, значит, никаких булочек ему уже не надо. Пойдемте-ка все на свежий воздух, а то как бы морковка не сработала — она ведь очень хорошо прочищает собачий кишечник.

В сопровождении Кутыси и Титаника Варвара Симеоновна и Кира вышли во двор. Иннокентий и Гербалайф сидели на лавочке, рядом с Иннокентием стояла спортивная сумка. Кутьку и Титаника спустили с поводков немного побегать, строго наказав не выходить за ворота: кажется, они это поняли и пустились бегать вокруг гигантского тополя в углу двора, а Варвара Симеоновна и Кира сели на скамейку.

— Как дела, Варвара Симеоновна? — спросил Иннокентий.

— Очень плохо. Я тревожусь за нашу Лику Казимировну. — И она рассказала Гербалайфу с Иннокентием о завещании на квартиру и происках Магилиани.

— Этого подлеца надо разоблачить! — сказал Иннокентий.

— И мы знаем, как это сделать! — добавил Гербалайф и похлопал по стоящей рядом спортивной сумке. — Тут у нас такое оружие против него!

— Какое же? — спросила Варвара Симеоновна.

— Фотоаппарат и видеокамера. Мы делаем разоблачительный материал. Если, конечно, девочка Кира согласится сфоткаться со своим песиком для глянцевого журнала и на видео.

Кира, естественно, согласилась и весьма охотно позировала с Кутькой на руках, а перед видеокамерой она еще и рассказала подробно историю фальшивого воскрешения своего щенка. И еще все договорились, как будут вести себя дальше.

И тут во двор вышел профессор Магилиани. Он только закрыл дверь подъезда, как к нему подошли Кира и Варвара Симеоновна, успевшие взять своих собак на поводки.

— Господин Магилиани! — обратилась к нему Варвара Симеоновна. — Вы действительно воскрешали щенка вот этой девочки?

— Да, я его воскрешал и воскресил! — раздраженно ответил Магилиани.

— И вот эту собаку — тоже?

— И эту собаку тоже! Я воскресил более тысячи собак по всей России и за границей! А что вам, собственно говоря, от меня надо?

— Спасибо, это все! — сказала Варвара Симеоновна и переглянулась с Кирой — обе они улыбались, держа на руках «воскрешенных» собак.

И только тут профессор увидел, что, пока он разговаривал с Кирой и Варварой Симеоновной, его снимал на видеокамеру Иннокентий — из-за его собственной машины. А Гербалайф тем временем сумел незаметно проскользнуть в подъезд и позвонить в свою квартиру.

— Кто позволил вести съемку? — в ярости вскричал Магилиани. — А ну-ка, ты, бож дворовый, давай сюда свою камеру! — и он двинулся в обход машины к Иннокентию.

— А это не моя камера! — ответил Иннокентий и тоже двинулся вокруг машины, бережно прижимая к себе видеокамеру.

Они успели сделать вокруг машины всего два круга, но Магилиани ловко перепрыгнул через капот машины и схватил Иннокентия за рукав.

— Отпустите его! — закричала Кира. — Я все равно расскажу всем правду про ваш лохотрон с воскрешением! Хоть сто раз расскажу,

если надо!

И тут в дверях подъезда показались Гербалайф с Димоном.

— Профессор! — негромко и вежливо сказал Димон. — Вы лучше уберите-ка руки от моей камеры.

Профессор Магилиани оглядел всех, немного подумал, потом сел в машину и укатил со двора.

Компания дождалась возвращения Лики Казимировны. Ей дали посмотреть запись на видео, и бедная хозяйка всех Титаников наконец-то признала правду.

— Да я и раньше все это чувствовала, только не хотелось мне думать, что все это обман. Мне ведь вроде как-то полегче было, когда я во всю эту ерунду будто бы верила...

— Тут не в одном лже-воскрешении дело, — сказал Димон. — Меня больше беспокоят его замыслы насчет квартиры Лики Казимировны. Вы ему обещали переписать в его пользу завещание на квартиру?

— Ну... Не совсем чтобы обещала, но обещала подумать. Только вот подруги мои не соглашались...

— И правильно делали! Я тоже категорически против!

— А вы-то тут при чем? — грубовато спросила Варвара Симеоновна.

— А при том, что у Магилиани явно план завладеть всем нашим домом. Он уже спрашивал меня, не соглашусь ли я отдать ему свою квартиру в обмен на другую, большей площади. Я ответил, что я не хозяйин всей квартиры, у нас еще жилец есть — Андрей Гербер. Так этот подлец мне ответил, что проблему с нашим соседом он будет решать отдельно.

— Ой, мамочки! — воскликнул Гербалайф. — Нет, с этим профессором надо что-то делать...

— А что с ним сделаешь?

И все уныло согласилось, что с жуликом Магилиани справиться будет очень и очень непросто.

Жулик Магилиани между тем с неделю вообще не показывался в своей конторе, остерегался, но потом начал вести прием как ни в чем не бывало. Но тучи над его головой уже собирались, хотя он об этом еще не догадывался. Через месяц в журнале «Собаки и люди» появился портрет Кутьки с хозяйкой. И не просто так появился, а был

напечатан на обложке, как занявший первое место на конкурсе собачьих портретов. Иннокентий получил и премию, вернее, извещение о премии в пять тысяч долларов! Извещение это у него немедленно отобрал Гербалайф и отнес на хранение Агнии Львовне.

— Приберегите пока! — сказал он. — Мы попробуем подыскать Иннокентию комнатенку за эти деньги, а уж потом получим премию. А то ведь пропьет.

Агния Львовна с ним согласилась и извещение о премии припрятала. А про себя невесело подумала, что теперь за пять тысяч долларов можно купить собачью конуру, но не жилье для человека. Но она оказалась не права! За эти пять тысяч долларов Иннокентий не просто жилье купил, а получил назад свою трехкомнатную квартиру от самого Магилиани. И вот как это случилось.

Только вышел собачий журнал с Кутькой и Кирой на обложке, как во двор дома на Кузнечном повалили толпы обманутых Магилиани собаководовладельцев. Некоторые приходили так, а некоторые со здоровенными собачищами на поводках — и все горели жаждой мести за обман и отнятые обманом деньги. Кто-то начал собирать материал на мага-воскрешателя, кто-то уже подал на него в суд. Магилиани исчез из конторы и, как сначала думали соседи, вообще из города. Но это было не так. Однажды он появился поздно ночью и позвонил в дверь Гербалайфа и Лимона. Он сказал, что ему нужен Иннокентий — «по собачьему делу». Друзья согласились, чтобы встреча Магилиани с Иннокентием состоялась, но только в присутствии всех, имеющих отношение к данному делу. Однако будить старушек ночью не стали, поэтому встречу назначили на следующий день в кафе на Владимирском проспекте, неподалеку и все же в достаточном отдалении от двора, в который Магилиани ни за что не соглашался прийти днем, когда тут стояли пикеты возмущенных хозяев воскрешенных собак.

На встрече присутствовали все три подружки и три друга, ну и Магилиани, само собой. Выяснилось, что он уже получил повестку в суд и его чрезвычайно беспокоит материал, снятый Иннокентием на видеокамеру.

— Сколько вы хотите за эту кассету? — напрямик спросил он Иннокентия. — Плачу наличными, сейчас же и при свидетелях.

— Это что — шантаж? — возмутился Иннокентий.

— Какой же это шантаж! — в свою очередь возмутился Магилиани. — Это же не вы требуете с меня деньги, а я их вам предлагаю! Пять тысяч вас устроит?

— Нет! — гордо ответил Иннокентий. — Я сам могу вам дать пять тысяч!

— Интересно, откуда у бомжа такие деньги? — хмыкнул Магилиани.

— Я не бомж! — обиделся Иннокентий. — У меня есть временная регистрация, я квартиру снимаю... А деньги я честно заработал — премию получил! За портрет собаки, вот!

— А вы, между прочим, свои делишки обделываете как раз в бывшей его квартире! Как последний мошенник! — еще больше обиделся за друга Гербалаиф.

— Которую он, между прочим, продал как раз всего за пять тысяч долларов! — сказала Лика Казимировна — Такому же обманщику и выжиге, как вы!

И тут все замолчали. Все поняли, что вот только что были произнесены какие-то очень важные слова. Роковые слова. Вот только для кого роковые — это было пока неясно. Лика Казимировна поднялась, выпрямилась во весь свой небольшой рост и с большим достоинством произнесла:

— Пойдемте, друзья. Нам здесь делать нечего. А вы можете быть спокойны, профессор! Мы не мстительны и преследовать вас не станем, даже имея на руках неопровержимые свидетельства вашего мошенничества! — и с этими словами Лика Казимировна отправилась к выходу.

— Вот и прекрасно! — сказал Магилиани. — Давайте сюда кассету!

— Отдайте ему кассету! — бросила Лика Казимировна через плечо и вышла из кафе. Друзья переглянулись, Димон пожал плечами, Иннокентий покачал головой, Гербалаиф шумно вздохнул и положил кассету на стол.

— Вот, берите кассету! Можете посмотреть и подумать! — сказал он профессору и вдруг добавил, уже выходя за дверь: — И учтите, что у нас осталась копия!

— То есть ... как это?

— Да так. Вы же хотели кассету? Теперь она у вас есть. А у нас — копия.

И друзья вышли из кафе вслед за Ликой Казимировной, а Магилиани остался за столиком один. Он мрачно смотрел на удаляющуюся компанию, и его холодные глаза горели как две льдинки. Ему бы успокоиться на этом, судьбу поблагодарить да благородству Лики Казимировны поклониться, но не таков был профессор-экстрасенс Магилиани...

Дело обманутых хозяев «воскрешенных» собак между тем обрастало подробностями, число свидетелей обвинения росло, но следователь не мог даже арестовать наглого мага-воскрешателя. Тот ломил напрапалу: обвинения он отметал и утверждал, что всех собак действительно воскресил — и точка! Следователь уже стал намекать потерпевшим, что Магилиани сам верит в свои воскрешения, а потому эксперты-психиатры могут признать его невменяемым и не ответственным за свои поступки.

Злоба подвела профессора. Ему бы благодарить да радоваться, что Лика Казимировна и ее друзья не участвуют в обвинении, а он решил ей отомстить! А за что, спрашивается? Но злоба слепа, и она вывела профессора ранним утром на трамвайные рельсы для черного дела. Но не слепы были защитники правого дела Гербалайф и Иннокентий! Гербалайф как-то углядел, что профессор ранним утром рассыпал что-то на рельсах, а потом туда слетелись голуби и начали это «что-то» клевать. Дождавшись, когда профессор ушел во двор и скрылся в конторе, Гербалайф вышел на рельсы, разогнал голубей и стал внимательно осматривать трамвайные пути. Он почти сразу же увидел какие-то подозрительные мелкие образования в форме то ли гаечных ключей, то ли косточек. Он взял несколько сухих катышков и понюхал — ничем противным они не пахли, и он понес их Иннокентию.

— Смотри-ка, Кеша, что я нашел на трамвайных рельсах! Ты знаешь, что это такое?

— Сухой собачий корм «Чарли». Просыпал кто-то.

— Не кто-то, а Могильщик! И вот скажи, Кеша, зачем профессору рассыпать собачий корм на трамвайных рельсах? Не голубей же кормит наш гуманист! — И он рассказал другу, как увидел профессора на рельсах за этим подозрительным занятием.

— Так вот почему Титаник всегда бежит к рельсам! — воскликнул Иннокентий и побледнел от ужаса и негодования. — Он хочет, чтобы и этот Титаник попал под трамвай!

— Да ты что? Да не может этого быть! Да разве же можно так ненавидеть собаку? — засомневался Гербалайф. — Да весь этот корм голуби склюют, пока ты Титаника на прогулку выведешь! Да его первым же трамваем в пыль превратит!

— Вот пыль-то опаснее всего — ничего не разглядишь, а запах, запах-то остается! Вот Титаник на него и бежит! Так выходит по всему, что прошлого Титаника Лики Казимировны Могильщик специально на рельсы заманил!

— Что будем делать? Бить или в суд подавать? — деловито спросил Гербалайф.

— Ни то ни другое. Для начала надо заснять, как Могильщик этим делом занимается, а потом снять, как Титаник бежит к рельсам.

— Да я ж его не выпущу на рельсы!

— Мы на углах поставим сторожей: на одном я встану, на другой Димона поставим. Если вдруг трамвай покажется, мы его остановим. Как Раймонда Дьен. А ты тем временем быстренько заснимешь собаку на рельсах и возьмешь Таньку на поводок — и мы освободим пути.

Иннокентий еще колебался, когда Димон, выслушав историю с собачьим кормом, сказал:

— Нельзя всю жизнь дрожать за собаку. Рано или поздно, но эта мина на рельсах сработает. Так что надо брать этого партизана с личным!

Слова Димона все решили. Засада с видеокамерой была устроена в доме напротив — там у Гербалайфа нашелся знакомый сосед, и новая разоблачительная кассета была получена, а копия ее отправлена Могильщику на просмотр. После этого профессора еще раз пригласили в то же самое кафе, но в этот раз уже без Лики Казимировны — ее не захотели нервировать. Говорил с профессором Димон.

— Значит так, профессор. Надоели вы нам, уж извините, и в нашем доме вам больше прием не вести. Могли бы мы вас и попростому выставить, как вы людей выставляете, но уж решили последний раз поступить с вами по полной гуманной программе, по совести то есть. По нашей совести, не по вашей. Иннокентий выкупает

у вас назад свою квартиру за те же пять тысяч долларов, за которые он ее продал, и вы на веки вечные из нашего двора выметаетесь и по нашей улице больше не ходите и не ездите. Вы меня поняли?

— Да вы с ума сошли! — взвизгнул Магилиани. — Конечно, я сам собираюсь продать эту контору — мне не нравится это место, этот двор и этот дом! И его жильцы! Но не за такие же смешные деньги продавать такую недвижимость!

— Ну почему же смешные? Пять тысяч — хорошие деньги. Вы свою безопасность в эту сумму оценили недавно, сами же предлагали пять тысяч долларов за первую видеокассету. Кто ж виноват, что вы не унялись и нам пришлось снять вторую?

— Я не понял, с кем имею дело. Вы оказались умнее, чем я предполагал!

— Профессор, а так ошиблись! — покачал головой Димон.

Иннокентий сказал профессору успокаивающе:

— Да вы не сомневайтесь, профессор, пять тысяч долларов у меня есть! Я их получил за лучший собачий портрет — «Собачка с девочкой» называется и за текст к нему — «Воскрешение Кутьки».

Магилиани только злобно сверкнул в его сторону глазами.

— Значит так, есть у меня знакомый риэлтер, и он нам все это дело оформит законнейшим образом. А после подписания всех документов на квартиру, — сказал Димон, — вы, профессор, навсегда скроетесь из жизни обитателей знакомого вам дома на Кузнечном. И если вы нам больше о себе не станете напоминать — мы о вас тоже не вспомним.

— На фига надо-то, — сказал Гербалайф.

— Согласны, профессор? — спросил Иннокентий.

Магилиани кивнул.

— Да нет, вы не кивайте — вы скажите ясно и членораздельно: «Я согласен!»

— Записываете? — спросил Магилиани.

— Запоминаем! — усмехнулся Димон.

— С помощью техники... — проворчал Магилиани. — Ладно, ваша взяла. Я согласен!

* * *

Вот так Иннокентий, бывший бомж и безработный, получил назад свою трехкомнатную квартиру на первом этаже родного дома. Всего за пять тысяч долларов. За те самые, за которые у него когда-то ее купил, если так можно выразиться, другой «профессор», специализировавшийся не на воскрешении собачек, а на выманивании жилья у пьяниц. Тут же по совету Димона и с его помощью, аппаратура-то ведь ему принадлежала, Иннокентий открыл ателье «Лицо собаки». И поскольку во двор еще долго приходили люди, обманутые профессором Магилиани, а все они были владельцами собак самых разных пород, их внимание, конечно, привлекли и новая вывеска возле дверей, и реклама, вывешенная в окнах ателье. И новое дело начало процветать с первого же дня: Иннокентий снимал и портреты хозяев с их собаками, и одних собак, снимал и видеофильмы. Работы было много, но ему помогали Гербалайф с Димоном: Гербалайф стал принимать посетителей, договариваться о съемках и выписывать квитанции. А все денежные дела в ателье вел Димон, поскольку Иннокентий с Гербалайфом сами себе не очень доверяли — боялись снова начать пить. Но пока они держались. Со временем вместо окон с решетками в ателье появились скромные витрины (с сигнализацией), а в них — большие портреты собак, иногда вместе с владельцами. Портреты время от времени менялись. И только один оставался неизменно и красовался в самой первой от входа витрине: увеличенный портрет с обложки журнала «Собаки и люди» — прижавшиеся мордой к лицу улыбающиеся Кутька и Кира.

История четвертая

Черные розы для Юсуфа

Часов этак в шесть вечера в квартире Агнии Львовны Пчелинцевой раздался телефонный звонок.

— Мама, добрый вечер! — голос Надежды звенел и дрожал. — Артем вам не звонил?

— Нет. А должен был?

— Да, он обещал позвонить вам, как только освободится — у него на службе какое-то совещание. Как вы себя чувствуете, мама?

— Да вроде бы ничего, спаси Господи. Что-то случилось, Наденька?

— Да, случилось. Мама, Артем задерживается на работе, Катя с Марком еще не вернулись из Испании, и я просто не знаю, что мне делать... С Наташкой плохо, мама!

— Заболела?

— Нет, она здорова...

— Двоек опять нахватала? — с облегчением спросила Агния Львовна.

— Нет, хуже, гораздо хуже! У нее беда личного характера, и лучше все рассказать при встрече. Мама, я вас очень прошу, вызовите такси и приезжайте! Я в панике и не знаю, что мне делать, Наталья в ужасном состоянии!

— Еду.

— Пойдите, мама, а деньги-то на такси у вас есть? А то я встречу вас у подъезда и расплачусь.

— Есть деньги, есть, не волнуйся! — Агния Львовна дала отбой и тут же набрала номер вызова такси. Ей повезло: диспетчер пообещала, что машина будет через двадцать минут, а это значит, что через полчаса можно уже выходить из дома. Как раз есть время собраться и предупредить подруг. Она уложила в хозяйственную сумку кошелек, складной зонтик, вязанье, ночную рубашку, книгу, очки для чтения, зубную щетку, таблетки от давления, непечатую бутылочку корвалола, баночку с поливитаминами, бутылочку с капсулами «гинкго билоба»

— новомодное средство для сосудов, которое все три подруги стали употреблять в последнее время, коробочку с таблетками специального аспирина для сосудов, теплую кофту и дорожный молитвослов. Ну, кажется, ничего не забыла... Она надела пальто, теплые зимние сапоги, а любимые зеленые туфли сунула в специально лежавший под вешалкой болоньевый мешочек и, оставив дверь своей квартиры открытой, позвонила в две соседние двери на площадке. Дома оказалась только Лика Казимировна.

— Ой, что случилось, Агуня? Ты куда это собралась на ночь глядя?

— Еду к детям, там неприятности с Натальей. А ты, Лика, сделай одолжение, возьми Таньку и посиди с ним у меня возле телефона: если дети будут звонить, скажи, что я уже выехала.

— Куда, в больницу?

— Типун тебе на язык! Наталья дома, но у нее там какая-то беда случилась. Какая, пока не знаю. Наденька сказала, что это что-то личное.

— Господи, из-за личных дел сопливой девчонки ты несешься на край города в седьмом часу вечера? — Для Лики Казимировны все, что находилось на Московском проспекте за Московскими воротами, было уже окраиной. — Ехала бы завтра с утра!

— Ликуня, это же моя внучка! Опомнись, дорогая, как это я могу остаться дома до завтра? Да я от одних мыслей до утра не доживу!

— Верно, не доживешь... Ладно, езжай с Богом, а я пойду сторожить твой телефон. И сколько ты мне возле него сидеть прикажешь?

— Я тебе позвоню от детей и отпущу тебя домой.

— Все ясно! Титаник, пошли! — Лика Казимировна захлопнула свою дверь, дважды повернула ключ в замке и зашла в квартиру подруги: Титаник, прекрасно знавший дорогу, трусил впереди.

Подхватив сумку, оказавшуюся почему-то тяжелой, — наверное, в кошельке опять скопилось много мелочи, — Агния Львовна стала спускаться по лестнице.

— Агуня! — раздалось сверху.

— Да? — Агния Львовна подняла голову.

— Ты когда вернешься? — Лика Казимировна снова вышла на площадку и перевесилась через перила.

— Понятия не имею! Сегодня уж наверняка останусь там ночевать.

— А ты все свои лекарствахватила? «Тромбоасс» взяла?

— Да-да, взяла... Лика, не задерживай меня и не наклоняйся так низко — голова закружится! Я же тебе сказала, оттуда позвоню!

И Агния Львовна вышла из подъезда, хотя ей вдогонку еще неслись какие-то напутственные слова подружки.

Такси, как это ни странно, уже ожидало у ворот, а пожилой таксист стоял рядом с машиной и даже предупредительно открыл дверцу для Агнии Львовны.

— Прошу, сударыня!

— Благодарю вас! — и, усаживаясь, добавила: — Как приятно слышать это нормальное русское обращение к женщине!

— А некоторые не понимают и обижаются. Куда едем?

— Московский проспект сто девяносто три. Угол Ленинского, — сказала она, когда оба уселись.

— Напротив «балеринки»? — «Балеринкой» таксисты называли памятник Ленину на Московской площади: бронзовый Ильич работы Аникушина и впрямь будто готовился исполнять какой-то пируэт на пьедестале.

— Да, как раз напротив и во дворе.

— Вы, конечно, не из партийных и не обиделись за вождя?

— Ну что вы!

— А некоторые бабушки-«лимонки» обижаются.

Агния Львовна знала, что «лимонками» в народе зовут старушек, поддерживающих партию Эдуарда Лимонова, но вести дискуссию на политические темы ей сейчас совсем не улыбалось; да ей и жаль было стареньких коммунисток, сослепу да от обидной жизни вступивших в партию «лимоновцев», поэтому она сделала вид, что перебирает лекарства в сумке, и ничего не ответила. Таксист, убедившись, что пассажирка явно не склонна к разговорам, тоже умолк и включил радио. Агнии Львовне повезло: исполняли музыку к кинофильму «Титаник», и это была вполне терпимая музыка, она не мешала думать. Тем более что ее очень любила Лика: когда-то Лика Казимировна спасла из лужи тонущего слепого щенка, приютила его и назвала, по совету подружки Варезки, Титаником; теперь у нее жил уже третий щенок, но и его по традиции называли Титаником.

Домчались они довольно быстро, большинство машин сейчас шло по другой стороне Московского проспекта, в центр — люди ехали веселиться.

— Во двор, пожалуйста, если не трудно.

— Без проблем! Заедем, тут хороший проезд. Въехали во двор, подкатили к подъезду. Пока Агния Львовна расплачивалась с таксистом, вылезала из машины и вытаскивала свою увесистую сумку, Надежда уже успела спуститься вниз и выскочила из подъезда в одной накинута на халат шубке.

— Ох, слава Богу, вы приехали, мама! — сказала она, целуя Агнию Львовну и забирая у нее сумку.

— Так что случилось-то?

— Ох, не спрашивайте! Такая беда, такая беда! В лифте Надежда поставила сумку на пол, нажала кнопку седьмого этажа и громко заплакала. Агния Львовна обняла ее, похлопала по плечу и сказала:

— Ну, полно, полно... Ты хоть в трех словах объясни мне суть дела.

— Мама, вчера вечером Наташкин друг Юра погиб, под электричку попал!

— Боже мой, какой ужас! Юрик Ахатов?

— Да.

— Насмерть?!

— Насмерть. Мама, вы представляете, какой это для нее удар?

— Конечно, представляю, ведь они с детского сада дружили! С ума сойти можно!

— Вот она и сходит. А я совершенно не представляю, чем ей помочь! Только плачу вместе с нею, а она от этого еще пуще заливается слезами...

— Ох, беда какая! Хорошо, что ты догадалась меня вызвать: ее сейчас ни на минуту нельзя одну оставлять, будем плакать с нею по очереди.

— Вот и я так подумала.

— Как же это случилось?

— Они всем классом ездили за город, в Кавголово, на трамплины. Катались на лыжах. Он отстал: бегал покупать в ларьке кока-колу, а тем временем подошел поезд. И вот когда он бежал по платформе, тут

электричка тронулась, и он с обледенелой платформы сорвался прямо под последний вагон!

Тут лифт остановился. Агния Львовна решительно нажала кнопку первого этажа, и они снова поехали вниз.

— Упокой... — начала было Агния Львовна, снова подымая руку ко лбу, но Надежда остановила ее.

— Мама, нам за него нельзя молиться.

— Это почему?

— Он в ислам перешел.

— Что за вздор! Хотя да, его отец ведь татарин.

— Ну да. Вся их семья теперь правоверные мусульмане. Вот ему и дали имя Юсуф. Я сначала даже понять не могла, о ком Наташка рыдает и бормочет: «Юсуф, Юсуф...» Потом уж она мне сказала, что Юрик теперь Юсуф, а не Юрий. Это для нее еще один удар, ведь за него даже нельзя молиться, нельзя и панихиду заказать.

— Панихиду — нельзя, но келейно молиться можно и нужно.

— Надо Наташке сказать, для нее это будет утешение. А хоронить его будут по мусульманскому обряду. Ребята уже сказали ей по телефону.

— Ох, беда, беда! Надюша, а он что... прямо на глазах у ребят погиб?

— Нет, нет! Это пассажиры последних вагонов рассказывали потом, они все видели: как он поскользнулся, руками только успел взмахнуть, бутылки с колой выронил и исчез. А наши ребята все сели в один из первых вагонов. Электричка вдруг дернулась и остановилась. Кто-то в последнем вагоне рванул стоп-кран. Поезд долго стоял, пока приехала скорая, милиция. По радио объявили, что произошел несчастный случай, и просили пассажиров сохранять спокойствие. Потом, спустя минут двадцать, по радио объявили, что тех, кто знает Юрия Ахатова, просят выйти из вагона и подойти к милиционерам: это у Юрика в кармане куртки нашли его паспорт, ему ведь уже четырнадцать было...

— Уже четырнадцать БЫЛО. А пятнадцать не будет... — проговорила шепотом Агния Львовна и тоже, наконец, заплакала.

Лифт остановился на первом этаже. В подъезде никого не было, и Агния Львовна попросила:

— Не нажимай пока кнопку, давай тут постоим, и ты мне до конца все расскажешь. Тебе не холодно?

— Да что вы, мама, какой холод! Мне не до холода... — Под накинутой шубкой Надежда дрожала всем телом. — Ну вот, ребят всех допросили, сняли показания и отпустили. Но тело Юрика Наташка не видела: ребята молодцы, они ее не пустили, хотя она рвалась: на опознание пошли только двое старших, мальчик и девочка, у которых уже были паспорта.

— И как же она до дома добралась после всего этого?

— Подружки ее проводили до самых дверей и сдали мне с рук на руки.

— Это они тебе все рассказали?

— Нет. Они даже из лифта не выходили, кнопку держали: увидели, что я открыла дверь, поздоровались-попрощались и тут же уехали. Я только успела заметить, что лица у них тоже несчастные и заплаканные. Да мне не до расспросов было — я подхватила Наташку и в дом повела.

— Понимаю...

— Вчера она так рыдала, так рыдала, мама, что я дала ей снотворное и легла с нею спать. Всю ночь она, не просыпаясь, то и дело принималась стонать и всхлипывать. Сегодня я ее в школу не пустила и сама не пошла на работу.

— Она хоть ела что-нибудь?

— Ни крошки! Ни вчера, ни сегодня... Только воду пила. Ну что, поднимемся в квартиру, мама? Нельзя Наташку надолго одну оставлять.

— Да, поедем.

Они поднялись на лифте, и Надежда ключом открыла дверь. В квартире пахло валерианкой и звучал тенор.

— Паваротти? — удивилась Агния Львовна и вопросительно поглядела на невестку.

— «Памяти Карузо», — шепнула та. — Наташка без конца слушает.

Агния Львовна подумала, что Паваротти — это не так плохо, хоть это и не самая веселая его вещь.

— Ты поди-ка, Надюша, приготовь нам с Наташкой что-нибудь поесть.

- Так она же не ест ничего, мама!
- Ш-ш-ш... А ты все равно приготовь на всякий случай.
- Поняла, мама! Пиццу с молоком будете?
- Ох уж эта ваша пицца...
- Так Наташка же ее любит... Вдруг она захочет поесть?
- Ну ладно, приготовь пиццу.

Надежда пошла на кухню, а Агния Львовна аккуратно и неспешно разделась и переобулась в свои зеленые туфли. Потом она позвонила к себе домой и отпустила Лику и Титаника с поста, предупредив, что останется ночевать у детей и вообще неизвестно сколько у них пробудет. После этого она перекрестилась, сказав: «Благослови, Господи!» — и пошла в комнату внучки. Постояла недолго возле дверей, послушала доносящийся из-за них рыдающий голос Лучано Паваротти, дождалась конца песни, постучала и, перекрестившись, сразу же вошла.

Наталья сидела за письменным столом, заваленным какими-то пестрыми безделушками, а перед нею стояла фотография Юрика Ахатова в рамке; на рамку был намотан черный Наташкин шелковый шарфик и завязан на углу большим грустным бантом; рядом, в маленькой фарфоровой, синей с золотом, вазочке стояли три высохшие почти до черноты темно-красные розы. Паваротти снова запел «Памяти Карузо».

— Наташенька!

Внучка обернулась. Лицо у нее было распухшее от слез и совершенно мокрое, даже пряди волос свисали вдоль щек мокрыми сосульками.

«Плачет — это хорошо!» — подумала Агния Львовна.

— Булочка! — жалобно воскликнула Наталья и протянула к Агнии Львовне руки. Бабушка быстро подошла к ней, обняла и прижала ее голову прямо к сердцу. Внучка заплакала горько и громко, и в этом положении обе они оставались до тех пор, пока всхлипывания Наташи не стали реже и не перешли, наконец, в глубокие и редкие вздохи. Тогда только Агния Львовна отстранила внучку, чтобы посмотреть на ее красное лицо, на котором всегда сияющие серые глаза превратились теперь в две узкие щелочки между слипшимися ресницами.

— Бедная моя детка! Мама мне все рассказала...

— Булочка, что мне делать? Так больно, так больно вот тут! — Наталья прижала к середине груди обе руки.

— Прежде всего сейчас мы с тобой пойдем умоемся — я с дороги, а ты с горя. Паваротти пусть пока отдохнет немного, ладно? Потом я что-нибудь перекушу: дома я поесть не успела, а мне пора лекарство принять. Я буду ужинать, а ты посидишь рядом и все мне расскажешь по порядку.

Наташа неуклюже поднялась со своего вертящегося стула, цепляясь за бабушку, и та, поддерживая внучку за талию, повела ее в ванную комнату. Там она своими руками долго умывала ей лицо холодной водой, а потом осторожно промокала полотенцем воспаленную розовую кожу.

— Ну вот, а теперь — на кухню! Пошли поглядим, что там твоя мама приготовила.

— Булочка, я есть совсем не могу!

— Детка, да о чем речь? Разве же я изверг какой — затыкать человеку в горе рот куском пиццы?

— Почему именно пиццы? — удивилась Наталья.

— Да у мамы ничего готового под рукой не оказалось. Я ее спросила, покормит ли она меня, а она говорит, ничего нет, кроме пиццы: отец вчера купил для Наташки, а она не ест. Все понятно: ты есть не можешь, мама расстроилась и не может готовить — так уж придется мне давиться пиццей!

— Ты не любишь пиццу, Булочка?

— Я больше пироги люблю.

— Кто ж их не любит...

Они подошли к кухонному столу; на нем уже стояла пышущая жаром толстая «американская» пицца с ветчиной и сыром, две тарелки и две кружки.

— Мама, я есть не буду! — возмущенно воскликнула Наталья, отодвигая свой прибор.

— Не приставай к ней с едой, Надюша! Что это ты в самом деле? Молочка вот можешь налить, может, наша бедная девочка и сделает глоток-другой. Слезы так обезвоживают организм! Но только, пожалуйста, не заставляй человека есть насильно!

— Да не буду, не буду! — сказала Надежда и вообще ушла из кухни, чтобы не расстраиваться еще больше, глядя на голодающую над

пиццей Наташку.

— Булочка! Как же ты все понимаешь!

— Ну, еще бы мне за свою жизнь не понять, что такое настоящее большое горе! Очи всех на тя, Господи, уповают...

Агния Львовна дочитала молитву, и они уселись за стол. Пицца была предусмотрительно разрезана на четыре части, Агния Львовна одну из них подцепила лежавшей рядом лопаточкой и переложила на свою тарелку.

— Господи, как же я проголодалась! — сказала она, шумно вдыхая запах пиццы. Взяла нож, вилку, отрезала самый уголок и положила его в рот. — М-м-м! До чего же вкусно! Даже пицца мне нравится, так я проголодалась!

— А мне и смотреть на нее как-то... неприятно, — задумчиво сказала Наталья.

— Ну еще бы! — понимающе кивнула Агния Львовна, отхлебывая из кружки молоко. — Неужели ты думаешь, я не знаю, как это бывает в горе, когда и мысли-то о еде в голову не приходят? Я вдова, не забывай: я любимого мужа потеряла, с которым сорок с лишним лет вместе прожила.

— Дедулю, — кивнула Наталья.

— Да. Жизнь у меня длинная, много родных и друзей пришлось похоронить... А давным-давно, еще в школьные мои годы, у меня друг умер от скарлатины, мы с ним с первого класса дружили. Я тогда совсем девчонка была, даже младше тебя. Ох, какое же горе было, я тогда целыми днями плакала! Думала, что это горе на всю жизнь...

— Значит, ты меня понимаешь, бабушка?

— Конечно, понимаю, детка! Я даже помню, как мне тоже тогда кусок в горло не лез. Съешь, бывало, кусочек хлебушка или пирожок какой, и все...

— Ты пирожки ела, Булочка? — удивилась Наташа.

— Ну да! Горе горем, а молодой организм своего требовал. Природа — она мудрее нашей психики. Психика говорит: «Глупо есть, когда такое страшное горе!» А желудок ей, психике, совершенно резонно отвечает: «Так ведь голодовку с горя объявлять еще глупее!». Главное, Наташенька, не идти против природы: природа сама подскажет, когда что надо делать — когда поесть, а когда и попоститься.

— Вот так все просто?

— Ну конечно! Нельзя придавать слишком большое значение таким пустякам — ест человек в горе или не ест. Когда горе искреннее и глубокое, это абсолютно неважно!

— Знаешь, Булочка, я бы кусочек пиццы, наверное, съела... Только маленький.

— А кто ж тебе не дает? Ешь на здоровье. Только запей молоком, а то после долгого воздержания на сухую никакая самая мягкая пицца не полезет. В школу сегодня не ходила?

Наталья что-то промычала и отрицательно помотала головой — рот ее был занят.

— Ну и правильно. В горе надо быть с близкими людьми, а не на публике!

— Не на публике... — Наташка отставила пустую кружку и задумалась. — Хорошо, что вы все со мной. И хорошо, что Катюхи нет — ей вредно волноваться.

— Да, Катеньке мы потом все расскажем.

— Бабушка, а ты сегодня у нас ночевать останешься?

— Останусь.

— Это хорошо! Ты со мной ляжешь?

— Если пообещаешь, что не будешь подсовывать под меня свои холодные ноги.

— Я постараюсь, Булочка! — улыбнулась Наталья. — Ты поговоришь со мной, пока я не усну?

— Конечно, поговорю. Я ведь для того и здесь.

— Ой, Булочка, как же ты хорошо сделала, что приехала! Пойдем теперь ко мне в комнату?

— Пойдем, детка.

— А ты чего свою пиццу не доела?

— Да что-то аппетит пропал. А ты ее прихвати с собой, мы потом доедим. А я молоко возьму, мне лекарство свое надо принять и запить.

Они встали из-за стола, Агния Львовна прочла благодарственную молитву, мысленно добавив благодарность за то, что удалось покормить внучку.

В своей комнате Наталья сразу же снова села перед портретом Юсуфа, а бабушка взяла стул, поставила его рядом и тоже уселась лицом к траурному портрету.

— Я тебя не стану расспрашивать, Наташенька, как все это случилось. Мне мама уже все рассказала. А ты мне лучше другое расскажи...

— Что рассказать, бабушка? — дернулась Наталья. — Разве я сейчас могу о чем-нибудь другом думать?

— А надо бы и о другом вспомнить, детонька. Юрик короткую жизнь прожил, и это тяжело сознавать, особенно такой старухе, как я. Он прожил хоть и короткую, но всю свою жизнь, и ты почти всегда была рядом с ним. И, знаешь, ему обидно будет, если ты только о его последнем дне станешь вспоминать и думать. Ведь было же и другое?

— Да, верно... Ты права, Булочка, у нас с ним было так много хорошего! — И слезы опять полились из глаз Натальи. — Но я все-все помню! И мне так жаль минувшего!

Агния Львовна достала из кармана платок и вложила его в ее руку.

— Вытри слезы. Да нет, я думаю, многое, конечно, уже забылось... Вы же столько лет дружили!

— Ну что ты, Булочка! Я все-все помню!

— Неужели ты помнишь даже, как вы познакомились? — не поверила Агния Львовна. — Вам тогда лет по пять было. Да нет, навряд ли ты помнишь свой первый день в детском садике!

— А вот и помню, Булочка, вот и помню! Вот как раз первый день я очень даже хорошо помню! — сквозь слезы улыбнулась Наталья.

— А тогда расскажи!

— Я очень хотела поскорей пойти в детский сад, потому что Катя много про него рассказывала. Но я волновалась и трусила ужасно! Мама немного посидела со мной, чтобы я не сразу одна осталась, а потом Ольга Петровна, наша воспитательница, повела меня знакомиться с ребятами. Вся группа как раз в садике гуляла. Ольга Петровна сказала всем, что я новенькая, и дети меня окружили, стояли и смотрели на меня разинув рты. А я стояла посередке и страшно стеснялась. Тут Юрка подошел ко мне и хотел подарить майского жука. Живого! Он мне его протянул, а жук вдруг затрещал и начал крылья подымать: я испугалась и заревела. Жук тоже испугался и улетел, а Юрка заревел, потому что ему жука стало жалко. Так мы стояли и ревели друг на дружку! — Наташка тихонько, как-то неуверенно засмеялась. — Смешные мы были маленькие...

— И после этого вы подружились и стали не разлей вода!

— Точно!

— И он тебе не только жука потом дарил. Вот этого Зеленого Ежика я тоже хорошо помню! — Агния Львовна взяла из лежавшей на столе пестрой груды маленького зеленого резинового ежика: старенький ежик уже полинял и пошел пятнами от времени, пищалка у него в животе давно поломалась, выпала и затерялась. — Это был, кажется, подарок Юрика на твой день рождения?

— Нет, на Новый год. Этот ежичек у меня долго-долго жил под подушкой! Я без него уснуть не могла. Помнишь, Булочка?

— Еще бы мне не помнить! Однажды мы поехали на дачу в Оринку, а ты своего ежика дома забыла. Сколько рева было! Пришлось папе пообещать, что он пришлет его тебе по почте.

— Ой, а я этого не помню! Как же ты запомнила, бабушка?

— Ну, так ведь это мне пришлось каждый день на почту ходить за посылкой, вот я и запомнила. И этот ежик у тебя под подушкой так и жил до самой школы.

— Дольше, Булочка, гораздо дольше! Я его днем в стол прятала, чтобы Катька не дразнилась, а перед сном доставала и потихоньку под подушку перепрятывала!

— Тогда у Ахатовых еще не было своей дачи, и Юрика иногда привозили к нам в Оринку и оставляли на недельку.

— Да, это были такие счастливые дни! Мы с ним построили дом на нашей березе и в нем играли. Помнишь, бабушка?

— Помню, Наташенька, помню!

— И как это мы ни разу оттуда не свалились?

— Так его же твой папа потихоньку от вас укрепил, а вы и не заметили!

— Хитрый какой!

— Не хитрый, а заботливый.

— Точно! Этот дом у нас попеременно был то корабль, то заколдованный замок на горе, то жилище эльфов.

— Ну, это уже позже было, когда вы в школе учились и начали читать фэнтези про хоббитов и про эльфов.

— Да, верно. А в школе мы с первого класса на одной парте сидели. Пока Ахатовы не переехали в другой район и Юрка не пошел в другую школу...

— Вы, наверное, в школе с ним никогда не ссорились?

— Ой, да ну что ты, бабушка! Еще как ссорились, даже дрались! Это уже потом, когда мы подросли, он начал меня от всех защищать. А я ужасно злилась и говорила ему, что мне защитники не нужны, сама справлюсь!

— А ты и справлялась! Мамы твоих одноклассников-мальчишек частенько, помнится, на тебя жаловались. Было такое?

— Было... Но все равно мне было приятно, что у меня есть свой персональный защитник. Это уже когда мы постарше стали, класса с третьего. А еще Юрик портфель мой носил от школы и до самого дома. Каждый день, туда и обратно. Он за меня и контрольные по математике писал...

Надежда несколько раз заглядывала в комнату и спрашивала, не надо ли им чего-нибудь, не хотят ли они перекусить? Но они не хотели, хотя пиццу доели и молоко допили. Они сидели рядышком, перебирали оставшиеся от Юрика подарки и вспоминали, вспоминали...

Пришел Артем, зашел к ним, поцеловал мать и дочь, и на цыпочках удалился.

А они все разговаривали... Музыка выключили, чтобы она не мешала вспоминать.

— А что это за черные розы у тебя тут стоят? — спросила Агния Львовна.

— Это, бабушка, розы из его последнего букета на мой день рождения. Я их буду хранить всю оставшуюся жизнь!

На это Агния Львовна ничего не сказала.

Перед ужином они еще раз зашли в ванную, Наташа смыла следы слез и вышла к столу. Они поужинали все вместе, а потом бабушка с внучкой снова вернулись в комнату Натальи, помолились и легли спать. Они еще немного пошептались в постели, но измученная Наташка очень скоро крепко уснула. Тогда Агния Львовна тихонько поднялась и вышла к детям на кухню.

— Ох, мама, ну что бы мы без вас делали? — сказала Надежда, обнимая ее. — По-моему, она уже почти в норме.

— Сегодня, во всяком случае. Но завтра все может начаться сначала.

— Но ты же ведь уедешь от нас до похорон? — С тревогой спросил Артем.

— Придется остаться. Ну да я ведь все необходимое с собой прихватила. А когда похороны?

— Наталья сказала, послезавтра.

— Странно... Если его хоронят по мусульманскому обычаю, то уже должны были предать тело земле: в исламе, насколько я знаю, полагается совершать это в тот же день, и притом до заката...

— Может быть, каких-нибудь родственников ждут издалека? Или проблемы возникли из-за опоздания?..

— Может быть. Вы ведь тоже пойдете?

— А как же! Это же суббота, выходной, вот все вместе и поедем на машине. Венок надо будет заказать с надписью...

— Венка никакого не надо и надписи тоже. Я завтра схожу на рынок и куплю розы. Наталья должна положить на могилу друга просто букет роз, а не венок.

— Вы, мама, как всегда, правы! — сказала Надежда.

* * *

В тихих беседах бабушки с внучкой проходило время. А еще они вместе пекли пироги: это семейное занятие действовало на Наталью как-то успокаивающе. Ну и от пирожков она не отказывалась.

Прервав отпуск, прилетела старшая сестра Катя — Артем нечаянно проговорился, что у младшей сестры такое горе, вот она и настояла на немедленном возвращении, хотя Марк был против. Теперь она тоже, по очереди с бабушкой, в обнимку сидела с Наташей перед портретом бедного Юсуфа и утешала ее как могла.

Потом были похороны. Агния Львовна сама с утра съездила на станцию метро «Звездная» — на Южный рынок, и там купила четырнадцать темно-красных, почти черных роз.

— Спасибо, бабушка, — сказала Наталья, сквозь слезы глядя на розы. — Ты знаешь, они почти такие же... — И она посмотрела на сухие розы, стоявшие в вазочке возле портрета Юрика-Юсуфа. Слезы градом покатались из ее глаз. — Бу-лочка-а-а!

Наташка уткнулась в бабушку, рыдая и коля шипами сквозь целлофан себя и ее. Агния Львовна терпела сколько могла, а потом осторожно высвободилась из объятий внучки.

— Знаешь что, Наташенька? А я бы на твоём месте вот эти сухие розы спрятала в середину твоего букета и положила их Юрику на могилку.

— А ты думаешь, ему это будет приятно? Я их хотела оставить на память...

— Лучше оставь их на его могилке. Это будет прощальный знак любви.

— Булочка! Как ты все правильно понимаешь! Вот почему ты такая мудрая?

— Живу долго, Наташенька, вот почему.

На кладбище никто из старших с Натальей не поехал. Это одноклассники Юрика так решили — не приводить с собой на похороны родителей. За Наташей зашли подружки и увели ее, пообещав, что вечером, когда все кончится, они же и проводят ее домой.

Вечером Наталья вернулась продрогшая, с мокрыми ногами и, естественно, с красными глазами. Мать напоила ее горячим чаем с мелиссой и медом, бабушка отвела в постель и улеглась вместе с нею. В чай Наталье добавили остатки бабушкиного корвалола, и в эту ночь она уснула сразу же и без всяких разговоров. На другой день она встала рано утром, собрала сумку и пошла в школу.

— Теперь ей будет с каждым днем становиться легче! — обнадежила заехавшая проведать сестру Катя.

— Ты права, Катюшенька. Самое страшное позади, — сказала Агния Львовна. — Ты себя-то побереги — вон у тебя уже загар начал сходить!

— Да его и не было, бабушка! Мне Марковкин не разрешал загорать на пляже. Он где-то вычитал, что беременным нельзя загорать.

— Прав твой Марковкин. Да, такова наша жизнь — одни уходят, другие приходят... И, кажется, я могу теперь уже ехать домой.

— Конечно, бабушка, езжай! Тебе теперь тоже отоспаться надо.

— Я так вам благодарна, мамочка! — сказала Надежда, провожая свекровь. — Вы такая мудрая!

— Спасибо на добром слове, но я это уже слышала от Наташки! Ну, полно, полно... Если что — звоните, девочки!

— Наша бабушка всегда на посту! — серьезно сказала Катя.

— На посту, — кивнула в ответ Агния Львовна.

* * *

История эта имела неожиданный конец, и мы, забегаая вперед, поведаем о нем. Летом у Катерины с Марком родился сын, названный Максимом, Наташка стала крестной своего племянника и ужасно этим гордилась. Агния Львовна тоже радовалась правнуку, но нянчить его ей не приходилось — хватало нянек и без нее. Осенью она и ее подруги Лика Казимировна и Варвара Симеоновна вернулись из Оринки, их дачный сезон закончился. Уже расставлены были по местам накопленные за лето соленья и варенья, уже и тополь за окном облетел... И тут однажды позвонила Катерина. Голос у нее был не то чтобы взволнованный, но какой-то такой, будто она с трудом сдерживала гнев.

— Бабушка! Ты можешь прямо сейчас поехать со мной к родителям? Я за тобой заеду.

— Могу, если очень надо. А что случилось, Катюшенька?

— Очень надо. Подробности потом расскажу.

— С Натальей что-нибудь?

— Ас кем же еще?!

— Она здорова?

— Пока здорова!

— Что значит «пока»?

— А вот узнаешь! И она у меня узнает! Одевайся, бабушка, я минут через пятнадцать буду у подъезда.

— Мне с ночевкой собираться?

— Нет-нет, я потом отвезу тебя обратно домой. Собирайся налегке.

Взволнованная Агния Львовна наскоро собралась, взяв с собой только домашние тапочки и корвалол, и спустилась вниз поджидать Катюшу во дворе.

Во двор аккуратно въехал роскошный автомобиль, и, несмотря на волнение, Агния Львовна с удовольствием созерцала очень красивую, ухоженную и хорошо одетую молодую леди за рулем дорогой заграничной машины. Агнии Львовне очень нравилось, что Катя с

мужем Марком добились в жизни больших успехов. Конечно, тут еще и случай сыграл свою роль: ну кто бы мог подумать лет десять назад, когда Катя заканчивала свой финансово-экономический институт, что ее бухгалтерская профессия окажется востребованной, дефицитной и очень хорошо оплачиваемой? Даже Марк, скромный архитектор, каких в Петербурге было пруд пруди, никогда бы не смог поднять собственное дело, если бы не толковое и умное финансовое руководство Катерины и ее связи: это она сумела организовать ему для начала крупный кредит на самых выгодных условиях, фирма Марка строила дачи по его собственным проектам. Гордилась Агния Львовна внучкой, что уж тут скрывать, гордилась...

Катя распахнула дверцу, и Агния Львовна уселась на пассажирское сиденье, большое и удобное, как кресло в гостиной.

— Ты без Максимки! — сказала она разочарованно, взглянув на заднее сиденье.

— Ему нельзя волноваться, я его дома с папкой оставила.

— Ну, правильно сделала. Рассказывай, что там опять стряслось с Наташкой?

— Нет, бабулечка! Я уж потерплю и расскажу все, когда мы все вместе соберемся и Наташка явится домой: я все расскажу, но только глядя ей, паршивке, в глаза!

Агния Львовна не стала спорить, но и гадать тоже не стала. Наталья существо неожиданное, и наверняка умница Катя знает что делает, успокоила она себя.

Они приехали на Московский и поднялись в квартиру Артема и Надежды.

— Наталья дома? — с порога спросила Катерина, пропуская вперед бабушку.

— Еще нет, но сейчас должна подойти: у нее сегодня театральный кружок.

— Вот будет ей сегодня театр! Уж я ей устрою бенефис! — проворчала Катерина, снимая сапожки на высоченных каблуках и доставая из ящика под вешалкой свои тапочки. — Прима погорелого театра!

— Да что случилось-то?

— Потом, мама, потом! Наберись терпения. Потттли на кухню пить чай. Как ни пытались Надя и Агния Львовна разговорить Катю и

хоть что-нибудь проведать заранее — она была непреклонна: «Только при Наталье!» Пришел с работы Артем, но и ему Катя сказала только, что будет серьезный разговор с Наташкой, а дальше молчала как партизан на допросе.

И вот, наконец, появилась Наталья. Услышав ее возню в прихожей, Наденька жалобно попросила:

— Катюша, ты хоть поужинать-то ей дашь?

— Ни в коем случае! Я *из-за* нее столько паэлий на ужин не съела — перебьется и она на этот раз!

— При чем тут паэлья? — удивилась Надежда — Это же твое любимое блюдо, а не Наташкино — она пиццу любит.

А вот Агния Львовна тихо ахнула, мгновенно связав паэлью с Испанией, с прерванным отдыхом Кати и Марка.

В кухню вошла Наталья, сияющая, свежая, с осеннего ветра, с искринками мелкого дождя в пышных русых волосах.

— Всем привет! Вся семья в сборе, вот здорово! Только Марка и Максимки не хватает.

— Будет тебе и Марк, — пообещала Катерина. — А ну-ка проходи и садись, актриса ты наша доморощенная!

— Катя, ну дай же ты сначала поесть ребенку! — возмущенно сказала Надежда, доставая из духовки пиццу. — Садись, Наташенька, перекрестись и ешь, ты же устала и замерзла, наверное.

— Мама, я же просила! — грозно сказала Катерина и выхватила тарелку с пиццей из-под носа у Натальи.

— Ну, я ведь только...

— Не надо ее отвлекать. Ну-ка, Наташечка, расскажи нам, что случилось с твоим другом детства Юриком Ахатовым, которого ты в последнее время почему-то звала Юсуфом?

Наталья побледнела.

— Ну вы же знаете... Он принял ислам и потому стал Юсуфом. А потом... Потом... — тут голос Натальи задрожал, а глаза налились слезами. — А потом он погиб... Ты же все знаешь, Катя!

— Вот именно, что все!

— Катюша, зачем такая жестокость? — начала было Надежда, но Катя ее перебила:

— Мама, помолчи, пожалуйста, минутку, не мешай! — И она снова гневно уставилась на сестру. — Наталья! Так Юрик Ахатов

погиб, под электричку попал?

— Ну да, ты же знаешь, Катя! Как это бессердечно с твоей стороны — напоминать об этом... А еще единственная сестра! — Наталья встала из-за стола и хотела уйти.

Но Катерина вскочила с места и перехватила ее за руку.

— Сядь! Сейчас же сядь на место! — Испуганная Наташка села на место и притихла, а Катя встала над нею, держа руки на ее плечах и крепко прижимая ее к стулу. — Слушайте все! Так вот, сегодня в обеденный перерыв я вышла на Невский. Иду это я от Дома книги к Малой Конюшенной, хотела в христианский магазин «Слово» зайти, а навстречу мне идет живой и невредимый Юрик Ахатов!

— Как это? — спросил Артем. — Это как понять — «живой»?

— Ой! Не может быть! — испуганно воскликнула Надежда. — Привиделось тебе?!

— Я могу тебя свозить на его могилку, — печально сказала Наташа и поглядела на сестру большими, налитыми слезами и болью глазами.

— Какая могилка, когда я его живого видела?!

— Ой, Катя! Да ведь ты просто обозналась! Это какой-то другой мальчик тебе навстречу попался, просто очень похожий на бедного Юрика! — воскликнула Наташа и заулыбалась.

— Опять театр: «Увы, бедный Йорик!» То есть Юрик. Своди, своди меня на его безвременную могилку, сестрица! Хочешь, прямо сейчас и поедем? Одевайся!

— Ну тебя, Катька! Никуда я не поеду, да еще вечером. Мало ли кто кому привидится... Мам, ну дай же мою пиццу, а? Есть так хочется!

— Мама, убери ты эту пиццу по-хорошему, прошу тебя! А то я ее сейчас по стенке размажу! — закричала Катерина.

— Родную сестру — по стенке? — ахнула Надежда.

— Да не сестру, а пиццу! Наталья, если ты сейчас же во всем не признаешься, я сама отволоку тебя на могилку бедного Юсуфа, прямо в Александровский сад!

— А при чем тут Александровский сад? — удивился Артем.

— Сейчас поймете! «Видения» говоришь, Наташечка? Так вот, я сразу же остановила Юрика, и мы с этим «виденьем-привиденьем» пошли в кафе и там почти час разговаривали, я чуть с обеда на работу

не опоздала. Ну, ты же у нас и стерва, Наталья! Понимаете, они поссорились с Юриком, и эта негодяйка решила его похоронить! Она устроила целый спектакль и всем нам расписала и дала в нем роли! И мы, как идиоты, играли эти роли, каждый свою: бабушка примчалась и спала у нее в ногах...

— Ну, уж и в ногах! — пробурчала Наталья.

— Молчи! Как ты могла так с нами поступить, Наталья? Меня из Испании выдернула...

— А я тебя не звала!

— И звать не надо было! Я, дура, сама примчалась утешать и поддерживать единственную сестру. Бабушку не пожалела, мать с отцом на уши поставила! Режиссерша сопливая!

— С ума сойти! — воскликнула Надежда, хватаясь за щеки. — Так это был спектакль?!

— Ну да! Наконец-то до вас дошло, — сказала Катя, села на стул и пододвинула к себе Наташкину пиццу. — Все мы ей подыгрывали в ее дурацком спектакле. А больше всех, конечно, Юрке досталось, ему вся школа проходу не давала: «Спи спокойно, бедный Юсуф!»

— Стойте, девочки! Так, выходит, и сам Юрик про это знал? — спросил Артем.

— Еще как знал! Ее подружки, такие же стервочки, объявили всему классу о гибели Юрика-Юсуфа и устроили ему показательные похороны. С цветами, венками и речами.

— Как? — обалдело спросила Надежда.

— Просто. Символические похороны у памятника Пржевальскому в Александровском саду. А перед тем они еще отпечатали на принтере траурные извещения и развесили по всей школе. В извещении было объявлено, что Юрий Ахатов сменил имя на Юсуфа и под этим именем его и хоронят. В назначенный час у памятника собрались безутешная подруга Юсуфа — вот она! — а с нею такие же безобразницы ее подружки, все до одной с букетиками, и целая толпа одноклассников и просто любопытных из их школы. Читали какие-то скорбные надгробные речи, причем некоторые даже в стихах. Наталья в черном стояла с черными розами наперевес и рыдала, а подруги ее утешали. Юрик речей не слышал, он издали, из-за деревьев подглядывал. Потом, когда все разошлись, он подошел и увидел: под мордой верблюда Пржевальского кучей лежат цветы, а сверху черные розы,

перевязанные лентой, а на ленте надпись: «Спи с миром, бедный Юсуф». И это еще не все! С тех пор регулярно эта надпись на памятнике Пржевальскому повторяется — кто-то пишет ее мелом у ног верблюда. Интересно, кто бы это мог быть?

— Ну, не одна я... — начала было Наталья, но Катерина на нее только глянула, и та примолкла.

— И вот теперь, если вы спросите у ребяташек, играющих в Александровском саду: «Как зовут верблюда Пржевальского?» — они вам ответят четко и определенно: «Юсуф!» Вот такая вот история! — Закончив рассказ, Катерина принялась за пиццу.

В кухне повисла тишина. Нарушила ее Надежда.

— Наташа! Да как же ты могла такое сотворить, девочка? — спросила она сокрушенно. — С Юриком и со всеми нами?

Наталья встала с места и пошла к дверям. У самых дверей кухни она обернулась и сказала проникновенно, горько и значительно:

— Вам этого не понять!

— А ну вернись! — крикнул отец и рванулся за нею, но Натальи уже и след простыл, только по коридору прозвучал топоток.

— Сядь, сынок! — сказала Агния Львовна, и Артем послушно сел: собственно, он и не знал, зачем он хотел бежать за Натальей.

— Весь дом на уши поставила, всех подруг и друзей подключила! Такое шоу устроила, негодяйка! — доев пиццу, снова закипела Катерина.

— Да... Талант несомненный! — сказала Агния Львовна. — Катюша, ты что, бросила кормить Максимку грудью?

— Нет. С чего ты взяла, бабулечка? — удивилась Катя.

— В таком случае перестань волноваться, а то молоко сквасишь.

— Ох, бабушка! Вечно ты Наташку защищаешь!

— Я разве защищаю? Я ни слова в ее защиту еще не сказала. Я только отметила ее несомненную театральную одаренность, ее талант.

— Мама, ну при чем тут ее таланты? — возразила Надежда. — Такое издевательство она над бедным мальчиком устроила! Заживо похоронила! Это же грех какой!

— Не преувеличивай, Надюша, греха тут особого нет: хоронили-то они все-таки несуществующего Юсуфа, а не Юрика.

— Ну а какая разница? Он же ислам принял и стал Юсуфом! — сказал Марк.

— Да не принимал он никакого ислама! — засмеялась Агния Львовна. — Неужели вы не поняли, с какого боку тут ислам?

— Нет. Ас какого он боку? — удивился Артем.

— Она для того и перевела Юрика в ислам, чтобы мы за него не вздумали панихиды заказывать и записки за упокой подавать.

— Ой, а ведь это похоже на правду! Жаль, я не догадалась его спросить, почему он вдруг Юсуфом стал! — воскликнула Катя. — Вот был бы ужас, если бы мы за него панихиды и сорокоусты заказывали! Ну это надо же, какая паршивка — все предусмотрела!

— Предусмотрела... Но тут еще надо разобраться, может быть, есть и другая причина в этом Наташкином переводе Юрика в ислам.

— Какая?

— А та, с которой вообще началась вся эта история. Мы еще не выяснили вину самого Юрика.

— Юрика? При чем тут Юрик? Чем же Юра-то виноват?! — возмутилась Надежда. — Столько лет дружили, и на тебе! Похоронила!

— Под верблюдом! — уточнила Катя. — И черные розы сверху положила!

— А давайте, мои дорогие, оставим пока Наталью в покое и выясним, что же все-таки произошло между нею и Юрием Ахатовым?

— Она ни за что не скажет, — вздохнула Надежда. — Хотела бы — давно бы сказала хотя бы бабушке. А тебе, Катюша, Юрик не сказал, из-за чего они поссорились и почему Наташа так на него рассердилась?

— Ну... Он в основном на нее жаловался, — сказала Катя и задумалась. — А, в самом деле, что ж он про себя-то ничего не сказал? Чем-то же он ее обидел, надо думать?

— Одно из двух: либо он ни в чем своей вины не видит, либо вина эта так велика, что ему и сказать о ней стыдно, — сказала Агния Львовна.

— Вон оно что! — протянул Артем. — Ну, если он всерьез Наташку обидел, я ему голову отвинчу!

— И похоронишь под верблюдом Пржевальского! — сказала Катя, поднимаясь. — Ладно, вы тут сидите, пейте чай, а я поехала к Юрику! Я у него на всякий случай адрес и телефон догадалась взять. Надо эту историю до конца распутать, и я ее распутаю! Ох, бедные мои ноги...

— Ты же на машине, — резонно заметила Агния Львовна. — Поезжай в тапочках!

— Ты что, бабулечка? А вдруг меня гаишники остановят — как я выйду к ним в тапочках? Это как же я буду выглядеть? Да меня первый же гаишник по полной оштрафует, если я предстану перед ним в таком виде!

— Может, лучше поехать мне и поговорить с ним как мужчина с женщиной? — предложил Артем.

— Нет, папа. У нас с ним вроде бы получился разговор по душам, ну так мне его и заканчивать. Вы Наташку без меня пока не трогайте, ладно?

— Да не тронем, не тронем. Ей уж сегодня досталось! — успокоила ее Надежда.

* * *

Катя вернулась через полтора часа, веселая и довольная.

— Ну что? — спросила Надя, впуская ее в прихожую. В дверях кухни стояли Агния Львовна и Артем.

— Погодите, дайте разуться. Зовите нашу актрису, я ей покаянное письмо от Юрика привезла!

— Вот так, значит? — спросил Артем.

— Вот так, папа! И мало еще этому Юсуфу досталось от нашей Наташки. Конечно, такое шоу с похоронами под верблюдом никто другой бы не додумался устроить, кроме нашей паршивки, но он был наказан за дело! Молодец сестренка!

— Где письмо? — спросила, подходя к сестре, подслушивавшая под дверью кухни Наталья.

— На, держи! Прочтешь — приходи чай пить! Все обвинения с тебя снимаются!

— А я никогда и не чувствовала себя виноватой! — нахально заявила Наташка, выхватывая из рук сестры письмо и ретируясь с ним в свою комнату.

— Так в чем же там было дело? — спросила Агния Львовна, когда все уселись за кухонный стол.

— Да, давайте-ка я вам быстренько расскажу, чтобы потом Наташку не смущать. Ну, про программу растления школьников под видом сексуального образования вам рассказывать не надо?

— Лучше не надо! — сказала Надежда, содрогнувшись.

— Короче, им внушают, что ранний секс — дело, так сказать, житейское и нормальное. Вот Юрик и решил, что им с Наташкой тоже пора это дело начинать. А Наташка, молодец, заявила ему, что, во-первых, не чувствует себя готовой начать взрослую жизнь женщины, а, во-вторых, собирается ее начинать только со своим венчанным мужем. Этот дурак разозлился и заявил, что в таком случае он знает девочек, которые не откажутся от таких отношений уже сейчас. Он еще и возревновал, дурачок, к этому будущему Наташкиному мужу и заявил ей: «У тебя еще когда-то будет муж, а я себе сейчас хоть пять жен могу завести! Не забывай, что я наполовину татарин!» Вот это он напрасно сказал. Наташка ему тут же заявила: «Заводи хоть целый гарем! Но помни, что в таком случае ты для меня умер!» И весь этот разговор был у них во время поездки за город. Они поссорились и ехали домой врозь, и по дороге Юрик начал демонстративно ухаживать за другими девочками. Наташка сидела в уголке вагона с подружками и плакала. Он это видел и радовался, дурак такой, что сумел ей досадить. Плохо он, оказывается, знал свою подружку детских лет! Тут как раз в поезде стоп-кран дернули — кто-то чуть не попал под электричку, но все обошлось. Поезд пошел дальше. Юрик думает, что именно в этот момент у Наташки сложился план отмщения, потому что она стала как-то уж очень театрально рыдать, а ее подружки начали безудержно хихикать, все время поглядывая на него. Он уже тогда заподозрил неладное, но чтобы такое! В общем, на другой день, пока эта хитрюга сидела дома и перед вами спектакли разыгрывала, подружки ее разыгрывали шоу в школе. На похороны половина школы сбежалась! Юрику потом месяц проходу не было, из других классов прибежали посмотреть на «верблюда Пржевальского», даже первоклашки приходили! Сначала он злился, а потом понял, что сам во всем виноват, и пытался с Наташкой помириться, заговаривал с нею, но она проходила мимо него, как мимо пустого места.

— И правильно делала! — сказал Артем.

— Так он раскаивается? — спросила Агния Львовна.

— Еще как, бабулечка! Письмо-то у него, оказывается, еще с лета написано, и даже наполовину в стихах. А в прозе он мне сказал, что готов свой поганый язык отрезать и себе в одно место засунуть.

— Хорошая казнь для охальников! — одобрила Агния Львовна.

— Все бы ничего, только вот жаль бабулечку и моего отпуска прерванного! — вздохнула Катерина.

— Ну что, простим негодницу? — спросила Надежда.

— Придется! — сказал Артем. — Не девка, а огонь и ветер в одной юбке.

— Но простим мы ее при одном условии! — сказала Агния Львовна. — Пусть уж и она теперь простит Юрика.

Тут из-за двери выплыла подслушивавшая Наталья.

— Юрку я, так и быть, раз уж все просят, прощу. Тем более что теперь у меня в руках документ о его раскаянии! — заявила она и потрясла толстым письмом. — Но Юсуфа — никогда!

История пятая

Лето начинается в Оринке

Уже с самого начала апреля начали поговаривать о даче. У Варвары Симеоновны и Лики Казимировны своих дач не было, но зато она была у семьи Пчелинцевых, а коли уж дружили семьями, и дружили давно, то и лето подружки с детства и до старости проводили вместе — на этой самой пчелинцевской даче в деревне Оринка.

На самом деле Оринка — это было одно из старинных названий деревни Ириновка Всеволожского района под Петербургом. Когда-то здесь располагалась страна Ингрия, позднее шведами переименованная в Ингерманландию, потом она по Ништадтскому миру отошла к Российской империи. Деревня эта — одно из древнейших поселений Ингрии, ее знали еще варяги: на шведской карте 1580 года она обозначена как Вирингсланд, ее ингерманландское название было Мориаселка, позже обрусевшее в Марисельку, потом она стала называться Оринкой и так называлась до самого Петра Первого, а уже после стала Ириновкой.

Деревня располагалась на так называемой «гриве» — одном из древних уступов, спускавшихся к Ладожскому озеру, а именно, Ириновской Гриве. Когда-то школьницы Варя, Лика и Агуня увлекались краеведением, они и раскопали в книгах старинную шведскую карту, узнали, что деревня Ириновка, оказывается, гораздо старше самого Петербурга! Из всех старинных ее названий им больше всего понравилось Оринка, и девочки так и стали звать свою любимую деревню. В школьном отделе Публичной библиотеки им помогли найти карту XVI века, на которой уже была обозначена деревня, правда под названием Вирингсланд. Более того, им даже сделали копию этой карты, что в те годы было делом строго подконтрольным и непростым, особенно когда это касалось карт! Девочки копию раскрасили акварелью и цветными карандашами, поместили в рамку и повесили на гостевой веранде на даче, причем в затененном углу — чтобы карта не выгорала. Внизу карты была надпись каллиграфическим почерком: «Страна Ингрия и село Оринка (Вирингсланд)». С годами карта не

выгорела, только слегка пожелтела и потемнела и оттого стала выглядеть еще убедительней.

Как же любили все трое дачу в Оринке! Они упрямо отказывались от путевок в пионерские или спортивные лагеря — Оринка и только Оринка! Девчонками они проводили в ней не только летние каникулы, но также зимние, весенние и даже осенние «непогодные каникулы» норовили прихватить. Пока они были детьми, с ними на дачу по очереди ездили родители. Потом девочки выросли, Агния и Варвара вышли замуж, и на дачу они ездили уже с собственными детьми, а еще позже стали брать в Оринку на все лето внушек Агнии Львовны и внуков Варвары Симеоновны. Но вот и внуки выросли, дача перестала их привлекать, а обоих внуков Варвары Симеоновны родители вскоре увезли за границу, в Германию, и лишь три подружки-старушки хранили ей верность.

Выезд подруг на дачу был делом хлопотным и продолжительным. Сначала, в солнечный и теплый субботний день в последних числах апреля, на дачу с ревизией приехали Надежда, Катя и Марк. Надежда принялась хозяйничать в доме, а для Кати поставили на солнышке кресло и велели сидеть, дышать воздухом, загорать и ни во что не вмешиваться: ей оставалось меньше двух месяцев до родов. Марк переоделся в захваченный из дому спортивный костюм и первым делом придирчиво осмотрел дом, сад и «дворовые постройки», то есть туалет, дровяной сарай и колодец, на предмет срочного послезимнего ремонта. Постройки были в порядке, а вот вода в колодце Марку не понравилась, поскольку первым же ведром он зачерпнул огромную дохлую жужелицу. Он решил колодец почистить, а для этого надо было обратиться за помощью к соседям. Подъезжая к даче, он заметил, что перед домом напротив стоит голубая «Волга» — значит, Борис Николаевич тоже решил начать дачный сезон. Марк подошел к высоким, сваренным из железных прутьев воротам и позвал:

— Борис Николаевич! Вы дома?

Из-под машины показалась коротко стриженная седая голова соседа.

— День добрый, Марк! Привез своих старушек?

— Еще нет, но скоро привезу. Сначала дачу к их приезду надо подготовить.

— Хорошее дело!

— Борис Николаевич, у вас есть электрический насос?

— Где-то был. А зачем он тебе? Поливать-то еще рано...

— Хочу выкачать воду из колодца и почистить его...

— Колодец? А зачем его чистить? Воду же зимой соседи и у вас, и у нас брали, так что она чистая. Естественный водообмен: одну воду черпают — другая прибывает. Я свой колодец никогда не чищу, а вода у нас всегда хорошая. Была б плохая, соседи бы колодцем не пользовались...

— Ну, а я вот в своем колодце жужелицу дохлую ведром подцепил.

— Подумаешь, жужелица! Я сегодня мышь утопшую вытащил — и то ничего: выбросил под куст и вся недолга.

— Нет, я все же хочу свой колодец почистить... Так вы дадите мне насос?

— Да ради Бога!

Борис Николаевич извлек из-под машины свое длинное худощавое тело и пошел искать насос. Через полчаса он принес и насос на плотике, и длинный моток шланга.

— Вот, держи! Еле нашел: насос под кроватью в мансарде оказался, а шланг почему-то в бане... Только зря ты это затеял, Марк!

— Ну, я уже настроился...

— А, ну тогда конечно! Настрой — великое дело! — И, вручив снаряжение Марку, Борис Николаевич снова полез под машину.

Марк выкачал колодец чуть не досуха, а воду перекачал в дождевую бочку у крыльца — пригодится на хозяйственные нужды. К этому времени у Надежды сварилась привезенная из города картошка, они перекусили, и после обеда Катя прилегла отдохнуть, Надежда принялась греть на плитке воду для мытья полов, а Марк пошел по деревне искать работника на очистку колодезного дна: густой глинистый осадок мотор насоса уже не брал...

Все мужское население Оринок в середине субботнего дня делилось на две категории: одни мужики были еще на работе, а другие были уже пьяны. Единственным трезвым и свободным ориновцем был Сергей Катасонов, Катасон по-местному: он мучился похмельем и тут же согласился на чистку колодца, но с условием — аванс немедленно! Марк по опыту знал, что в Ориновке деньги вперед не дают — не будет ни денег, ни работы, а потому от услуг Катасона на таких

условиях отказался, решив чистить колодец самостоятельно, и снова пошел на поклон к соседу.

— Борис Николаевич!

— Слушаю, Марк! — Сосед выглянул из-под машины.

— У вас была длинная лестница, можно ее одолжить?

— Длинная лестница? Да вроде где-то была... А зачем она тебе?

— Спускаюсь в колодец и почищу дно.

— Так это же совсем не так делается! — Борис Николаевич вьюном выскользнул из-под машины и подошел к Марку, вытирая руки ветошкой. — Ты вот меня послушай! Надо достать гофрированный шланг широкого диаметра и купить специальную насадку на мотор. Прикрепляешь шланг к насосу, а к нижнему концу привязываешь шест и с помощью этого шеста водишь концом шланга по дну колодца; полчаса — и колодец чист!

— А вы так уже делали?

— Нет, но хочу попробовать. А то я прошлым летом доставал кошкой ведро, которое сестрица упустила — у нее каждое лето по три ведра срывается, — и вытащил я той кошкой старую калошу. Вот скажи мне, как она на дно колодца попала? Вроде и калош у нас никто давно не носит... В общем, вот что я тебе скажу, Марк! Ты сейчас это дело отложи, а я вот через неделю поеду на барахолку, кой-чего для машины прикупить надо, так заодно и поищу шланг нужного диаметра и насадку к нему. И сделаем все, как полагается!

— Нет, Борис Николаевич, если вы мне дадите лестницу, так я уж попробую справиться сегодня. Не хочется мне это дело откладывать.

— Ну, как знаешь! Пойду поищу лестницу, вроде где-то была, в прошлом году яблоки снимали.

Через полчаса вернулся ни с чем.

— Ни в сарае, ни на чердаке, ни у бани, ни в саду! Куда она могла подеваться? Надо у соседей спросить. Ты иди к Васильевым, а я к Ольге загляну.

Лестницу нашли у соседей за три дома: оказалось, соседский сынок взял ее прямо из сада Бориса Николаевича, чтобы поставить на крышу новую антенну, а вернуть на место как-то позабыл. Что было в общем-то типично для ориновцев, и Марка не удивило.

Марк взял лестницу и понес ее к своему колодцу. Черпак у Бориса Николаевича он уже не стал спрашивать: либо еще час уйдет на

розыски, либо Борис Николаевич предложит ему приобрести какую-нибудь мини-землечерпалку. Немного пошарив в собственном сарае и ничего подходящего не обретя, он пошел на кухню к матери и конфисковал у нее половник, а заодно пригласил ее на помощь. Марк привязал к старому ведру веревку и один конец вручил матери, а сам спустился с ведром по лестнице в колодец и принялся выгребать собравшуюся на дне жижу. За какой-нибудь час колодец они с Надеждой вычистили, вычерпав из него ведер двадцать густой глинистой жижи, и под конец в углу колодца из-под большого камня, который Марк даже попытался выворотить ломом, но не сумел, только сдвинул с места, вдруг забил булькающий родничок. Марк вылез из колодца мокрый и продрогший, но ужасно довольный. Отмывшись и сменив одежду, он понес лестницу к Борису Николаевичу. Тот стоял, разглядывая что-то под раскрытым капотом, и задумчиво жевал бутерброд.

— Борис Николаевич, спасибо за лестницу!

— Ну что, вычистил колодец?

— Вычистил. Родник забил!

— Ну вот видишь, а ты спорил... — С этой странной репликой Борис Николаевич полез под машину.

Марк спорить не стал.

— Куда лестницу отнести? — спросил он.

— А поставь к сараю! — отозвался из-под машины Борис Николаевич.

Марк отнес лестницу и прислонил ее к крыше сарая. На обратном пути он спросил:

— Борис Николаевич, а вы машину-то починили? А то мы вас отвезем в город!

— Машину? А чего ее чинить — она в полном порядке!

— Так вы же полдня под машиной провели! Я думал, у вас большой ремонт...

— Да нет, это я так, профилактически... А домой — да, домой уже пора собираться, скоро шесть. Эх, а хорошо на даче весной! Славно провели денек!

Марк с ним согласился.

В следующее воскресенье Марк приехал на дачу с тещей: Надежда собиралась вымыть на даче окна, а он — разобраться с

дровами для старушек на лето. Катю в этот раз с собой не взяли, потому что погода была ветреная и прохладная. Первым делом они затопили печь в единственной зимней комнате дома и открыли настежь все окна в комнатах и на обеих верандах.

Дров в сарае оказалось примерно на треть меньше, чем было заготовлено с осени.

— Костик опять попользовался! — покачал головой Марк.

— Ну, не замерзать же ему было! — вступилась за дровяного воришку Надежда. — Да он летом маме грибами и ягодами отдаст, не беспокойся, Марк!

— Если отдаст!

— Обычно же отдает! — пожала плечами Надежда. — А старушкам нашим на лето дров хватит.

— Это смотря какое будет лето! — резонно заметил Марк.

— Ты ведь, кажется, собирался сухие сучья наконец-то с яблонь спилить, зятек?

— Да надо бы...

— Ну, вот тебе и дрова!

Проблему топлива больше не обсуждали.

— Натаскай-ка мне воды в дом! — распорядилась Надежда.

— Так есть же вода в бочке...

— Нет, мне нужна свежая, из колодца! Марк послушно отправился к колодцу. Воды в нем уже набралось достаточно, но она была мутноватой. «Ничего, к приезду бабулек вода в колодце отстоится, — подумал Марк. — Но надо набрать воды в бутылку и отдать ее на анализ».

— Моя помощь в доме вам нужна, мам? — спросил Марк, принеся в бак, стоявший на веранде, последнее ведро воды.

— Нет, ты мне тут только мешать будешь.

— Ну, тогда я вскопаю грядки. Вы, кажется, что-то сажать собирались?

— Собиралась и даже семена привезла.

— А что сажать будете?

— Ах, да ничего особенного — травки к столу, редиску и салат, чтобы свеженькие у них были, немножко морковки и свеклы.

— А огурцы?

— Ни в коем случае!

— Жаль... А почему? Так здорово — свежий огурчик прямо с грядки!

— С этим делом бабушкам нашим надо завязывать. Вдруг опять грянет засуха, как в прошлом году, и начнут они воду таскать и огурцы поливать, а потом все трое свалятся с больными спинами.

— Вы правы, мама. Для огурцов парник надо городить, ну их! Две-три грядки сделаем, и ладно.

— И ты прав, сынок!

Марк пересмотрел в сарае все огородные инструменты и увидел, что лопаты надо поточить. Отправился к соседу.

Голубая «Волга» стояла перед домом, из-под багажника торчали ноги.

— Борис Николаевич, здравствуйте!

— А! Привет, Марк! — ответил сосед из-под машины. — Тебе чего-нибудь надо?

— Вы уж извините, что от дела вас отрываю, но у вас, помнится, было электрическое точило?

— Есть точило, в сарае! А тебе чего точить?

— Лопаты!

— Лопаты? — удивился Борис Николаевич и высунул голову из-под машины. — А зачем тебе лопаты?

— Хочу пару грядок для наших бабушек вскопать.

— А зачем это? Неужели вы им овощей из города не привезете?

— Ну, они, знаете, привыкли каждый год клочок земли обрабатывать и что-то сажать. Кончают свои посадки и сваливаются все трое с приступом радикулита. Вот мы с тещенькой решили в этом году сами им приготовить грядки и посадить зелень, а они уж потом пускай за ней ухаживают как могут.

— Так это не так надо делать, Марк! — Борис Николаевич выполз из-под машины. — Ты вот что, послушай-ка меня! Ивана Абрамовича знаешь, бывшего адвоката?

— Знаю.

— Так вот, у него есть культиватор, и он тебе за тысячу рублей твой огородик три раза вспашет и проборонит. Земля пухом станет для твоих старушек.

— Да что вы такое говорите, Борис Николаевич? «Земля пухом»!

— Да это я к тому, что культиватором можно быстро и хорошо обработать землю. Иван Абрамович всем в Оринке землю обрабатывает, большие деньги огребает.

— Понятно. Ладно, пойду к Ивану Абрамовичу.

— Ну да, его шутя Абрамовичем в деревне кличут. Но деньги он своим культиватором зарабатывает и вправду хорошие. Только ты сейчас к нему не ходи. У него культиватор сломался, и он в город за какой-то запчастью укатил. И к нему, кстати, надо в очередь записываться, у него клиентов полно.

— Понятно, Борис Николаевич. Ну а точилом-то все-таки можно воспользоваться?

— А почему же нет? — удивился Борис Николаевич. — Пошли в сарай, я тебе его включу.

Через четверть часа Марк вышел из соседских ворот с остро наточенными лопатами, а сам сосед уполз обратно под свою машину.

До обеда Марк вскапывал землю, а после обеда они вдвоем с тещей принялись за грядки: получилось три довольно длинных грядки. Надежда тут же принялась сажать семена.

— Марк, бочки из сарая не украли?

— Нет, обе стоят на месте.

— Надо их из сарая вынести и поставить под водосток и возле грядок. В одну будет набираться дождевая вода, а в другую ты накачаешь шлангом воду из колодца...

— У нас нет шланга, мама! — напомнил Марк.

— Попроси шланг и мотор у Бориса Николаевича.

— Неудобно, мам! Мы все время у него что-то занимаем...

— Ничего! Вот он когда-нибудь дочинит свою машину до конца, на запчасти, и мы тогда будем его с собой на дачу возить, пока он новую не купит.

— Да вы что, мам!

— А так уже было, сынок!

— Ну, ведь то иномарка была, он с ней просто не справился.

— Почему же «не справился»? За три года справился — вся рассыпалась.

— Это она от старости рассыпалась.

— И от непрерывного профилактического ремонта.

— Да ладно вам, тещенька!

— И тебе того же, зятек!

Закончив «посевную», теща с зятем отправились в город.

* * *

В следующий выходной на дачу прикатила Наталья со своими друзьями, двумя мальчиками и двумя девочками из ее класса. Родителям ребят было сказано, что они хотят навести порядок в саду на даче у Наташиной бабушки — срезать сухие сучья у яблонь.

Выйдя в сад, Наталья сразу же обнаружила свежие грядки.

— Вот здорово — кто-то грядки уже вскопал! Были бы семена, я бы цветы тут для Булочки посадила. Вот что, мальчики и девочки! Вы давайте пилите сухие сучья и стаскивайте их в кучу, а я пройду по деревне и разживусь семенами цветов.

— А чем отличаются сучья от веток? — спросил один из приятелей. — И как мы узнаем, сухие они или нет?

— Сучья и ветки — это в данном случае одно и то же, — сказала Наташа. — Это, проще сказать, будущие дрова, которые пока находятся на дереве.

— Но они вроде все сухие, дождя-то ведь не было! — заметила подружка.

— Те, на которых почки — это живые ветки, а серые и голые — сухие.

— А если мы спилим лишние ветки? — опасливо спросил второй приятель.

— Ничего страшного. Я при отчете родителям скажу, что мы сделали омолаживающую обрезку. Главное, не робеть! Вперед, ребята!

Наталья вышла из ворот и поглядела на дом напротив. Там стояла голубая «Волга», а из-под нее торчали ноги в сандалиях. Она постояла, подумала и решительно пошла к следующему дому, к Марье Васильевне.

Трехэтажный дом Марьи Васильевны сиял белой новенькой американской «вагонкой» и ярко-красным пластиковым шифером, вокруг него простирался молодой зеленый газон — на все двадцать соток участка! Красота! А на крылечке дома сидела, пригорюнившись, хозяйка.

— Здравствуйте, Марья Васильевна!

— Здравствуй, Наташенька! Заходи, деточка, хоть ты посиди, поговори со мною. Видишь, что мои дети да внуки натворили? Весь участок загубили!

— По-моему, наоборот, все очень красиво стало, — сказала Наталья, усевшись рядом с хозяйкой на крылечке. — Газон у вас какой роскошный!

— Ага. Кругом газон! На месте картошки — газон. Вместо грядок — газон. Где капуста росла — все тот же, пропади он пропадом, газон! Даже цветничок мой и тот под газон с осени распахали. «Не желаем, — говорят, — мама, чтобы ты все лето попой кверху на грядках провозилась! Лучше мы тебе все из города возить будем!» Вот радость мне — овощи с рынка! Тьфу!

— Зато красиво!

— Да какая ж тут красота — трава и трава.

— Так у вас, Марья Васильевна, наверное, семена непосаженные остались? — начала подъезжать Наталья.

— Остались... Толку-то мне с них?

— А у нас вот грядки есть, а семян нету. Я бы сегодня что-нибудь посадила, но за семенами надо еще в город ехать.

— Да я тебе сейчас все свои семена отдам, Наташечка! А то как погляжу на них — сердце разрывается. Хоть польза будет!

— И семена цветов у вас есть?

— А как же! И львиный зев, и ромашка крупная, и маки, и васильки разноцветные, и космея... А из овощей...

— Овощей мне не надо, я только цветы хочу посадить. Овощи мы бабушке будем из города привозить.

— Опять — город?! Да что там, в городе-то, площади под огороды распахали что ли, раз народ непутевый овощи оттуда возить собирается? Ну да ладно, цветы так цветы... А может, ты хоть картошку возьмешь на посадку? У меня хороший картофель на посев, отборный!

— Вот картошку давайте!

— Умница, детка! Не то что мои... Сиди тут! — Марья Васильевна живенько вскочила и побежала в дом — за семенами и картошкой из погреба.

Очень довольная, с корзинкой посевной картошки и семенами цветов Наталья вернулась к ребятам.

Полдня в саду кипела работа: мальчики пилили сучья и стаскивали их в кучу, а девочки сеяли на грядках семена цветов.

Пришла Марья Васильевна, похвалила их работу и принесла целое ведро каких-то узловатых клубней.

— Это тебе, Наталья, георгины! Сортовые! Она ушла, а Наташка тут же объявила:

— Вот уж что, а георгины сажать я не стану — некуда! — И она выбросила их на компостную кучу.

Потом ребята развели костер, жарили шашлыки на углях и пекли в золе отборный посевной картофель. Правда, не весь: десятка два картошек Наталья все-таки засунула в середину грядок и притоптала под возмущенные крики друзей: «Ты зачем хорошую картошку выбрасываешь?!»

— Пусть у моей бабушки будет немного свежей картошки. Знаете, какая она вкусная, когда прямо с грядки? М-м-м!

— Она и сейчас вкусная! — ворчали друзья. — Только мало ее...

Вечером отправились назад в Петербург. Из деревни Оринка им надо было пройти еще три километра до станции, носившей то же название — Оринка. Но идти пешком не пришлось: еще в деревне их нагнал Борис Николаевич, посадил всех пятерых в машину и довез до станции.

— Дальше, ребята, добирайтесь на электричке! Вас пятеро, а мне неприятности с гаишниками ни к чему. А бабушке, Наташа, передай, что я могу помочь ей с подружками на дачу выехать.

— Ой, дядя Боря, спасибо! Но вы же знаете нашу Булочку и ее команду: они в первый раз на дачу обязательно своим ходом приезжают. Ритуал у них такой! А все их вещи мы заранее отвезем.

— Ну, я могу и вещи отвезти...

— Да какие там у них вещи! В одну машину все поместится. Папа отвезет или Марковкин!

— Ну как знаете...

— Спасибо, дядя Боря, что подвезли! Привет всем вашим от меня передавайте! И бабушке Юле тоже!

* * *

В следующее воскресенье Марк и Катя отвезли в Оринку весь дачный скарб. По дороге заехали на рынок в селе Романовка, купили ведро картофеля, капусту, морковку и свеклу, зелени, а в местном супермаркете накупили продуктов, для себя же взяли бутылку козьего молока. В Оринке Катя навела в доме последний лоск: постелила на постели свежее белье, повесила выстиранные и выглаженные свекровью занавески на окна и занавес из веселых белых, синих и красных ленточек на входную дверь — от мух. На веранде, служившей гостиной в теплые дни, она застелила диван старинным желтоватым покрывалом, оставшимся еще от матери Агнии Львовны, а стол перед ним — льняной скатертью и поставила на него букет только-только начавшей зацветать черемухи.

— Что еще надо сделать? — спросила она, оглядываясь.

— Ничего. Все сияет и сверкает. Иди-ка в сад Максимку прогуливать!

— Ладно, пойду.

— погоди, я тебе кресло вынесу.

— Да я на лавочке посижу!

— Никаких лавочек! Моя жена — только в кресле!

— Балуеть ты меня, Марковкин! — улыбнулась Катя.

— Ты уверена? — озабоченно спросил муж, подхватывая плетеное кресло и подушку.

— Уверена, уверена! — и Катерина в сопровождении мужа с креслом отправилась в сад «прогуливать Максимку». Они уже знали, что родиться должен, по всей вероятности, мальчик.

Марк проверил электропроводку во всех помещениях, еще раз хорошо протопил печь и плиту на кухне, чтобы окончательно просушить и прогреть дачу, включил холодильник, разложил в нем продукты, и на этом молодые супруги решили, что теперь к приезду бабушек все более-менее готово.

* * *

И вот наступил день торжественного выезда на дачу Агнии Львовны, Варвары Симеоновны и Лики Казимировны, ну и Титаника, конечно, — куда ж без него. Кончалась петербургская весна, и наступало ориновское лето! В шесть утра они встали, в семь вышли из дома с тремя сумками на колесиках и Титаником на поводке, в семь тридцать уже были на Финляндском вокзале, благо от метро «Владимирская» ехать было всего три остановки. Поездом в восемь ноль пять они выехали в Оринку. Ехать электричкой им было около часа. Они смотрели в окно и отмечали происшедшие перемены.

— Как быстро пошла жизнь! — сказала Агния. — Никогда прежде за одну зиму так не менялся пейзаж за окном электрички.

— И мороженое раньше так быстро не кончалось! — заметила Лика, доедая второй «стаканчик».

— И небо было синее, а облака пышнее, — усмехнулась Варвара.

— Конечно, синее, — без тени улыбки сказала Агния. — Потому что оно чище было.

— Но уж в Оринке-то небо чистое! — возразила Лика. — Девочки, а ведь даже не верится, что мы и вправду опять едем в нашу милую- милую Оринку. Ах, скорее бы приехать...

Приехали! Вышли на щербатую платформу и все четверо глубоко и дружно вдохнули свежий и чистый деревенский воздух; Титаник даже повизгивал от радости, так ему надоело сидеть в тесном вагоне.

Сойдя с платформы, подруги огляделись. Нет, тут пока ничего не изменилось! Те же три магазина да два киоска. Зашли в продуктовый и купили хлеб — белый «Городской», по их прозванию «резиновый», и любимый «Дарницкий», который здесь было гораздо вкуснее петербургского. Еще на всякий случай прихватили бумажных салфеток и пару рулонов туалетной бумаги, хотя Катя уверяла бабушку, что все «бумажные необходимости» закуплены на дачу с большим запасом. Перешли дорогу — там стоял еще один магазин, строительно-сельскохозяйственный. Привязали Титаника к ограде возле штабеля дров и пошли в магазин.

— Ну что, дорогие, семена брать будем? — спросила Агния подруг, оглядывая просторное помещение, заставленное всем, что только может понадобиться современному сельскому жителю.

— Лучше «Раундап»! — сказала Лика.

— Это зачем — «Раундап»? — поинтересовалась Варвара.

— Дорожки очищать от травы! — пояснила Лика. — Поливаешь — и через неделю ни травинки!

— Вот только попробуй, вот только попробуй! — грозно сказала Варвара. — Я тогда этот самый «Раундап» тебе в твой шампунь подолью! Помоешь голову — и через неделю ни волосинки! И только посмейте кто-нибудь к моей косе прикоснуться!

— Тоже мне — «Раззудись плечо, размахнись коса!» — фыркнула Лика.

— И плечо пока двигается, и коса имеется... Если не украли за зиму, конечно!

— Да, твоей косе позавидуешь! — вздохнула Лика, имея в виду в основном ту косу, что была толстым жгутом обернута вокруг головы подруги: к сельхозработам она была вполне равнодушна и, кроме сбора цветов для букетов в лугах, ничем таким не занималась.

— Не завидуй, Лика, — строго сказала Варвара. — Две косы, на голове и в сарае, это два моих великих сокровища!

— Девочки, не ссорьтесь, — рассеянно сказала Агния, внимательно изучая стойку с пакетиками семян овощей. — А «Раундап» на всякий случай надо взять — летом он не всегда бывает. Руками землю под грядку или клумбу трудно очистить...

А ты что, опять собираешься сажать овощи? — подозрительно спросила Варвара. — Забыла, как намучились в прошлом году с поливкой?

— Ну, если прошлое лето было засушливым, значит, есть все основания думать, что нынешнее...

— Будет таким же! — закончила за нее Варвара. — Никаких овощей!

— Ну, от свежей редиски со сметанкой ты, я думаю, не откажешься?

— Хорошо, только редиску!

— И укропчик! — добавила Лика. — Укропчику надо посадить побольше! Ой, а вот репка! Давайте посадим еще репку? Помните, как мы ее любили в детстве?

Купили всего десять пакетиков семян — только самое необходимое! И пять бутылочек «Раундапа», чудодейственного избавителя от сорняков.

Из магазина, подхватив скучающего Титаника, снова вышли на шоссе, и тут их обогнала голубая «Волга»; перегнала, затормозила, заурчала и медленно подалась назад.

— Добрый день, соседки! — Из автомобиля вышел Борис Николаевич, их ориновский сосед. — С приездом! — Он обошел машину, открыл багажник и начал передвигать в нем запасное колесо и греметь каким-то железом.

— Здравствуйте, здравствуйте, дорогой сосед! — сказала Варвара Симеоновна.

— День добрый, Борис Николаевич, какая приятная встреча! — пропела Ли́ка Казимировна.

— Как ваша мамочка, здорова ли? — спросила Агния Львовна.

— Здорова, слава Богу, скрипит помаленьку! Вот сестрица явится, и тоже будем вывозить на дачу нашу старушку.

Титаник после некоторого раздумья радостно тьякнул.

— Узнал, узнал меня, Собакевич, не забыл за зиму! — Борис Николаевич нагнулся и потрепал Титаника за уши. — Там твоя поддержка ждет не дождется, каждый день к вашим воротам приходит, проверяет — не приехали ли еще соседи?

— Жива Динка?

— Жива, жива, старушка... Ну, давайте ваши сумки!

— Да что вы, Борис Николаевич, мы же сами на колесах! — сказала Агния Львовна.

Но Борис Николаевич, не вступая в переговоры, одну за другой уложил две сумки в багажник, а третью понес к дверям.

— Эта не помещается — у меня в багажнике инструменты и запчасти: решил вот на даче с машиной повозиться. А мы вот что сделаем: Варвару Симеоновну посадим вперед, Ли́ку Казимировну, она маленькая, сзади, а вы, Агния Львовна, потихонечку идите себе по дороге, а я выгрузюсь и за вами вернусь!

— Нет, Борис Николаевич, мы поступим по-другому! — сказала решительно Варвара. — Раз уж вы столь любезны, так просто отвезете наши сумки, а мы пойдем пешком и потом за ними к вам зайдем.

— Хотите пройтись по воздуху?

— Вот именно. И потом у нас традиция — на дачу приходиться пешком.

— А, ну традиция дело серьезное! Может, мне Титаника захватить в машину?

— Нет-нет, не надо! Пусть пробежится, ему полезно.

— Тогда я поехал!

— С Богом!

Борис Николаевич уселся за руль, просигналил им на прощанье и укатил.

А подружки, освободившись от багажа, сошли на пешеходную дорожку и пошли по ней вдоль шоссе. Титаник весело бежал впереди, растянув поводок на всю длину. Он на бегу заглядывал под все кустики и задирал ногу у каждого столба, облаивал пронесившиеся по шоссе машины — словом, радовался жизни. Но спустить его с поводка Лика Казимировна не решалась: вдруг он за зиму забыл, что нельзя выскакивать с тропинки на шоссе?

Уже пахло распускающейся черемухой и свежевскопанной землей — народ копал огороды. Прошли станционный поселок, дальше начинались с одной стороны поля, а с другой — усадьба барона Корфа: роскошный полукруглый луг, чудом сохранившийся на месте бывшего английского газона, две чудесные аллеи вековых деревьев, лип и дубов. Аллеи дугами сходились к двум старинным зданиям, каменному особняку барона и совершенно прелестному деревянному дому, в котором когда-то жил управляющий. Сейчас в них располагались районный реабилитационный центр в каменном доме и местная больница — в деревянном.

— Зайдем к доктору Лизе? — спросила Агния.

— Неудобно без подарка... — сказала Лика.

— А подарок остался в машине! — закончила за нее Варвара. — Зайдем в другой раз. А вот к нашему Дубу подойдем обязательно!

На поле сразу за усадьбой рос одинокий древний Дуб по местному преданию посаженный Кутузовым. Вполне вероятно, что так оно и было, если учитывать, что Дубу не меньше двухсот лет, а как раз в середине XIX века усадьбой владела графиня Софья Александровна Голенищева-Кутузова: это она позднее продала ее барону Леопольду Федоровичу Корфу. Все это подружки узнали еще девчонками, роясь в справочниках, путеводителях и краеведческих изданиях. Дуб-патриарх и в детстве вызывал у них чувство сопричастности протекавшему через Оринку потоку времени, а уж теперь, когда они и сами входили в

патриарший возраст, они испытывали к нему особое чувство: Дуб помнил их голоногими девчонками; в морщинах его грубой коры сохранялась теплая память об их поцарапанных босых ногах и сбитых коленках, ведь они любили забираться в его крону, прятаться в ней, а лета два или три даже устраивали себе гнездо в развилке мощных ветвей, и там проводили самые жаркие дни, в тени, на дующем с Ладоги ветерке, в спокойном шелесте жестковатых листьев и таинственном птичьем пересвисте — в кроне Дуба пряталось множество гнезд, девочкам никак не удавалось их сосчитать; там одно время в дупле жил дятел, а потом его заняла белка, и этой белке они носили орехи и семечки. Молодая Варвара как-то написала об Оринке песню, и в ней были слова, посвященные Дубу:

*Стояло дерево, могучее, как крепость,
Ветвистое и сложное, как эпос,
И преисполненное птичьих гнезд:
Там жили дятел, иволга и дрозд.*

Они подошли к Дубу. Патриарх не торопился радоваться весне, его молодые листья еще были сжаты в зелено-желтоватые пучки, он просыпался по-старчески неторопливо. Подруги притронулись к еще прохладной коре ладонями — поздоровались. Постояли. Титаник почтительно отметил у огромного ствола...

— Ну вот мы и приехали... Здравствуй, старик! — сказала Агния, и они пошли обратно к шоссе, а старый Дуб, разбуженный их голосами, смотрел им вслед, слегка покачивая концами ветвей.

До первых домов деревни оставалось метров сто, когда Лика остановилась и закричала:

— Девочки! Смотрите, какой ужас! Борщевик Сосновского!

— Путаешь, наверное, — проворчала Варвара. — Откуда в Оринке эта гадость? Нету тут борщевика Сосновского и быть не может: в Оринке чистейшая в районе экология.

— И на шоссе? — ехидно спросила Лика.

На это Варвара не ответила, а полезла в карман за очками.

Агния Львовна, шедшая впереди, вернулась и подошла к ним.

— Да, милые мои, — сказала она, приглядевшись к здоровенным пучкам зелени какого-то ядовито химического цвета, нагло раздвинувшим робкую молодую травку на откосе дороги. — Это, несомненно, борщевик Сосновского! Беда...

— Пока никакой беды. Завтра же придем сюда с «Раундапом» и опрыскаем его, пока не поздно, — сказала Варвара.

— Оринку мы ему не отдадим! — запальчиво воскликнула Лика.

— И кстати, надо будет пройтись и внимательно оглядеть обочины от станции до деревни и вниз, до кладбища, — сказала Агния. — Пока борщевик молодой, его еще можно вывести.

— Да, придется объявить ему войну, и как можно скорее! — согласилась Варвара. — Тем более что кроме нас этим заниматься никто не станет, а наступит жара, так по дороге в нашем возрасте много не находишься, миг солнечный удар заработаешь!

— Ох, скорее бы! — вздохнула Лика.

— Ты что, с ума сошла, Лика? Зачем тебе солнечный удар?

— Я не про удар — я про тепло. Я так по теплу соскучилась, девочки! Все косточки прямо жаждут прогреться!

— Подумаешь! — фыркнула Варвара. — Могу договориться с Борисом Николаевичем насчет баньки.

— Банька — это было бы замечательно! — поддержала ее Агния. — Если у нас хватит на нее дров, неудобно же Бориса Николаевича разорять. И надо будет нанять Катасона воды натаскать. А так-то Борис Николаевич нам не откажет, я думаю.

— Когда это он в чем-нибудь отказывал? — даже возмутилась Лика.

— Борис-то Николаевич не откажет, а вот печка в его бане могла и отказать, там колосники совсем провалились. Да и котел в середине прогорел, полный не нальешь, — сказала Варвара.

— Ладно тебе придирается к такому на редкость хорошему человеку, Варешка! — упрекнула ее Агния. — Ну не хозяин наш сосед, так что с того? Зато добрый и безотказный.

— На редкость добрый и ленивый! — усмехнулась Варвара. — С тех пор как умер дядя Коля, дача их совсем в запустение пришла. И дача, и сад.

— Ах, какая ерунда! — сказала Лика — Вот приедет Юлия Николаевна, возьмется за дело, и будет у них не дача, а загляденье!

У Бориса Николаевича была сестра в Германии, чуть помладше наших старушек: каждую весну она приезжала на родину и все лето почти безвыездно проводила с матерью в Оринке.

— Ну да, Юлия наша Николаевна умеет красоту навести: все цветочками засадит, дорожки песочком засыплет, расставит повсюду кресла, столики, зонтики, разноцветные вертушечки... Крррасота! А дом-то все равно ветшает на глазах, — сказала Варвара.

— Будто бы наша дача не ветшает! — возмутилась Лика.

— Ну, наша ветшает из принципа, мы же сами не даем детям ее ремонтировать, чтобы дожить в привычной обстановке. А у Бориса Николаевича...

Агния Львовна поглядела на подруг.

— Так, девочки, с вами все ясно! А ну-ка давайте присядем на травку да помолчим! Вы устали, милые. Да и я тоже, если честно сказать.

Сели на прогретый откос и вытянули ноги. Надо же, всего километр с небольшим прошли, а уже устали...

Машины мимо них в этот час почти не проезжали, так что никакого шума, кроме пения птиц и шелеста листвы стоявшей возле них старой плакучей березы, они не слышали. Потом в канаве, шедшей параллельно пешеходной дорожке, заквакала лягушка. А потом высоко в небе зазвенел жаворонок.

— Хорошо-то как, милые мои! — воскликнула Лика.

— Да, лето начинается... — сказала Агния.

— А лето всегда начинается в Оринке, — подтвердила Варвара. — Ну что, двинемся дальше?

И они встали, побряхтывая, отряхнули брюки и пошли дальше.

Впереди больших деревьев уже не было. То есть они, конечно, были, но не сейчас, а до революции. В послереволюционные годы все деревья, что росли ближе к деревне, были самими деревенскими жителями беспощадно и непредусмотрительно порублены на дрова. Правда, дойдя до деревни, порубщики остановились, или их остановили, и дальше путь по деревне снова шел под большими и красивыми деревьями. Дорога осталась без тени всего на полкилометра, семь минут хода нормальным шагом, но, проходя это

лысое место в знойные дни, ориновны по дороге на станцию и со станции недобрим словом поминали своих отцов, дедов и прадедов, лишивших дорогу блаженной тени. Уже третье поколение ругало предков за варварство, не догадываясь оное варварство исправить и искупить посадкой новых деревьев. В молодые и зрелые годы подругам тоже не пришла в голову эта благая мысль, а сейчас, когда они ох как оценили бы блаженную тень — сажать их они уже не могли. Упустили доброе дело, а жаль...

Миновав лысый участок, они добрались до автобусной остановки у начала деревни и снова присели, на этот раз на поребрик забетонированной площадки. В прежние годы на краю деревни, у ограды первого дома на правой стороне — красивого, с мезонином и ухоженным садом, стояла очень удобная скамеечка, и все, кто шел мимо, могли на нее присесть и отдохнуть. Особенно удобно это было для тех, кто шел с тяжелыми сумками. Но хозяин дачи в один премерзкий день вышел из дома с топором и любимую всеми скамеечку развалил, к великому огорчению подруг: именно сидя на той незабвенной скамеечке, подруги решали, по какой дороге им дальше идти — по главной деревенской или задами деревни? Вопрос был непростой, как может показаться тем, кто не в курсе.

Деревня состояла из одной улицы, когда-то замощенной булыжником (подруги хорошо помнили то время и ту дорогу), а последние четверть века заасфальтированной. Дорога была удобная, что и говорить, и деревья тоже кое-где в деревне сохранились. Но подруги больше любили ходить по другой дороге, пролегавшей между задними дворами и полем, за которым начинался лес. Дорогу эту в дожди развозит, лужи в разъезженных колеях стоят такие, что и резиновыми сапогами зачерпнуть можно, а в сушь на глинисто-песчаную дорогу выползают греться змеи. Словом, с тележкой на колесиках проехать по ней было трудновато в любую погоду, а без тележки они в магазин на станцию не ходили. И все-таки все трое предпочитали именно ту дорогу. Ну а сегодня им так повезло, они шли налегке, не только без тележек своих, но даже с пустыми руками. Можно заодно и цветов нарвать! Поэтому, отдохнув на остановке, они поднялись, переглянулись, улыбнулись друг другу и, не стовариваясь, свернули на проселочную дорогу. И тут же Лика спустила Титаника с поводка: он радостно умчался вперед, но потом вдруг остановился,

подумал, вернулся и потрусил впереди хозяйки — решил охранять на всякий случай.

Зады деревни. Скромные садики, прудики, серенькие баньки возле них, какие-то сараюшки, и огороды, и скромные борозды картофеля... Настоящая русская деревня, а не наполовину дачный поселок, каким выглядит Оринка с фасада, если идти по главной дороге. Нет, подруги, конечно, рады были за ориновцев, старых и новых: треть домов теперь в деревне каменные, половина старых, деревянных, отремонтированы, благоустроены. Появились красный пластиковый шифер, белая американская вагонка, а возле каждого четвертого дома — гараж для автомобиля. Но понастроили и мерзкие тюремно-производственные заборы: немного, всего заборов пять или семь, но как же они портили вид деревни! Один такой заборище выстроили прямо на углу при въезде в деревню, тьфу! А подруги любили старую Оринку, которую знали с детства, вот и ходили чаще по совершенно разбитой тракторами и грузовиками «задним» путем, потому что именно вдоль этой неказистой дороги вид любимой Оринки почти не изменился. Да еще по другую сторону ее, сразу за поросшей рогозом канавой, раскинулись запущенные поля, которые уже давно никто не пахал, не засеивал. За последние пятнадцать лет они превратились в один сплошной луг, тянувшийся вдоль всей деревни, от первого дома до последнего и еще дальше. Даже траву тут почему-то не косили. Впрочем, понятно почему, скотину в деревне повывели. Одна была корова на всю деревню, у Валентины Николаевны, но и ту внуки уговорили продать, когда их бабушка начала ходить с костылем. Зато какие только цветы теперь не росли на этом роскошном лугу! И уж если шли подруги задворками, то без букетов домой не возвращались, с весны до осени тут что-нибудь тут да цвело...

— Боже мой, ну как же хорошо-то, девочки! — воскликнула Лика, как только они прошли первые метров сто по «своей» дороге».

— Да, вот она — благодать! — сказала Агния, а Варвара вдруг запела своим все еще сильным голосом:

*Благословляю вас, леса,
Долины, нивы, горы, воды...*

Ли́ка и А́гния тут же подхватили:

*Благословляю я свободу
И голубые небеса!*

Петь на ходу было трудно, поэтому они остановились и торжественно продолжили пение:

*И посох мой благословляю,
И эту бедную суму,
И степь от края и до края,
И солнца свет, и ночи тьму,
И одинокую тропинку,
По коей, нищий, я иду,
И в поле каждую былинку,
И в небе каждую звезду!*

— Хорошо поете! Я со сна подумал, что это радио! — раздался вдруг голос со стороны. Подруги оглянулись и увидели над берегом канавы лохматую голову. Это был Катасон; сам он лежал внутри канавы, на ее пологом, сухом, прогретом солнышком откосе, а голова его покоилась на сложенных руках на краю, возле обочины. — Здравствуйте, А́гния Львовна, Ли́ка Казимировна и Варвара Симеоновна! С приездом!

— Ох, здравствуйте, Серге́и, — сказала смущенная Варвара. — Мы вас разбудили?

— Да ничего...

— Приносим вам свои извинения! Мы не знали, что вы тут... отдыхаете.

— А я и не отдыхаю — я от мамки прячусь! Увидит, так заставит забор чинить, а я еще не проспался после вчерашнего. Гуляли мы вчера...

— А-а!

«Гуляли», видимо, здорово, потому что общительный Титаник подбежал было к самому лицу Катасона, явно намереваясь его приветственно лизнуть, но вдруг фыркнул и отскочил, поджав хвост. «Что за гадость пьют эти люди?» — было написано на его мордочке с брезгливо сморщенным носом.

— Ну, кланяйтесь от нас Ефросинье Михайловне, — сказала Агния. — Как она, здорова?

— А чего ей сделается? Пашет на огороде кверху попой...

Сын Ефросиньи Михайловны вновь скрылся в канаве, а подружки пошли дальше.

К своей даче они могли пройти и задами, в их саду была калиточка на поле, но, поскольку надо было еще зайти за сумками к Борису Николаевичу, решили выйти на деревенскую улицу раньше, возле Школьного прудка: здесь был короткий, но вполне цивилизованный переулок, соединявший полевую дорогу с деревенской. Начальной школы в Оринке уже давно не было, даже фундамент от нее не сохранился — кто-то разобрал и увез для своего строительства, а вот прудик остался и даже сохранил название. Да еще каким-то чудом уцелела пышная изгородь из розовой спиреи, уже начинавшей зацветать. Окликнули убежавшего вперед Титаника, вышли на деревенскую улицу, и тут их ожидала новая встреча: из недостроенного двухэтажного дома напротив пруда вышел крупный и плотный мужчина в камуфляжной куртке.

— Здравствуйте, уважаемые соседки! С приездом!

— День добрый, Андрей Ильич! Как поживаете?

— Отлично! Разрешите доложить? За зиму никаких покушений на вашу дачу не было. Вот только Костика как-то раз захватил с дровами из вашего сарая. Заставил назад отнести.

— И он отнес? — удивилась Агния Львовна.

— А куда он денется? Отнес. Пошел Симин дом ломать на дрова. — Сима — это была их ориновская соседка со странностями: жила она в городе у детей, деревенским домом не пользовалась, но не желала его ни продавать, ни ремонтировать — так он и разваливался

на покое. Зато участок, на котором стоял дом, повышался в цене с каждым годом.

— А вообще зима прошла спокойно?

— Да не очень... Как я ни следил, а два ограбления все же произошли. Но оба на том конце деревни, я туда почти не заглядываю. А на этом конце никаких безобразий обнаружено не было.

— Спасибо вам большое, Андрей Ильич! С тех пор как вы тут поселились, в деревне жить стало гораздо спокойней, — поблагодарила его Агния Львовна.

— Если бы я еще не один за порядком следил, а и другие мужики мне помогали, так у нас бы вообще образцовая станица была!

Андрей Ильич, офицер в отставке и потомственный казак, мечтал превратить Оринку в казачью станицу. Он сам и его жена вступили в отряд петербургского казачества, и даже оба имели звания: он — урядника, а жена — хорунжего. Но больше в Оринке казаков пока не появилось, несмотря на его усиленную агитацию. Однако какой-то порядок в деревне Андрею Ильичу поддерживать удавалось. Он и зимой жил в Оринке, а вечерами с женой совершал обязательную прогулку-обход на своей половине деревни. Немногочисленная местная шпана, надо сказать, его побаивалась и уважала. Особенно после того, как он, застукав двух парней за ограблением чьей-то дачи, приволок обоих за шиворот к Школьному пруду и безжалостно бросил в холодную осеннюю воду; да еще и с полчаса не давал на берег выйти! А жена его стояла на берегу и уговаривала не вызывать по мобильному телефону милицию, погладить их на первый раз. «Андрюша, — умоляла она, — ведь на них все ограбления районные навесят, им меньше чем по пять лет не дадут!» «Вот пять лет и будем спокойно жить!» — отвечал непреклонный казак, но в конце концов пожалел парней и выпустил их из пруда. Вот с тех пор ограбления дач на этом конце деревни и прекратились. А на дальнем конце Оринки — случалось, там казаков не проживало.

— Кланяйтесь от нас супруге, Андрей Ильич! — сказала Лика Казимировна.

— Спасибо, передам. Ну, счастливого вам отдыха!

Они пошли дальше. Возле дома похитителя дров Костика их ожидала приятнейшая встреча — нет, не с Костиком, а со старой собакой Динкой! Она выскочила на них прямо сквозь ворота: в воротах

не хватало половины досок — видно, Костик пожег за зиму, — и завертелась, закрутила и хвостом, и задом, повизгивая от радости: они были старые друзья. Динке было уже лет десять, а это для собаки возраст солидный. Была она, конечно, собака беспородная, но ума фантастического даже для дворняжки.

— Здравствуй, здравствуй, Диночка! Здравствуй, хорошая собака! — погладила ее Агния Львовна.

— Титаник, Титаник, ты погляди, кто тебя встречает! — сказала Лика Казимировна. Титаник подошел к Динке, и они дружески обнюхались — узнали друг дружку.

— Приходи к нам, Дина, мы тебе косточек привезли! — пригласила Варвара Симеоновна, и они пошли дальше, а Динка вернулась в свой двор через насквозь проходные ворота.

Через дом от Костика жила толстушка-болтушка Зоя. Завидев идущих из окна, она тотчас выбежала на дорогу, обняла по очереди всех троих и скороговоркой выложила все деревенские новости. Но тараторила она так, что подруги поняли только самое главное: зимой скончался Анатолий Иванович, их добрый знакомый, запойный пьяница и труженик золотые руки в перерывах между запоями. О нем искренне пожалели и перекрестились с короткой молитвой.

А возле дома Оленьки остановились сами.

— Девочки, вы посмотрите, какая красота! — воскликнула Лика.

Прошлой осенью Оленька наняла экскаватор и вырыла перед домом прудок для поливки, на месте бывших картофельных грядок. Теперь берега прудка были обложены валунами, между ними были посажены цветы, к воде спускались кирпичные ступени, а к дому и огороду вели посыпанные песком дорожки. Сама хозяйка прудка как раз высаживала какие-то кустики.

— День добрый, Оленька! Что сажаете?

— Здравствуйте! С приездом! Да вот пионы белые купила: красные и розовые у меня уже есть, а белых не было.

— Красиво у вас стало.

— Ну! Надоело смотреть на картошку под окнами. Посадила пять борозд позади дома и хватит — лишь бы молодая картошка была. А на зиму куплю у фермера.

Поговорили и с Оленькой. Они ее с детства помнили — с Оленькиного детства: она дружила с сыновьями Агнии Львовны и

Варвары Симеоновны.

Наконец дошли до ворот Бориса Николаевича и сразу же увидели свои сумки, стоявшие возле машины, из-под которой уже торчали ноги соседа в легких тапочках.

Он высунул голову на стук калитки.

— А, это вы? Что так долго добирались?

— Мы бы еще дольше шли, если бы двинулись по деревне, — засмеялась Агния Львовна. — Поговорить-то с каждым встречным надо?

— А как же! Дело соседское, соскучились за зиму.

— Спасибо, Борис Николаевич, что подвезли наши сумки.

— Да не за что! — и голова ушла обратно под машину.

И вот она — их милая, милая дача! За деревьями и кустами дом почти не был виден, над зелеными листьями виднелась только крыша да верхняя часть дома. Открыли замок, отворили ворота и гуськом, с трепетом, молча, пошли к дому по узкой дорожке. Титаник важно шел впереди, обнюхивая кусты вдоль дорожки. Сумки оставили возле лестницы, что вела на высокое крыльцо: они разберут их позже — нагруженные сумки вверх по лестнице не поднять. Вошли на прогретую солнцем гостевую веранду, благоухающую черемухой, — на столе стоял кувшин с распустившимися ветками. Подошли к простенку, где висела литография иконы «Христос и дети», и Агния прочла молитву.

— Вот мы и дома, девочки! — сказала она.

— Аминь! — ответили «девочки», после чего каждая прошла в свою комнату и прилегла на свою постель. Они очень устали за дорогу, все-таки возраст... А Титаник, быстро обежав и обнюхав дом, вернулся на площадку высокого крыльца и улегся там на коврик — это было его законное дачное место.

Обед в этот день был поздний, но легкий: отварили картошку и сделали к ней салат из привезенных огурцов и помидоров. За водой идти в этот день им не пришлось: на кухне стояли два ведра с питьевой водой — Марк позаботился; он же натаскал воды в стоявший на крыльце большой старый бидон из-под молока — это была вода для хозяйственных нужд. Так что особых забот у старушек в этот день не было. Походили по саду, он уже отцветал, осмотрелись — и опять прилегли, опьянев от свежего воздуха.

А вечером в гости зашел Борис Николаевич. Пили чай на веранде, ужинали остатками салата и бутербродами. Потом Варвара взяла гитару и спела любимый подругами «Дачный вальс» собственного сочинения.

*Вот облетает старинный наш сад,
Белый, как будто заснеженный,
И лепестки, как снежинки, летят,
Белые, легкие, нежные.*

*Дни нашей жизни, как четки, скользят,
Старинные четки янтарные.
Жизнь удержать, словно четки, нельзя,
Так будем за все благодарны ей!*

*Дремлет цветами заснеженный сад
И облетает доверчиво.
Ах, не грусти, что цветы облетят,
Может быть, даже до вечера...*

История шестая

Грядки в клетку

Сегодня будет чудный день, — сказала Лика Казимировна. Агния Львовна и Варвара Симеоновна после завтрака собирались ехать в город за лекарствами, а Лика Казимировна и Титаник оставались хозяйничать на даче. — Я бы без вас поработала в саду, только не знаю, что надо делать, — добавила она неуверенно.

— Косу мою только не трогай! — сказала Варвара. — А так делай что хочешь.

— Ты можешь начать полоть грядки, Ликуня! — заметила Агния. — По-моему, уже пора.

Проводив подруг до половины деревни, Лика Казимировна с Титаником вернулись домой. Титаник начал носиться по саду, выслеживая и преследуя добычу — мух и бабочек, жуков и лягушек — кто попадется. Лика нашла в сарае садовые перчатки, скамеечку, чтобы работать сидя, а не внаклонку, корзинку для сорняков и отправилась на прополку. Подойдя к грядкам, она в испуге остановилась: все три длинные гряды были покрыты неровным ковром молодой зелени разных оттенков и формы, и где тут росли овощи, а где сорняки, было решительно не понятно. Как же она не догадалась спросить у Агуни, что там у нее посеяно на каждой грядке? Ну, теперь уже не догонишь и не спросишь... Она наклонилась, потрогала одну травинку, другую... Ага, вот эти, будто присыпанные крахмалом листочки — лебеда, ее она знает. Вот с лебеды и начнем! И она принялась вырывать сизые, искрящиеся на солнце стебельки. Пройдя всю грядку до конца, она оглянулась: результаты ее трудов были не заметны, грядка как была заросшей, так и осталась, хотя корзина наполнилась до половины. Что ей еще знакомо? Ну, крапива, конечно! Крапивы было немного, и ее она быстро выдергала. А дальше дело встало. Она задумалась. Потом отнесла сорняки на компостную кучу, вернулась и принялась выдергивать подряд все растения с одного края гряды. Уложив их аккуратно в корзину, она отправилась с ними через дорогу — к соседке Марье Васильевне, Марусе. Та оказалась дома: сидела на крылечке в

теплой зимней кофте и вязала носок. Лицо у нее было какое-то сероватое.

— Маруся, ты не заболела? Чего это ты сидишь, как древняя старушка, да еще и зимней работой занимаешься — носки вяжешь?

— А что мне еще делать? По телевизору сейчас ничего путного, сериал только через два часа начнется. А болеть я пока не болею, но скоро начну.

— С чего бы это вдруг?

— С тоски. Ты видишь, что у нас на участке творится?

— А что?

Лица огляделась. Порядок перед новым каменным домом, трехэтажным, с двумя верандами, террасой и мезонином, был отменный. На месте бывших картофельных и овощных грядок простирался ровный зеленый газон; по четырем его углам росли розовые кусты, под ними стояли новенькие скамейки на львиных лапах — под старину. В центре газона находился небольшой круглый бетонный бассейн со статуей голенького мальчика с гусем. Фонтан появился еще в прошлом году: если его включить, то из раскрытого гусяного клюва бьет струя воды. Но фонтан включали только при гостях — Марье Васильевне он был ни к чему: «Гоняет воду туда-обратно без толку!»

— Не пойму, что тебе не нравится, Маруся?

— А все! — сварливо ответила соседка. — Не участок, а срам! Ну, пойдем, что ли, чай пить?

— Некогда мне, Марусенька, чай распивать, меня работа ждет — грядки полоть надо.

— Грядки? Вот это дело! Так Наталья все посадила?

— Почему Наталья? Агуня сажала.

— Да? Странно... Я думала, Наталья.

— Да нет, ты что-то путаешь!

— Ничего я не путаю, сама ей семена давала. Я из ума пока не выжила. Хотя скоро выживу, наверное, с такими детьми...

— Да неужели тебя твои дети обижают, Маруся? Они у тебя всегда были такие любящие, заботливые!

— Вот-вот, от их заботы я, стало быть, и помру! Так что там у тебя с прополкой?

— Понимаешь, Маруся, — сказала Лика, садясь рядом с нею на крылечко, — начала я грядки полоть, а они так заросли, что я не разберу, где там овощи, а где сорняки. Вот, принесла тебе показать.

— Ну-ка, ну-ка... Да у тебя тут все вперемежку — трава, цветы и овощи!

— Цветы-то откуда на грядках взялись? Что-то ты опять путаешь, Маруся!

— Может, и путаю. Второй год не поляю, тут все позабыть можно. Руки от безделья скрючивать стало. Во, ты глянь! — И она сунула Лике под нос свои сработавшиеся за годы руки: мизинцы и безымянные пальцы на обеих руках и вправду были как-то неестественно пригнуты к ладоням. — Пошли к вам, на месте поглядим, что там у вас выросло!

— Вот спасибо тебе, Марусечка. Пришли на место.

— Ух и заросло! Да, в самый раз полоть начинать! — Маруся склонилась над грядкой. — Что тут тебе непонятно? Морковка тут у тебя!

— Я тоже так подумала, Маруся, но вот ты посмотри на эту морковку, почему это у нее ботва другого оттенка?

— Да потому, что это не морковка, а космея! А вот тут ноготки, а это васильки пробилась... А это вроде редиска... Тут вот настурция темная, а это настурция светлая.

— Овощи Агуня сажала, а вот цветы откуда взялись?

— Я ж тебе говорила про Наташку, а ты — «Путаешь, путаешь!» Я ей цветочных семян дала — она их и посадила. А потом вы приехали и по цветочным семенам овощи посеяли. Интересно, а куда же она георгины посадила? Я ей с десятков дала, сортовых, разных...

— И что же теперь делать, Марусечка? — перебила ее Лика. — Я ведь девочкам обещала грядки прополоть...

— Перво-наперво их и надо прополоть, а потом проредить и уже после решать, что от чего пересаживать — цветы от овощей или овощи от цветов.

— Ну, это уж пускай Агуня решает, мне бы только с прополкой справиться.

— Справишься! Я тебе помогу, все равно делать нечего.

— Ой, спасибо, Марусечка! Я сейчас принесу тебе скамеечку и перчатки.

— Неси! Раньше-то я голыми руками полола, а нынче от безделья руки стали мягкие, как подушки, белые. Даже под ногтями бело — не руки, а позорище! И скамеечку тащи — я внаклонку с отвычки полоть боюсь, еще голова закружится.

Соседки сели на скамеечки друг против дружки и принялись за работу. Они дергали, дергали и дергали сорняки, складывая их в кучи, потом относили в компост. Ну и разговаривали за работой, конечно.

— Сто лет была деревня как деревня, а теперь ей конец приходит, — сказала Марья Васильевна.

— Не сто лет — гораздо больше! — возразила ей Лика Казимировна. — Оринка старше Петербурга на несколько столетий.

— Да я помню, вы еще в детстве про древность Оринки всем нам уши прожужжали... А теперь — все, нет больше Оринки!

— Как это «нет»? Куда это она вдруг подевалась?

— А куда подевались коровы?

— Какие коровы?

— Наши деревенские коровы! Ты помнишь, какое было ориновское стадо, когда мы были девчонками? Бывало, гонят стадо, а нам с тобой надо друг к дружке дорогу перебежать — так стоишь, стоишь, ждешь, пока все стадо пройдет... А теперь где они все — коровы, овечки, козочки?

— У Капитолины Николаевны есть корова, у Зайцевых — две козы. И у фермеров пять коров и стадо овец.

— Вот фермерам Капа свою корову и продала — чтобы навещать можно было. А фермеры — они не наши, они азербайджанцы. Еще неизвестно, останутся ли они тут жить. Они не деревенские!

— Зато у них можно брать молоко и творог.

— Я не о них, я о деревне беспокоюсь. А какие у нас раньше огороды были, помнишь?

— Ну да — картошка под самые окна.

— Зато хватало картошки всем на всю зиму.

— Марусь, ну вы же не сидите зимой без картошки?

— Не сидим. Потому что деньги есть.

— Вот видишь! А раньше картошка была нужна, потому что денег у людей было меньше, не все могли на рынке или в магазине картошку покупать. Вот и сажали кто сколько может. У нас между рядами яблонь везде грядки были, да еще и за забором участочек. А каково было ее

сажать-копать-окучивать? Мне, знаешь, нравится, что вместо картошки люди стали сажать овощи и цветы.

— Вот вы и насадили вперемежку — цветы и овощи.

Ли́ка не стала спорить с очевидностью, зеленевшей перед нею на грядке. Некоторое время пололи молча.

— С деньгами тоже все стало вовсе непонятно! — начала новую тему Маруся. — Вот рассуди сама. Сватья моя и тетка Мария Павловна, ну мать моей невестки Марины, была директором Стройбанка. Когда мой Степан с Мариной поженились, мы еще клин под картошку за забором раскопали, чтобы и на них хватало до весны. А зарплата у сватьи была почти две тысячи рублей, хорошие деньги по-тогдашнему. Но без своей картошки прожить было бы трудно. После реформы стало двести. Это уж вроде как меньше, чем две тыщи старыми, для того реформа и проводилась. И жили они в двухкомнатной квартире. Дальше слушай! Мариночка наша финансово-экономический закончила, где и Мария Павловна училась когда-то, и мать ее в Стройбанк, конечно, устроила. Постепенно она по службе продвигалась, с помощью матери, само собой, и вот к началу перестройки стала она начальником отдела Стройбанка. И получать она стала полтораста, только не рублей, а долларов, а через десять лет зарплата ее вдесятеро выросла — полторы тысячи долларов! Это ж с ума сойти и вовек не потратить! Машина, трехкомнатная квартира и все такое. Коровушку мою заставили меня продать, только козочку разрешили оставить — это чтобы с сеном мне не помогать, не возиться. И картофельный участок за забором бросили, да и на усадьбе стали под нее только половину земли распахивать, а остальное под грядки и парники пустили... Ты слушай дальше! Сына своего, моего внука Александра, тоже отдали учиться в финансово-экономический. Закончил он его и стал просто рядовым сотрудником все того же Стройбанка, вроде как бухгалтером. Ты знаешь, Ли́ка, сколько он теперь получает? Три тысячи долларов! Дом решили ставить каменный, а картошка моя им, видите ли, строить мешала.

Затоптали, изгваздали землю машинами, а потом распахали и газон засеяли. Английский, понимаешь! Вот и объясни мне, подружка моя Ли́ка, как же это получается, что простой бухгалтер теперь имеет больше, чем имела его мать — начальник отдела, а та больше, чем

раньше директор банка? Что это за жизнь такая пошла, вся перевернутая с ног на голову?

— Наверное, этому есть какое-то объяснение. Ты бы у детей спросила.

— Они все объяснят! Им-то все это по вкусу, и такая жизнь им нравится. А картошка, выходит, никому теперь не нужна! И я, получается, тоже не очень нужна... Вот тебе и все объяснение нынешней жизни — лишние мы в ней.

— Марусь, ну ты же не из-за картошки им раньше нужна была? Они тебя просто любили и любят!

— Может, ты и права, Лика. А только с картошкой — оно как-то надежней было...

— Глупости! Не нужна им твоя картошка, ты им нужна!

— Ты думаешь?

— Уверена!

— А мне вот нужна и картошка, и огурцы, и все вообще овощи...

— Для еды?

— И для еды тоже. Свой огуречик разве не слаще покупного?

— Да это ведь баловство, Маруся!

— Ну и что? Разве дети не должны баловать родителей, когда те состарятся?

— Должны. Вот ты им и объясни это.

— Им объяснишь...

— А ты пробовала?

Маруся замолчала. Не пробовала она ничего детям объяснять, она только спорила, доказывая, что раньше лучше было... Она и сейчас ни с того ни с сего вдруг сказала:

— Трудно стало жить нам, пенсионерам! Лика Казимировна так и села на грядку.

— Маруська, побойся Бога! С чего это тебе-то трудно стало жить? Тебе все помогают — и дети, и внуки, и племянник с племянницей. трехэтажный каменный отгрохали, а кто в нем живет?

— Все живут, это их дом...

— Это по выходным — живут? А зимой кто тут на свежем воздухе блаженствует, в сельском доме с отоплением и горячей водой — не ты ли?

— Надо же, чтобы кто-то в доме был, а то ограбят.

— А, так ты у них за сторожа? Будто у тебя в городе своей комнаты нет!

— Да ну его, город этот! Я уж как после пенсии в Оринку перебралась, так тут и останусь, пока не подойдет время под горку переезжать. — Под ориновской грядой было местное кладбище.

— Не хорони себя прежде времени, Марусечка! Примета плохая.

— А говорят — хорошая... Помолчали.

— А вот все равно — пенсионерам трудно, — решила продолжить тему Маруся.

— Хорошо. Скажи мне, какая у тебя пенсия?

— А я знаю? — удивилась Маруся. — Глупости спрашиваешь — пенсия-то на сберкнижку идет, ну я оттуда и беру сколько мне надо. Телевизор вон новый купила, с плоским экраном. А за пенсией разве уследишь? Она же несколько раз в году меняется!

— Маруся, а я вот все изменения прослеживаю, и пенсию свою до копеечки помню. Потому что ни детей, ни внуков у меня нет, и надо на себя рассчитывать. Но и я не живу на одну пенсию — я стихами подрабатываю.

— Это хорошо тому, кто стишки сочинять умеет: «С днем рожденья поздравляем, много счастья вам желаем!» Тебе, вот давно хочу спросить, сколько за стишок платят?

— Полтинник за строчку.

— Это всего два рубля за куплет получается?

— Да нет, Маруся, полтинник — это пятьдесят рублей.

— А-а... Ну это еще куда ни шло. А вот что бы ты делала, если бы стишки не умела сочинять?

— Я бы с детками сидела.

— То есть в няньки бы пошла?

— Нет, няней я бы уже не смогла работать, годы не те. А вот посидеть с ребенком три-четыре часа, пока родители ходят в кино или в гости, — с этим я бы справилась.

— А за это сколько платят?

— Сто пятьдесят рублей за час, я слыхала.

— Получается, что за день одинокая старушка может почти тысячу рублей заработать?

— Получается, так. Посидишь в выходные с детьми — и вот тебе приработок к пенсии.

— Да нет, Лика! А как же старушки, которые в метро с протянутой рукой стоят?

— Не знаю, Маруся. Я думаю, это такой бизнес.

— У старух — бизнес?

— Думаю, не их бизнес. Это бизнес тех, кто их в метро расставляет и просить заставляет.

— А... Ну вот видишь — все-таки получается, что трудно стало нам жить, пенсионерам! Особенно одиноким, которых могут какие-то бандюги заставить с протянутой рукой стоять.

— Я одинокая пенсионерка. Конечно, не считая подруг и собаки. Но я же не стою с протянутой рукой! Я даже и бэбиситером не работаю и собак не выгуливаю — тоже, кстати, работа.

— А за это сколько платят?

— Я платила шестьсот рублей в месяц, но это с меня по знакомству так мало брали. — Лика улыбнулась, вспомнив своего «собачьего няня» Иннокентия, чья тяжелая судьба вдруг так счастливо остановилась в своем скольжении в пропасть, развернулась и покатила обратно на горку — и не без ее, между прочим, участия! Но, устыдившись этой последней мыслишки, Лика вслух ничего не сказала.

— Нет, собак прогуливать — это не работа! — отмахнулась Маруся. — Но я бы и с детьми сидеть уже не смогла... Следить за ними, стирать, кормить... И тяжело, и ответственность какая!

— А разве твоих внуков в этом году тебе не привезут на каникулы?

— Привезут, конечно. Так ведь это свои!

— Маруся, бабушка в семье все те же обязанности няни выполняет — охотно и за бесплатно! И зато она не считает свою мизерную пенсию и не думает, как ей концы с концами свести. Так вот все в семье, как в природе, взаимосвязано.

— А почему ж не все старики в семьях живут?

— А потому, что либо у них нет ее, семьи, либо они в семье не уживаются. Отвыкли, пока жили налегке, для себя. Либо беда, либо вина.

— А тут вот ты права! Сестрица моя Ирина все абортыв делала, чтобы дети им с мужем не мешали жить в свое удовольствие. А как

муж умер, да осталась она одна жить на свою пенсию, так и загоревала...

— Денег не хватает?

— Денег у нее как раз хватает. Она свою квартиру завещала одной будто бы благотворительной организации: они ей доплачивают как бы вторую пенсию, а после ее смерти квартира им отойдет.

— Так чего ж она боится?

— Два у нее страха Во-первых, боится, чтобы не поторопили эти благодетели ее смерть.

— Такое бывает, говорят.

— Бывает... А второй ее страх — дети убитые по ночам к ней приходят.

— Ужас какой! Они что, проклинаят ее?

— Хуже, Ликуня, в тысячу раз хуже! Они ее жалеют. Плачут и говорят: «Бедная ты наша мамочка! Вот если бы ты нас не убила, жила бы сейчас с нами, мы бы о тебе заботились...»

Маруся села на грядку и заплакала.

— Не надо, Марусенька, не плачь!

— Так ведь жалко же!

— Кого? Деток, убитых нерожденными, или сестру?

— Всех! Я уж ее, несчастную, успокаиваю как умею, говорю ей: «Дети тоже всякие бывают! И при живых детях старики нищенствуют!». А сама думаю: как воспитаешь — так и проживешь в старости, сколько отдашь — столько и получишь. Мы растим детей и внуков и не думаем про это, а потом глядь — жизнь-то уже баланс подводит! Бедная моя Иришка!

— Полно, полно, Марусенька. Господь милостив: может, тем, кто при коммунистическом режиме родился, вырос и жил, по грехам какое-то снисхождение будет... Это ж большевики делали все, чтобы уничтожить семью.

— Все на большевиков ведь не спишешь, подружка! Большевики долго семью разрушали, и все это не удавалось. — Маруся успокоилась и вытерла слезы фартуком. — Ты вспомни, Ликуня, как жили ленинградцы после войны! В коммуналках, без горячей воды, без ванн, по пять-семь человек в комнате, а для тетушки или бабушки хоть уголок за шкафом, но находился. В старческих домах действительно только сирые старики жили. А сейчас при живых детях порой живут!

— Случается.

— А ты вот жалеешь теперь, что не вышла замуж, Лика?

— Как тебе сказать, Маруся... Раньше я хотела выйти замуж, да все как-то не складывалось. За мной все поэты, художники да музыканты ухаживали, а они народ ненадежный. Ну и все казалось, что я еще молода и хороша собой, что настоящее мое счастье — впереди. А впереди-то оказалась одна только старость. И если бы не подружки мои, то одинокая старость.

— А старичка какого-нибудь подходящего не пробовала найти?

— Где ж его найдешь — подходящего.

— Так по объявлению! Ты же в Интернет выходишь, а там много всяких объявлений.

— Фу, стыд какой — жениха по объявлению искать на старости лет! Да меня подружки засмеют! Браки совершаются на небесах, а не в Интернете! А ты что, Маруся, тоже в Интернет заглядываешь?

— Да Господь с тобой! С меня телевизора и видика во как хватает: чуть голова не в порядке — кнопки путаются, и такая нервотрепка начинается! Это ты в Интернете как у себя дома.

— Это же мой хлеб, Маруся.

— Ну да, ты стихами зарабатываешь. А что бы тебе в перерыве между стихами женишка приискать по душе? Нашла бы себе друга, а там, глядишь, что-нибудь бы и сложилось...

— Есть у меня друг в Интернете, Маруся. На сайте куртуазной поэзии.

— Это что — «куртуазная» поэзия?

— Утонченная, изысканная.

— Не для всех, значит?

— Вроде того. Мы стихами обмениваемся с моим другом виртуальным.

— Это фамилия у него — Виртуальный? Несерьезная какая-то фамилия, ты смотри там, осторожней...

— Нет, Маруся, «виртуальный друг» — это такой не совсем настоящий друг, который существует только в Интернете, в виртуальном пространстве.

— Так его что, на самом деле и нет, что ли?

— Нет, он есть, конечно, но в жизни он наверняка совсем другой. Как и я.

— И какая же ты там, в пространстве этом верти?..

— Виртуальном. Ну, я-то уж точно не такая, как на самом деле. Меня там зовут Орхидея Нежная, я там вся такая таинственная, загадочная, изысканная.

— А он какой?

— Тоже достаточно изысканный и в меру загадочный. Мы с ним пишем друг другу длинные письма, иногда в стихах. Стихи у него хорошие. Особенно те, которые он мне посвящает.

— О, у вас уже и до стихов дошло! А познакомиться в жизни слабо?

— Слабо, Марусенька. Жизнь — она, знаешь ли, обязывает. Да и разочароваться друг в друге не хочется.

— Это ты зря. Познакомились бы, а вдруг... Конечно, два старика — это еще не семья, но все-таки...

— А с чего ты взяла, что он старик?

— А разве нет?

— Не знаю... Мы, правда, любим одни и те же стихи и книги.

— Видишь! Ну так и надо познакомиться, чего тянуть-то?

— Ах, Марусенька, я столько разочарований перенесла в жизни, что еще одно на склоне лет... Давай не будем об этом!

— Как скажешь, кума, тебе жить. Только кажется мне, что в семье жить все-таки лучше. Вот взять моих детей и внуков. Хоть они и не слушаются меня никто, но с ними как-то веселее... Да и надежнее!

— Конечно, дети надежнее, чем государственная пенсия. Или приработок мой — стишки писать...

Они надолго замолчали, дергая сорняки. Потом Маруся вдруг вспомнила:

— Ох, сериал-то свой я сегодня пропустила! Ну да шут с ним... Последние известия лишь бы не пропустить. Как это вы живете без телевизора?

— Ну, это только на даче... В городе у нас есть телевизоры, мы иногда что-то посмотрим.

— Иногда?

— Ну не каждый же день смотреть все подряд!

— Как это — не каждый день? А новости? Новости — они ж каждый день разные!

— Да уж будто бы?

— Ну да! Вчера показывали землетрясение в Мексике, а сегодня с утра — последствия тайфуна на Филиппинах и взрыв в испанском супермаркете.

— Безумно актуальные и важные для тебя новости! Ты что, Маша, собираешься помогать жертвам тайфуна на Филиппинах?

— Да нет, конечно...

— Ты такую тяжелую жизнь прожила, Маша, столько бед перенесла — зачем тебе еще смотреть на чужие беды?

— Ну... чтобы в курсе новостей быть!

— Взрывы и землетрясения — это не новости, а происшествия. Ими должны заниматься те, кого это касается по службе — спасатели и полицейские. Зачем тебе видеть горе людей, которым ты не можешь помочь? Грех это — любопытство к чужой беде.

— Верно, грех... Да ведь делать-то мне все равно нечего! Только телевизор и остался!

— Смотри программу «Культура» или православный канал «Спас».

— Там думать надо, напрягаться. А тут сиди себе и сиди, чаек попивай, а тебе все покажут и расскажут, подскажут, что думать. И время пройдет незаметно!

— Оно не пройдет, Марусенька, а уйдет безвозвратно и даром.

— Ох, ты права, ты сто раз права, Ликуня! Ведь у меня как? Утром встану, халат накину, кой-как умоюсь — и к телевизору. Ну точно как раньше к корове вставала — ватник накинешь да бежишь — как там моя буренушка? А уж потом чай себе сделаешь, бутерброд — и так и завтракаешь, не за столом, а перед ящиком этим.

— Помолиться-то хоть успеваешь?

— Да какое там!

— Это нехорошо, Маруся!

— Да уж что тут хорошего... Но ведь как утренний сериал пропустить? Выкинуть бы ящик этот, а страшно — а ну как без него с тоски взвоешь? Вот что безработица с людьми-то делает!

— Какая безработица, Маруся?

— Да моя безработица!

Лица согласилась, что безработица — страшная вещь.

Потом они перешли к обсуждению деревенских новостей: сколько еще новых домов строят ориновцы, и по какой причине сгорели два

дома — на одном конце деревни и на другом, кто купил машину и гараж построил, а кто спился окончательно.

Закончили они прополку. И что же оказалось? Все три грядки были в зеленую клетку!

Маруся постояла, оглядела их и объявила:

— Все ясно! Вдоль посеяны цветы, а поперек — овощи! Что будем оставлять?

— Все оставим.

— Так проредить-то все равно надо!

— А вот Агуня с Варешкой вернутся из города — тогда и проредим.

— Завтра?

— Если они не очень устанут и дождя не будет, то можно и завтра.

— Ладно. В таком случае мне надо бежать.

— Сериал свой смотреть?

— А, да ну его, сериал этот! У меня теперь дело поважнее сериала есть! Завтра расскажу и покажу тебе, что я задумала А ты как встанешь и позавтракаешь, загляни ко мне, ладно?

— Загляну. А ты не останешься со мной пообедать?

— Нет, уж прости! некогда мне!

Маруся ушла, отказавшись даже и от чая, — случай небывалый, чай пить в Оринке любили все и делали это с чувством и подолгу: чаепитие в Оринке было не столько удовольствием, сколько средством общения.

«Все-таки, наверное, к телевизору своему побежала, соскучилась!» — подумала Лика Казимировна, но была она не права в своих подозрениях, что выяснилось позже.

Покормив Титаника, она пообедала сама, потом они оба прилегли отдохнуть на диванчике на веранде, а после отправились гулять в поля. Вернулись и сразу улеглись спать. Но уснуть Лике Казимировне долго не удавалось: почти до полуночи неподалеку тарахтел не то трактор, не то культиватор — спать не давал...

Агния Львовна и Варвара Симеоновна возвратились рано утром одной из самых первых электричек.

— Я бы еще поспала, — сказала Агния Львовна, — но Варешка торопила: «Вставай, лежебока! Летний день в деревне бережет

здоровье на зимнюю неделю в городе, нечего его пропускать!»
Пришлось вставать и ехать.

— Вот и хорошо, что приехали.

— Скучала без нас?

— Нет, не успела: мы с Марусей наши грядки пололи. Получились какие-то клетчатые грядки. Теперь их надо прореживать. Пойдемте, поглядите нашу работу!

Пошли смотреть работу.

— Вдоль — цветы, а поперек — овощи, — со знанием дела пояснила Лика.

— Что-то непонятное, — сказала Агния.

— Чушь какая-то выросла! — сказала Варвара. Она наклонилась поближе к зеленым клеткам. — Ой, Агуня, а ведь и вправду: вот так — цветы, а вот так — овощи! С ума сойти!

— Теперь, девочки, сами решайте, что оставим — цветы или овощи.

— Конечно, овощи! — сказала Агния Львовна.

— Разумеется, цветы! — возразила Варвара Симеоновна.

И обе они с ожиданием уставились на Лику Казимировну. Еще с детских лет у них установился непреложный закон: если мнения двух подруг расходились, то решающее слово принадлежало третьей, и, как правило, это была Лика, ни в каком споре не поспевавшая сказать первое или второе слово. К тому же она была самой уступчивой и умела найти примиряющее решение. Так вышло и на этот раз.

— Девочки, давайте не принимать поспешных решений, — сказала она миротворческим голосом. — Будем решать проблемы по мере их поступления. Сейчас ведь надо что делать? — Она оглядела подруг и сама ответила: — Сейчас надо провести прореживание всходов! Так?

— Так! Верно говоришь, Лика! — раздался позади них решительный голос. Из-за угла дома появилась Марья Васильевна. Она была в полной огородной экипировке: холщевый комбинезон, поверх фартук с большими карманами, на руке — корзина, а на голове — старая помятая соломенная шляпа. — А лишнюю рассаду я заберу. Я вам и прореживать грядки помогу.

— Здравствуй, Маруся! — сказала Варвара. — А зачем тебе рассада? У тебя же нет теперь огорода.

— У вас такой замечательный английский газон, — воскликнула Агния.

— Был у нас английский газон! Был, да весь вышел! — уперев в бок свободную руку, объявила Маруся. — Перепахала я его. И теперь мне нужно много рассады: я всю лишнюю у вас заберу, еще и не хватит, подкупать придется...

— Как так — перепахала? — удивилась Лика. — Вчера еще были газон и фонтан с мальчиком... и с гусем...

— Фонтан остался, гусь тоже, — успокоила ее Маруся. — Айда посмотреть мой огород!

И все гуськом отправились через дорогу посмотреть огород Маруси. Увидели и ахнули. От восхитительного английского газона осталась только небольшая круглая полянка вокруг фонтана, куда были снесены скамейки, стоявшие прежде в разных углах участка. От этого оазиса бывшего великолепия радиально расходились дорожки, слегка посыпанные песочком, а между ними располагались секторами... грядки или куртинки? — в общем, хорошо вспаханная и обработанная свежая земля.

— Маруся! Что же ты натворила? Где ваш изумительный газон? — воскликнула Лика.

— А ну его! Вот пусть что хотят со мной делают, а уж в это лето будет у меня огород как у людей и нормальная человеческая жизнь. А хотят газоны вместо моего огорода — пусть устраивают меня в старческий дом.

— Да ладно тебе, кто ж тебя отпустит в старческий дом? — засмеялась Лика. — Но ты мне скажи, когда ты все это успела вскопать?

— Это наш АбрамОвич мне все обработал своим культиватором.

— А почему у тебя грядки такой странной формы?

— Чтобы дети не сразу догадались, что тут такое.

— А что тут такое?

— Я же говорю — огород.

— И что же ты тут сажать собираешься, Маша? — спросила Варвара.

— А все подряд! Что там у вас есть на прореживание, то и посажу!

— Овощи?

— И цветы. Для моих детей это будет цветник, а по правде — огород. Поближе к дорожкам и к фонтану я посажу одни цветы, а дальше — цветы попеременно с овощами. Мои-то уже позабыли, как выглядят молодые ростки, — ну, поначалу они и не разберут. «Хоть цветы-то мне оставьте!» — скажу я им. А потом, когда овощи вырастут, они уже привыкнут, что они цветам не мешают.

— Ловко придумано! — засмеялась Варвара.

— Просто замечательно! — поддержала ее Агния.

— Маруся, ты гений! — обрадовалась Лика и повернулась к подругам: — Девочки, вот же оно, решение нашей проблемы!

— А какая у вас проблема? — заинтересовалась Маруся.

Ей рассказали, что никак не могут выбрать между овощами и цветами.

— Верно рассудила Лика! — сказала Маруся. — Вам надо делать то же, что я. Учитесь, девки!

* * *

К концу июня оба цветника пылали всеми оттенками радуги. Но, конечно, цветник Маруси был куда великолепнее трех скромных куртинок подруг. Приезжали к Марье Васильевне гости и хвалили роскошный цветник со скромным газончиком вокруг фонтана. Слушая их восторги, дети и внуки Марьи Васильевны начали понемногу успокаиваться: «Ну что делать, если мама не может без своих сельхозработ? А цветник и вправду хорош! Пусть остается пока...»

В конце июля посаженные между цветами овощи стали обнаруживать себя плодами, и тогда молодыми было решено, что это гораздо оригинальнее, чем отдельный огород. К тому же урожай овощей, зреющих между цветами, почему-то оказался гораздо обильнее, чем у соседей, сохранивших обычные огороды. Тля вовсе не заводилась на овощах, растущих между ноготками и бархатцами; помидоры на ореховых опорах, обвитых плетями настурций, не тронула зловещая фитофтора; огурцы, взявшие новую привычку карабкаться вверх по стволам подсолнухов, были крепкие, сладкие и совершенно без всякой горечи, а когда на ориновские картофельные делянки напал колорадский жук, он почему-то совсем не тронул

упрятанный между георгинами картофель Марьи Васильевны, видимо, не нашел. Правда, там рос еще декоративный красный и желтый тысячелистник, и Маруся подозревала, что жуков не пропустил к картошке именно он.

Но и десять картофельных кустов на грядках подруг дали невиданный урожай — с одного куста подкапывали картошку обедов на пять. Хватало и огурцов, и помидоров, а уж о зелени к столу нечего было и говорить: целые букеты ее ставились на обеденный стол на гостевой веранде. А ближе к осени в саду Пчелинцевых обнаружилось еще одно чудо: старая компостная куча вдруг превратилась в роскошную клумбу-горку георгинов, и почти все цветы величиной были почти с тарелку! Внучка Агнии Львовны Наталья, заявившись как-то на дачу с друзьями, нахально заявила бабушке:

— А здорово это у меня получилось — цивилизовать цветами ваш скучный огород! А не пойти ли мне учиться на садовода, как ты думаешь, Булочка?

— Думаю, что, чем бы ты ни занималась, ты сумеешь в любом деле устроить революцию!

* * *

А потом тихими неспешными шагами, роняя первые желтые березовые листочки, подошла осень. И вот уже сделаны запасы на зиму, собраны яблоки, отошли в лесу грибы, и подруги стали собираться домой, в город. Накануне отъезда по традиции устроили на веранде прощальный чай, пригласили соседей — Юлию и Бориса Николаевичей, Марью Васильевну, Олечку, болтушку Зою и лихую казачью пару. Варвара Симеоновна спела традиционный «Дачный вальс» — осенний его вариант.

*Осень пришла и считает листы
Летней законченной повести:
Как же бесхитростны, как же просты
Радости наши и горести!*

Вот и пришел наги задумчивый час—

*До новой весны расставанье:
Мы ведь не ведаем, кто там из нас
Не придет к тебе на свиданье.*

*Но ты не печалься, любимый наш сад,
Спи-засыпай без сомнения:
Мы, если сможем, вернемся назад
В добрые сроки весенние...*

История седьмая

Последние цветы

Ли́ка Казимировна Ленартович, как тут уже где-то говорилось, подрабатывала к пенсии писанием стихов и была официально зарегистрирована на сайте «Поэзия на все случаи жизни» в качестве автора. Но не подумайте, что она просто посылала туда свои произведения, о нет! Она писала стихи по индивидуальным заказам. Это была серьезная работа и совсем не легкая. На сайт приходил заказ на стихи «к случаю»: поздравление к свадьбе и юбилею, с днем рождения и с новорожденным, и с новосельем — всего не перечислишь; в заказе назывались имена и какие-то личные особенности тех, кому эти поздравления предназначались, а поэт, которому отсылался заказ, должен был сочинить стихи таким образом, чтобы герой легко узнавался и ему было приятно. Ну вот, к примеру.

*Мы помним День Бородина.
Его встречает вся родня.
Ведь он у нас такой один —
Иван Петрович Бородин!*

Заказчик указывал число строк или четверостиший, потому что оплата производилась построчно: одна четверть оплаты шла владельцам сайта, а три четверти получал поэт. В том числе Ли́ка Казимировна. Эти гонорары были серьезным подспорьем к ее небольшой пенсии, именно благодаря им Ли́ка могла содержать Интернет и Титаника. Ну, а раз уж она через Интернет зарабатывала, то она позволяла себе роскошь посещать и настоящий поэтический форум, куда посылала стихи, написанные уже не на заказ, а от души. Сайт носил изысканное название «Кастальский ключ», и понятно, что только литературно образованный человек мог соблазниться таким названием.

На форуме «тусовались» поэты различных направлений, и в том числе группа «куртуазных поэтов», к которым принадлежала Ли́ка

Казимировна. Впрочем, публиковалась она под псевдонимом (по-интернетски — «ником») Орхидея Нежная, а в качестве аватара (это такая картинка, которая помещается рядом с ником) вместо портрета у нее была помещена фотография розовой орхидеи. Стихи она писала изысканные, соответственно направлению. Например, такие:

*Вдали растаяла Альгамбра,
От слез кружится голова,
Но мне уже до канделябра
Твои прощальные слова!*

Или вот еще такие:

*Наш бедный сад совсем заглох,
Зарос бурьяном, снытью, пижмой.
На днях я зацетилась фижмой
За пурпурный чертополох.*

*Я уронила свой парик
В фонтан, но он сухим остался,
Поскольку бег струи прервался —
Иссяк питающий родник.*

Подружки, Агния с Варварой, над куртуазными стихами Лики потешались вовсю, но ее это не особенно волновало: на форуме «Кастальский ключ» они пользовались неизменным успехом. Более того, Орхидею Нежную форумчане любили, к ее мнению прислушивались, с нею делились бедами и радостями. Впрочем, когда к ней обращались за советом по житейским делам, она бежала к Агнии Львовне и спрашивала у нее, запоминала ответ и затем выкладывала его на форуме.

Однажды на форуме появился новый поэт, выступивший под псевдонимом Парсифаль. Он писал рыцарские стихи.

*Плащ мой вьется за спиною,
Панцирь блещет на груди.
Просишь ты: «Побудь со мною!»
Плачешь ты: «Не уходи!»*

*«О прекрасная маркиза, —
Мой ответ ей был суров,
Ради твоего каприза
Долг забыть я не готов».*

*Позвала меня идея,
Я умчался на коне.
Но росой орхидея
Тихо плачет обо мне.*

Прочтя эти вирши, Лика Казимировна, она же Орхидея Нежная, тихо вскрикнула и схватилась за сердце. Потом выпила корвалолчику, успокоилась, села за клавиатуру и в очередные стихи о разлуке с вечно куда-то отъезжающим возлюбленным вставила следующие строфы:

*От печали я вся холодею
И схожу потихоньку с ума:
На прощание орхидею
Я ему подарила сама!*

*Видно, годы еще мне терзаться,
Вспоминая свой глупый каприз:
Что бы. стоило мне догадаться
Подарить ему кипарис?*

*Проезжая долиной нездешней
Он, конечно, забыл про меня,
Уронив мой цветок почерневший
Под копыта родного коня.*

С замиранием сердца трепещущая Орхидея выложила сии вирши на сайте. И ответ пришел незамедлительно.

*В летучем войске Бодуэна
Я был и рыцарь, и пиит.
И замирала Ойкумена
От звуков песен и копыт.*

*Но пораженья и успехи
Чередовались у меня:
Утратил я свои доспехи,
И даже потерял коня!*

*Но твой подарок — орхидея
Мне одному принадлежит.
И никакого прохиндея
Рука сей дар не осквернит.*

*Не сохранить ни шарф, ни вымпел,
Но дар твой вечен под луной:
Я высушил цветок и выпил,
Его настой всегда со мной.*

*Пусть я лечу, палимый жаждой,
К очередному миражу,
Но я молекулою каждой
Тебе одной принадлежу!*

Орхидея что-то там пролепетала в ответ — и Парсифаль опять ей ответил точно в тон. И так они перекидывались изысканными стихами, словно играли в порхающий волан, и, похоже, оба этой игрой безмерно наслаждались. Но вот однажды Парсифаль намекнул — о, только намекнул! — что не худо бы им встретиться «в реале», то есть не в Интернете, а в жизни. Они могли бы, писал он, встретиться где-нибудь в городе: сходить в кафе, поговорить, почитать друг другу стихи. К этому времени уже выяснилось, что оба они живут в Петербурге: он — на набережной Невы, а она — возле Музея Арктики. Лика Казимировна заволновалась, перепуталась и кинулась за советом к подружкам.

— Ой, девочки, что же мне теперь делать?

— А что тут особенного? Назначь свиданье, сходи на него и познакомься, — сказала Агния.

— А если это совсем молодой человек? Увидит меня и станет хохотать. Мне потом будет и на форум не выйти!

— Не глупи, Лика! — засмеялась Агния. — Ну, какой современный молодой человек знает, что такое Ойкумена и кто такой король Бодуэн? Скорее всего, он твой ровесник или чуть младше.

— И может, это твоя судьба! — не без ехидцы ввернула Варвара.

— Ты, Варежка, всегда так говоришь, стоит только у меня появиться поклоннику! — обиделась Лика.

— Не говорю, а говорила. Ты вспомни, голубка моя, когда тебе последний раз назначали свиданье?

— Лет пятнадцать назад, наверное... — с лирическим вздохом сказала Лика. Варвара хмыкнула, а Лика вспыхнула: — Ах, да не помню я когда! Что ты мне все время напоминаешь о моем возрасте, Варежка? Это не великодушно! Я всего на год старше тебя!

— Да нет, ты гораздо, гораздо младше меня! Какие-то романтические игры затеваешь, поклонников заводишь, а потом пугаешься и бежишь к нам за советом. Признавайся, ты уже согласилась на свиданье?

— Согласилась... — убитым голосом сказала Лика и виновато опустила белую пушистую головку.

— Ну, так я и знала! Вот дурища... Ты что, отказать не могла?

— Мне не хотелось обижать хорошего человека...

— Она и в молодости всегда так делала: назначит свиданье, а потом струсит, — с улыбкой сказала Агния Львовна. — Ты вспомни, Варенька, сколько раз нам с тобой приходилось за нее на эти свиданья ходить и разбираться с ее ухажерами!

— И все без толку — так нам и не удалось спихнуть ее замуж. Ей всегда хватало одной романтики. А расхлебывали, между прочим, мы с тобой!

— Ой, девочки! Правильно! Это выход! Спасибо тебе, Агуня, ты настоящая подруга!

— Ты чего это «взыграла радостью», Ангелина? — подозрительно спросила Агния Львовна.

— А ты что, не понимаешь? — усмехнулась Варвара Симеоновна. — Она хочет по старой памяти отправить на свое свиданье одну из нас — посмотреть на ее поклонника и дать ему мягкий, но решительный от ворот поворот.

— Да, Варешка, да! — прижимая руки к груди, сказала трепетная Орхидея. — Это же выход, правда, девочки?

— Ну нет! — сказала, покачав головой, Агния Львовна. — Это вы, пожалуйста, без меня! У меня уже правнук родился, а я стану на свиданья бегать, посмешище из себя строить? Да ни за что на свете.

— Варешка, ну ты-то меня выручишь? — заканючила струсившая Орхидея. — Ты только объясни человеку, что я уже старушка, что мне кроме стихов ничего не надо, что я просто увлеклась, ну, заигралась...

— Да уж нашла бы что сказать, если бы пошла. Только я ведь не пойду ни за какие коврижки.

— Ну Ва-а-аренька!

— Не пойду.

— Варенька, солнышко, сходи, а?

— Я сказала — нет, и точка! Ты только представь себе, а если это какой-нибудь молодой красавец-романтик — как я буду перед ним выглядеть? Явилась бабка на свиданку!

— Ну Варюшечка-ватрушечка!

— Я могу только сходить на место встречи, взглянуть издали на твоего поклонника, а потом рассказать тебе, как он выглядит.

— Варенька, ты ангел! — Орхидея, ликуя, кинулась обнимать подругу. — А уж в зависимости от того, что это за человек, я сумею потом объяснить ему, почему нам не надо встречаться «в реале»!

— Старая ты дурочка! — покачала головой Варвара. — Зачем же ты тогда затевала всю эту романтическую волюнку?

— А она без этого не может стихи писать, — сказала Агния. — Лирика, конечно же, романтик, но романтик она бумажный: у нее все чувства еще в юности ушли в рифму. Потому-то нам и не Удалось ее замуж выдать. Послушай, Варя, а вдруг это и впрямь судьба? А что, если это окажется приличный одинокий человек нашего возраста? Вот бы нам нашу дурочку замуж устроить, хоть на старости лет, а?

— Ой, девочки! Я замуж не хочу!

— «Красавицы Кадикса замуж не хотят!» — пропела Варвара. — Успокойся, тебя пока никто и не сватает.

— Знаешь, Варенька, а ты сходи-ка, в самом деле, на это свиданье, взгляни хоть, что за человек, — попросила ее Агния.

— Ладно, уговорили! — согласилась Варвара Симеоновна, сдаваясь. — Только близко я к нему не подойду, так и знайте!

На том и порешили. И место свидания подобрали романтическое и для наблюдения удобное: мостик через Лебяжью канавку возле Летнего сада.

* * *

В это же самое время в освещенной солнцем, просторной и очень светлой (окно выходило на Неву), довольно чистой и только самую чуточку захламленной комнате между молодым человеком и представительным стариком с белоснежными головой и усами происходил следующий диалог.

— Дед, а дед! Ну сходи ты на это свиданье, ну что тебе стоит? Ты только взгляни на нее и, если она тебе понравится, пригласи в кафе. А не понравится — можешь и не подходить к ней. Сходи, погляди хоть издали, а?

— И не подумаю. Вот еще, глупости какие! И ты тоже хорош: это же надо додуматься — внук деда сватает! Ты не учел, что это может быть совсем молодая девушка?

— Да не молодая она, я все вычислил — она примерно твоя ровесница.

— Ну, значит, дура старая, которая ищет приключений на свою седую голову.

— Да не ищет она никаких приключений, я ее почти месяц уламывал и уговаривал!

— Или она вдова с кучей взрослых детей и внуков, — неумолимо продолжал дед.

— Она совершенно одинока!

— Она тебе это сказала?

— И говорить не надо — это из ее стихов ясней ясного.

— Ну, тогда она злющая старая дева, на которой никто в молодости не хотел жениться, а теперь ты своего собственного деда в ее беззубую пасть толкаешь!

— У тебя у самого протезы!

— Беззубая пасть, юноша бледный со взором горящим, — это фигура речи! Я хотел сказать, что если твоя Орхидея в свое время замуж не вышла, так это наверняка не от хорошего характера.

— Да нет, дед, она очень добрая! К ней все форумчане за советами обращаются, ведь она всем сочувствует и советы дает такие разумные, просто мудрые советы!

— Сочувствовать и советовать — это мы все горазды. Да толку-то от ее советов, если она свою собственную жизнь устроить не сумела!

— Лед!

— Ну что «дед»?

— Дед, ну ты только один раз сходи уж на свиданье, а там посмотрим.

— Да зачем нам вся эта кутерьма, Пашка? Разве нам вдвоем плохо?

— Мне-то хорошо. А вот тебе...

— И мне хорошо. Мы с тобой живем душа в душу, друг друга понимаем, а появится в доме женщина — и все наше хозяйство перевернет-переиначит по-своему. Ты вспомни, как нам обоим доставалось, когда твоя мать с нами жила! Хорошо, что ее только на полгода и хватило...

— Она, между прочим, не только моя мать, но и твоя дочь.

— Вот тут ты прав: это я ее неправильно воспитал. Что ж теперь поделаешь...

— И потом, скажи, когда бабушка была жива, разве нам жилось хуже, чем сейчас?

— Нам жилось тогда замечательно. Но твоя бабушка вообще была не женщина.

— А кто ж она была? — опешил внук.

— Ангел небесный и эталон земной красоты, вот кто!

— В Орхидее тоже есть что-то неземное.

— Ох, ну тебя, Пашка! И зачем это все тебе?..

— Затем, что если я помру раньше тебя, то я буду спокоен, что ты не один останешься.

— Павел! — осердясь, воскликнул дед. — С чего ты это взял, что можешь раньше меня помереть? Ты мне эти штучки оставь! Сколько тебе лет и сколько мне?

— А здоровьем ты крепче.

— А годы? Конечно, если бы твоя бабушка была жива, я бы тоже о тебе не беспокоился, я бы спокойно думал о смерти...

— А вдруг она точно такая, как была моя бабушка?

— Таких, девочек, давным-давно всех разобрали.

— А вдовы?

— А вдов — тем более.

— Но одна-то могла случайно остаться?

— Ну, разве что одна...

В комнату вошел грандиозный черно-белый сибирский кот. Он тяжело и мягко запрыгнул на кровать, на которой лежал Павел, аккуратно обошел его неподвижное тело и подсунулся под руку — руками Павел мог двигать, и он стал поглаживать Василия, а тот громко замурлыкал.

— Умру я, а вы с Василием одни останетесь...

— Ой, да не трави ты мне душу, сделай милость! Ладно, схожу я...

— Спасибо, дед! А теперь посади меня, я хочу в Интернет выйти.

— Ну, давай посажу. Только до того давай с памперсами разберемся, пора уже, наверное?

— Да вроде пора.

* * *

В большом сомнении и неуверенности вышла на свидание Варвара Симеоновна. Да что это за глупости — в семьдесят с лишком по свиданиям бегать? Она до последней минуты пыталась отвертеться от этого задания, но Лика, со свойственным ей нежным напором, все-таки выставила ее из дома.

«В кино, что ли, сходить вместо того, чтобы глупости творить? — подумала она, выходя из подъезда. — Или просто на лавочке во дворе посидеть?»

Но лавочка была занята: ее занимали клиенты Иннокентия и Гербалайфа — ждали, когда откроется после обеденного перерыва фотоателье «Лицо собаки». С ними были, конечно, и собаки: одни, воспитанные и послушные, сидели смиренно и терпеливо рядом с хозяевами, а другие носились по двору и знакомились, а то и ссорились друг с другом. Посреди двора стояла Клавдия, бывшая жена Гербалайфа, ассистента знаменитого собачьего портретиста, и почерному пиарила предприятие Иннокентия и своего бывшего супруга:

— Двор превратили в незаконный паркинг и в собачью площадку! Житья не стало! — будто бы ни к кому не обращаясь, но так, чтобы все слышали, вещала она. — И хоть бы настоящий фотограф был Кешка, а то ведь бывший бомж, как и мой бывший муженек Гербалайф!

Клиенты внимали ей молча и делали вид, что не слушают: они ей не очень-то и верили, так велик был престиж «Лица собаки» среди собаководовладельцев. Иннокентия Петровича они глубоко уважали, а кто такой упоминаемый Клавдией Гербалайф, они и вовсе не ведали, ибо хорошо знали, что ассистента знаменитого фотографа зовут Андрей Семенович. В очередь к ним записывались заранее, за месяц, а то и за два. Если бы недалекая и скандальная Клавдия могла читать мысли клиентов, она бы тут же, в досаде и ярости, плюнула и ушла со двора. По большей части клиенты были люди деловые, хорошо знавшие законы большого бизнеса, и они расценивали ее демарш по этим законам: «Ишь, конкуренты Иннокентия Петровича как стараются! И где они только такую бабу выискали? Артистка, наверное, и высокого класса артистка! Больших тысяч такая игра стоит!» Клиенты знали, почем нынче черный пиар.

Но и Варвара Симеоновна мыслей клиентов по их непроницаемым лицам прочесть не могла, а потому расстроилась. «Вот ведь отравительница жизни!» — подумала она про Клавдию и поскорее

поспешила выйти со двора, пробираясь между густо стоявшими иномарками.

Растягивая время, она дошла пешком до Невского, чтобы там сесть на троллейбус и доехать до Марсова поля: оттуда к месту встречи она решила тоже прогуляться пешочком. Но честно опоздать и вернуться ни с чем ей не удалось: нужный троллейбус подошел сразу же, как заказанный, и неожиданных пробок на дороге тоже не случилось. На место свидания Варвара Симеоновна прибыла за полчаса. Но она не задержалась на мостике через Лебяжью канавку, а прошла дальше, вошла в заснеженный Летний сад, села неподалеку от заколоченных в ящик Амура и Психеи (все статуи Летнего сада на зиму прячут в специальные ящики, ибо мрамор не морозоустойчив) и стала оттуда наблюдать за мостиком.

Орхидеин кавалер явился на свидание ровно за пятнадцать минут до назначенного времени. Явился и стал нервно расхаживать по горбтому мостику — от одного края до другого: в одной руке он держал какую-то, как издали показалось Варваре Симеоновне, стеклянную коробку, а другой четко размахивал при ходьбе. «Явно военная выправка! — одобрительно отметила про себя Варвара. Она достала из сумочки театральный бинокль, приблизила его к глазам, подкрутила колесико и стала рассматривать лицо кавалера вблизи. — Определенно бывший военный, какой-нибудь генерал или полковник в отставке!» — решила она, разглядев аккуратные белые усы и загорелое лицо под высокой каракулевой шапкой. А вот что там у него было в руке, в длинной, бликующей на солнце коробке, — она разглядеть не смогла, для этого бинокль был слабоват, но что-то розовое... «Неужели шарфик в подарок принес? Это на первое-то свиданье? Лика была бы возмущена...» Кавалер поглядывал на часы примерно каждые пять минут. А еще через полчаса, так и не дождавшись своей дамы, он решительным шагом направился прочь, в сторону Марсова поля. Но перед тем как уйти, положил свое таинственное приношение на широкий парапет мостика.

Варвара Симеоновна убрала бинокль, встала со скамейки и быстро пошла к выходу из сада: ей захотелось посмотреть, что же он там такое принес на несостоявшееся свидание? Моветонный шарфик или все-таки что-то пристойное? Народу в это время на набережной Невы было немного, и никто, к счастью, таинственной коробкой не

заинтересовался и не упер ее. Варвара Симеоновна подошла и увидела, что коробка вовсе не стеклянная, а из тонкого прозрачного пластика и в ней лежит большая ветка орхидеи с крупными розовыми цветами в мелкую крапинку. Варвара Симеоновна решила отнести коробку с орхидеей по назначению, то есть Лике Казимировне: не оставлять же ни в чем не повинный цветок замерзать на морозе!

А в это время кавалер в отставке уже успел сесть на Марсовом поле в нужный ему автобус и теперь обратным путем ехал в нем по набережной. Автобус переезжал мостик через Лебяжью канавку в тот самый момент, когда Варвара с улыбкой взяла в руки коробку с орхидеей. «Да она красавица! — подумал Егор Александрович, так звали кавалера. То ли мостик был крут, то ли он заволновался — но сердце его так и ухнуло вниз. — А какая коса! И холода не боится: шаль почти съехала с головы, а она ее даже не поправляет... И щеки румяные! Жаль, что она опоздала на свидание. Может, выйти на остановке да вернуться?». Но почему-то пошел не к дверям, а на заднюю площадку, чтобы еще раз издали взглянуть на седую красавицу.

Остановка была возле самых ворот Летнего сада, и тут многие пассажиры выходили из автобуса, а другие собирались на него сесть: и вот пока одни выходили, а другие входили, и все друг другу мешали и друг дружку задерживали в дверях, Егор Александрович еще раз вблизи увидел седую красавицу, шедшую по тротуару скорым широким шагом, но все с той же задумчивой и милой улыбкой на румянном лице. А в руках она несла, бережно прижимая к груди, его орхидею.

* * *

— Какой ужас! — закричала вечером Лика, вбегая к Варваре Симеоновне. — Он тебя видел! Он подумал, что ты — это я! Он огорчен, что я, то есть ты, конечно, опоздала на свиданье и умоляет назначить новую встречу. Варенька, тебе придется идти!

— Положим, идти придется не мне, а тебе, и в добрый путь, дорогая! Это твой кавалер.

— Но он-то видел тебя! Значит, тебя он и ждет на новое свиданье.

— Ох, девочки, вы меня уморите! Придет на свиданье Лика — он удивится и скажет: «Это не она!» Придет Варя, а он вдруг попросит ее прочесть последние стихи — что читать будем, Варенька? Придется тебе выучить все стихи Лики из последнего цикла, чтобы не ударить в грязь лицом и не разочаровать вашего кавалера! — смеясь, сказала Агния Львовна.

— Ну уж нет, на такую жертву я точно не пойду! — засмеялась Варвара Симеоновна.

— Так и так — выхода нет! Придется мне просто покинуть «Кастальский ключ», ничего никому не объясняя, — замогильным голосом произнесла Лика.

— Варенька, мы не можем требовать от Ликунни такой жертвы. Придется тебе еще раз встретиться с вашим галантным кавалером и все ему объяснить.

— Это невозможно! Тогда мне все равно придется уходить с форума! — воскликнула Лика. — Он же мне не простит, когда узнает, что это не я приходила на свиданье и не я взяла оставленную им орхидею!

— Да, пропавшая с места свиданья орхидея — это ужасно! Ох, девочки, горе мне с вами, — сказала Агния Львовна. — Неужели вы обе не видите, как выйти из положения?

— А как? — эхом и дуэтом спросили подруги.

— Вы просто должны пойти на новую встречу вдвоем, вот и все.

— Тогда уж втроем! — тут же подхватила Лика. — Это будет не любовное свиданье, а дружеская встреча.

— В этом что-то есть... — сказала Варвара. — Агуня, пойдешь с нами?

— Ладно, нерешительные вы мои, быть по сему — пойду! — подвела итоги совещания Агния Львовна. — Пойду главным образом для того, чтобы приглядеть за вами. А то вы еще рассоритесь из-за своего проблематичного ухажера.

* * *

Дружеский визит состоялся через несколько дней. Отправились на него все три старушки, не считая собаки. Квартира кавалера

располагалась в бельэтаже, прямо над высоким цоколем старинного здания, и вход в нее был прямо с набережной — отдельный вход: у дверей висела табличка с номером квартиры и звонком над короткой надписью «Зубовы». На звонок дверь коротко прогудела и отворилась. Они вошли в парадную и увидели широкую лестницу в один пролет, ступени которой были наполовину закрыты деревянным настилом. На площадке их поджидал улыбающийся Егор Александрович. При входе подруг в квартиру Егора Александровича и Павла Зубовых сразу же разразился скандал, погасивший в зародыше возможную неловкость первых минут знакомства. Кот Василий, вышедший встречать гостей в прихожую, при виде Титаника превратился в огромный черно-белый пушистый футбольный мяч и грозно зашипел; Титаник звонко и весело залаял и рванулся к коту — знакомиться. С детства воспитанный ориновскими кошками в уважении к их племени, он хотел всего лишь продемонстрировать дружеские чувства, но кот Василий его не понял и рванул по пальто и курткам на шляпную полку высокой старинной вешалки. Вниз полетела барашковая папаха Егора Александровича. Титаник решил, что кот подарил ему ее для игры, подхватил папаху на лету и помчался по коридору прямо к раскрытой двери гостиной.

— Стой, стой, мерзавец! — закричала Варвара Симеоновна. — Сейчас же отдай шапку!

— Танечка, верни чужой головной убор! — крикнула Лика Казимировна, и они обе кинулись за песиком.

Агния Львовна осталась в прихожей, слегка смущаясь и кусая губы от смеха.

— Позвольте представиться — Егор Александрович Зубов, полковник авиации в отставке, — сказал хозяин.

— Агния Львовна Пчелинцева, — сказала Агния Львовна и подала руку.

— Разрешите, я за вами поухаживаю, пока они там отнимают добычу у вашего охотника, — поцеловав ей руку, сказал Егор Александрович.

— Извольте!

Скинув ему на руки шубку, Агния Львовна сняла песцовую шапочку, хозяин повесил шубу на вешалку, а шапочку положил на

полку рядом с котом. Но Василий, зашипев, тут же брезгливо поддел ее лапой и скинул.

— Василий, что за манеры? Вот я тебя сейчас самого оттуда сброшу ко всем собакам!

— Ах, оставьте! — сказала, смеясь, Агния Львовна. — Да суньте вы ее в рукав, ничего ей не сделается! И помогите мне, пока они там воюют, разгрузить нашу сумку: там горячие пирожки. То есть они по идее должны быть еще горячими — мы их укутали. Я сама их раскутаю и уложу на блюдо, только покажите мне, где у вас кухня и где там что.

— Пирожки?! — радостно изумился Егор Александрович. — Неужто, в самом деле, настоящие домашние пирожки? А с чем, позвольте полюбопытствовать?

— С капустой, с рисом и грибами и с малиновым вареньем. Из лесной малины — мы ее сами собирали.

— Ушам не верю и уже вырабатываю желудочный сок! Идемте, я вам покажу наше с Павлом кухонное хозяйство. — Играючи подхватив тяжелую сумку на колесиках, он понес ее по коридору на кухню.

Кухонное хозяйство оказалось небогатым, но тем проще было Агнии Львовне сразу за него приняться, надев предложенный хозяином огромный фартук защитного цвета. Включив электрочайник, Егор Александрович извинился и пошел в комнаты — знакомиться с двумя другими гостями и наводить порядок.

В гостиной уже был относительный порядок. Полулежа в инвалидном кресле, Павел успокаивающе гладил прибежавшего к нему в поисках спасения Василия и, сияя, рассказывал гостям, какой это фантастически умный котяра: все понимает и только что не говорит.

— А вот и мой дедушка Егор Александрович! — сказал он, заговорщически улыбаясь. — Знакомься, дед: это Лика Казимировна, а это Варвара Симеоновна. А куда ты дел Агнию Львовну?

— Уже отвел на кухню и приставил к нашему холостяцкому хозяйству. — И добавил громким шепотом: — Пашка! Нам там горячие домашние пирожки к чаю привезли!

— Ой, быть не может! Бабушкины пирожки!

— Тс-с! Какие бабушки? Ты что?

— Да я имел в виду мою бабушку. С тех пор как ее не стало, я домашние пирожки только во сне вижу! — смутившись, сказал Павел и тут же перевел разговор на другое. — Дед, а тебе задача на весь вечер: ты должен угадать, кто из наших гостей Орхидея. Угадаешь — последний пирожок твой, не угадаешь — я сам его съем!

Все засмеялись, правда, все еще несколько натянуто и смущенно.

Вошла Агния Львовна с первым блюдом не остывших за дорогу пирожков, их даже не пришлось подогреть. Она сразу же отметила и чинный, явно недавно наведенный порядок все-таки холостяцкого жилья, и висевший в переднем углу большой образ святого Георгия Победоносца — с горящей лампадой! У нее сразу стало спокойно на душе — здесь жили свои люди.

И было чудесное чаепитие, и пирожки имели грандиозный успех, и никто не чувствовал себя не в своей тарелке. Даже кот Василий. Для Титаника Лика Казимировна захватила корм и мисочку под него, но Василий, уже пришедший в себя и переставший опасаться Титаника, показал ему, кто в этом доме хозяин: вскоре он сидел возле его миски и нахально грыз собачьи хрустики. Титаник же сидел напротив и дружелюбно на него смотрел, наклоняя голову то на одну сторону, то на другую: хрустиков он не жалел, а вот кот ему явно нравился.

После чая Павел попросил:

— Дед, сыграй нам что-нибудь! — и сразу же объявил гостям: — Вы только не удивляйтесь, мой дедушка все свои концерты начинает с одной своей полковой песенки, а заканчивает — другой!

— Ну, сегодня можно сделать исключение... — с некоторым смущением проговорил Егор Александрович, садясь к пианино и открывая крышку.

— Никаких исключений! — возразил Павел. — Традиция есть традиция.

— Да, традиции нарушать не следует, — сказала Варвара Симеоновна и слегка похлопала в ладоши. — Просим!

— Ну, как прикажете! — пожал плечами Егор Александрович. Он ударил по клавишам и запел приятным мягким баритоном:

*Мы, друзья, перелетные птицы,
Только быт наш одним нехорош:*

*На земле не успели жениться,
А на небе жены не найдешь!*

К полнейшему восторгу Павла, все три гостя дружно подхватили припев песни:

*Потому, потому что мы пилоты,
Небо наш, небо наш родимый дом.
Первым делом, первым делом — самолеты.
— Ну а девушки?
— А девушки — потом.*

Закончив песню и дождавшись конца аплодисментов, Егор Александрович снова заиграл — на этот раз нежный «Славянский танец» Дворжика. — Пока он играл, Павел вполголоса тихо рассказывал сидевшей с ним рядом Агнии Львовне:

— А знаете, вы не смотрите, что дед мой такой молодой: он ведь и повоевать успел, он в Отечественную летчиком был!

— Сколько же ему лет?

— Он двадцать седьмого года рождения. Его отец, мой прадед, тоже летчиком был и воевал, конечно. Погиб в сорок втором. Дед с матерью в это время в эвакуации были. Как все мальчишки, он рвался на фронт, а когда пришла похоронка на геройски погибшего отца, он сбежал из дому, подделал документы и поступил в летную школу. Стал летчиком в шестнадцать лет и отправился на фронт. Если бы не его подвиг, то все так бы и обошлось и был бы он сейчас по документам на два года старше.

— А что за подвиг совершил ваш дедушка?

— Повторил подвиг Гастелло — тараном пошел на «мессер». Фашист не выдержал и свернул в последнюю секунду, но все равно оба сорвались в пике. Только дед из пике вышел, а немец в землю воткнулся ну и... Деда представили к Герою Советского Союза. Но в

те годы, прежде чем представить героя к такой высокой награде, его тщательно проверяло НКВД. Ну вот тут проделка деда с документами и обнаружилась. Наказывать его не стали, но вместо Героя дали только орден Красной Звезды. Да он не унывал: орден Красной Звезды ведь давали только за личные подвиги. Так он и довоевал до самого конца войны, потом поступил в Академию авиации, окончил ее уже чин по чину и почти до конца служил в военной авиации. А за десять лет до пенсии пошел преподавать в ту же Академию. Геройский был у меня дед, правда?

— Он и сейчас хоть куда! А кто была ваша бабушка?

— Бабушка моя была врачом. Сначала просто терапевтом, а потом, когда я вот такой родился — то есть родился-то я еще хуже, у меня и руки тогда не двигались, — так вот бабушка ради меня стала педиатром-невропатологом. Это она меня подлечила, заставила мои руки двигаться.

— А... — начала было Агния Львовна, но вдруг осеклась.

— Вы хотите спросить, где мои родители? Про отца я почти ничего не знаю. А мать жива, но с нами не живет. У нее давно другой муж и другие дети, удачные. Сначала меня взяли домой из родильного дома, мать со мной возилась, но отец не вынес горя и сбежал, бросил нас. А потом и мать не выдержала и сдала меня в детский дом для детей-хроников. Там бы я и оставался до сих пор... если бы жив остался. Но дед про это дело узнал, приехал и забрал меня к себе. Так они с бабушкой меня и воспитывали, до самой ее смерти: она уже семь лет как умерла. А теперь вот мы с дедом одни остались и воспитываем друг друга.

Агния Львовна ничего на это не сказала, только погладила Павла по руке. Он в ответ пожал ее руку.

Пока они разговаривали, Егор Александрович кончил играть Дворжака.

— А теперь, если позволите, я спою вам романс. — И запел: — Гори, гори, моя звезда... — И опять все три гостя подпевали ему.

— Какие вы все, оказывается, певуньи! — восхищенно сказал Егор Александрович, когда романс был допет.

— Ну что вы! — пробормотала смущенно Лика Казимировна. — Настоящая певица у нас только Варенька, а мы что... Мы просто за

столько-то лет дружбы научились ей подпевать. Мы ведь с самого детства дружим.

— Боже мой, какая прелесть! — сказал Егор Александрович растроганно. — Подумать только — с самого детства!

— Да. Мы и живем, считайте, все вместе с детских лет — в одном доме, на одной площадке.

— А на каком этаже? — быстро спросил Павел.

— На втором, — ответила Варвара Симеоновна.

— С лифтом?

— Без лифта, к сожалению.

— Как жаль... Значит, вы не сможете пригласить меня в гости. Ну, хоть деда пригласите!

— Ах, ну конечно, пригласим! И вас тоже, Паша! — сказала Агния Львовна. — У нас замечательные соседи: они вас поднимут наверх на руках.

— Запросто поднимут, нет проблем! — подтвердила Варвара Симеоновна.

А Лика Казимировна сказала:

— Вы придете к нам в гости и услышите, как Варенька поет под гитару песни собственного сочинения!

Павел и Егор Александрович переглянулись и незаметно для подруг кивнули друг другу.

— А когда? — быстро спросил Павел, не устававший ковать свое железо.

— Да хоть в это воскресенье! После службы, конечно. Ну, скажем, часам к трем. Вы ведь тоже в храм пойдете? — сказала Агния Львовна.

— Я-то пойду, а вот Павла дома оставлю, два выхода в один день — это ему не по силам.

— Да ладно тебе, дед! Я на службе не устаю, ты же знаешь.

— Хорошо, подумаем.

— А как вы будете добираться? — спросила Варвара Симеоновна. — Прямого сообщения между нами нет...

— Мы на своих колесах, — сказал Павел. — С этим проблем никаких!

Через гостиную с лаем промчался Титаник, преследуемый котом Василием. Лаял он звонко и весело — звери уже не ссорились, а просто играли в пятнашки.

— Если вы будете на машине, — сказала Лика Казимировна, — то уж и кота с собой не забудьте прихватить: вон они как подружились. Танечке живется одиноко, а клиентов нашего собачьего фотоателье он опасается.

— Что за «собачье фотоателье»? — спросил Павел.

— Агуня, расскажи, пожалуйста, Егору Александровичу и Павлуше «Сага о бомжах нашего двора».

Сага о бывших бомжах, а также о разоблаченном и наказанном экстрасенсе Магилиани была выслушана с восторженным интересом.

— Вот всех бы этих оккультистов так разоблачали умные люди! Не приставала бы ко мне мать сними.

— Павлушина мамаша, а моя, извините, дочь, верит во всю эту оккультную хренотень и даже пыталась навязать нам парочку своих знакомых целителей, — пояснил Егор Александрович. — Но мы с Павлом твердо стоим в вере. Так, Павел?

— По крайней мере, стараемся оба, — дипломатично ответил внук. — А что, действительно хорошие портреты собак получаются у вашего Иннокентия?

— Изумительные! — сказала Лика. — Я очень жалею, что Иннокентий не снимал, когда были живы мои прежние Титаники.

Они еще поговорили о том о сем, но без пирожков разговор стал заметно скучнее. Егор Александрович спел еще романс «Белой акации гроздья душистые», очень проникновенно спел, после чего Лика Казимировна сказала:

— Девочки, а не пора ли нам собираться? Уже поздно.

— Да, пора, — подтвердила Варвара.

— И Павлик уже устал от гостей, — заметила Агния Львовна. — Смотрите, какой у него утомленный вид.

— Я ничуть не утомился! У нас давно не было в доме так весело, — возразил Павел.

— Павлик, уж вы со мной-то не спорьте, я эти вещи радикулитом чувствую, — сказала Агния Львовна. — Вон как вы плечами по спинке кресла елозите — спина-то ведь устала?

— Есть немного, — виновато улыбнулся Павел. — Ну да ведь и пирожки все съели... Ой, а мы забыли, что последний пирожок должен был дед получить, если угадает, кто из вас Орхидея, — а я забыл про это, увлекся и сам его *съел* под разговоры!

Все засмеялись.

— Ничего, зато следующий последний пирожок будет мой. По справедливости. Даже если я не угадаю Орхидею.

— Не-е... Не угадаешь — снова мне уступишь Последний пирожок — он самый вкусный, ты ж знаешь, дед!

— Вот так он всегда, — пожаловался дед. — Веревки из меня вьет и куличики лепит. Ладно, договорились.

— А ты, дед, давай свою летнюю прощальную спой.

— Спою, а как же без этого? — И Егор Александрович бодро ударил по клавишам и запел:

*Дождливым вечером, вечером, вечером,
Когда пилотам, прямо скажем, делать нечего,
Мы приземлимся за столом,
Поговорим о том, о сем
И нашу песенку любимую споем!*

И все три подружки, естественно, подхватили, песня-то была с детства знакомая:

*Пора в путь-дорогу!
Дорогу дальнюю, дальнюю
Дальнюю идем!*

Павел тоже пел с ними вместе — у него, кстати, был неплохой, хотя и несильный тенорок.

Окончив песню, Егор Александрович закрыл крышку пианино и встал.

— Давай-ка, Павел, я тебя отвезу в твою комнату и на постель переложу. А потом я отвезу домой наших замечательных гостей.

— Нет-нет, — возразила Агния Львовна. — Отвозить нас не надо, мы своим ходом до дома доберемся: погода стоит чудесная, мы с

удовольствием прогуляемся по снежку. А вот до останов- можете нас проводить.

— Как скажете!

— Василия с собой возьми, дед!

— Обязательно возьму.

— Вы что, кота выводите на прогулки? — удивилась Лика Казимировна.

— А как же! Он ведь сибиряк — ему обязательно надо зимой по снежку каждый день гулять, а то шубка не будет пушистой.

Уложив внука, Егор Александрович помог одеться дамам и отправился их провожать. А кота он с собой не прихватил, потому что тот куда-то исчез.

— Ну ладно, я потом с ним схожу погулять, — махнул он рукой. — Наверное, набегался с Титаником и теперь спит где-нибудь в углу.

По дороге они еще раз договорились об ответном визите Зубовых в следующее воскресенье.

— А что вам приготовить на обед? — спросила Агния Львовна.

— Да что угодно! Лишь бы к чаю были пирожки. Если это не слишком хлопотно.

— Ну что вы, какие хлопоты? Нас же трое! Заказывайте обед, не стесняйтесь.

— А тогда... Тогда можно борщ? Мы с Пашкой сто лет не ели настоящего домашнего борща.

— Будет вам борщ!

Подходя к остановке возле Летнего сада, Егор Александрович вспомнил о несостоявшемся свидании.

— Знаете, а я теперь очень доволен, что свиданье на Лебяжьей канавке не состоялось. Я бы чувствовал себя не в своей тарелке, был бы неловок. Вы замечательно придумали, что решили встретиться со мной втроем! У нас есть друзья, есть добрые знакомые, но такого чудного, уютного вечера мы с Пашкой не припомним. Не говоря уже о пирожках...

— Да полно вам все о пирожках! — засмеялась Агния Львовна. — Поведетесь с нами — привыкнете к пирожкам, как к обычной повседневной еде.

— Какая восхитительная повседневность! — заметил Егор Александрович.

Подошел их автобус, приглашающе распахнул двери. Лика Казимировна вошла первой и помогла залезть Титанику, за ними поднялась Агния Львовна, последней на ступеньки вошла Варвара Симеоновна, и Егор Александрович подал ей сумку, которую всю дорогу вез за собой. Дверцы автобуса закрылись, и тут из сумки раздался истошный вой и высунулась взъерошенная морда Василия — кот был в панике!

Лика Казимировна застучала обоими кулачками в заиндевевшее окно и закричала: «Егор Александрович, постойте! Заберите кота!»; Агния Львовна бросилась по свободному проходу почти пустого автобуса к водительской кабине с криком: «Будьте добры, остановите ваш автобус!»; и только одна Варвара Симеоновна ничего не кричала и не двигалась с места — она спокойно стояла, нажимая специальную кнопку для связи с водителем возле входных дверей. Автобус остановился, и подруги вместе с Титаником и сумкой с орущим Василием через несколько секунд снова стояли перед удивленным Егором Александровичем.

— Василий решил не дожидаться воскресенья и отправиться с нами! — сказала Варвара Симеоновна. — Забирайте вашего беглеца!

— Они так подружились с Титаником, что решили не расставаться, — объяснила поведение Василия Лика Казимировна.

— А вы поводок для него случайно не захватили? — спросила Агния Львовна. — А то мы вам сумку для него оставим.

— Поводок я не брал. Да он никуда не убежит, я его приучил у ноги ходить, — успокоил ее Егор Александрович, поглаживая Василия, который, успокоившись и сидя на надежной хозяйской руке, теперь поглядывал сверху на Титаника и делал вид, что пытается оттуда достать его лапой. А Титаник сидел на снегу и молча глядел на него, не вступая в игру и грустно предчувствуя окончательную разлуку.

— По-моему, они насчет сумки сговорились с Титаником заранее, — с подозрением глядя на них, сказала Лика Казимировна.

— Да нет, просто Василию понравился запах внутри сумки — мы же с ней на рынок ходим, — предположила Агния Львовна.

— Все кошки любят забираться во всякие ящики и сумки: норки выискивают, — подвела итоги Варвара Симеоновна.

Егор Александрович с улыбкой их слушал.

— Интересно, так все-таки кто же из вас Орхидея? — спросил он.

— А вот этого мы вам ни за что не скажем! — лукаво воскликнула Лика Казимировна.

— Может же у нас остаться хоть один секрет на троих? Мы вам сегодня, кажется, все про себя рассказали, — сказала Агния Львовна.

— Свой последний пирожок каждый должен заработать сам! Напряженным интеллектуальным трудом! — заявила Варвара.

Им повезло (или, скорее, не повезло, потому что расставаться теперь уже снова не хотелось): следующий автобус подошел очень скоро, и они простились все еще раз, в том числе и Василий с Титаником: Егор Александрович наклонился, и котик слегка съездил-таки лапкой по лохматой голове приятеля. В ответ Титаник радостно взвизгнул и отбежал, приглашая приятеля махнуть на все лапой, спрыгнуть с хозяина и побегать-поиграть на снежку. Не получилось. Пришлось ехать домой.

В автобусе подруги молчали, только изредка переглядывались, улыбаясь каждая своим мыслям. Уставший Титаник упробил хозяйку взять его на колени, свернулся там и безмятежно уснул.

— Утром приходите ко мне пить кофе, — сказала Варвара Симеоновна, когда они остановились на площадке каждая у своей двери, — обмениваемся впечатлениями!

* * *

А вот Егор Александрович с Павлом на завтра откладывать ничего не стали.

— Ну что, внучек, проведем «разбор полетов»? — предложил Егор Александрович, входя в комнату внука. Довольный Василий уже успел наскоро перекусить и теперь крепко спал в ногах у Павла.

— А как же! Я уж тебя поджидаю. Чего вы так долго гуляли с Василием?

— Да так... Хотелось поскрипеть снежком, подумать. А ты уже отдохнул, я смотрю, лицо порозовело.

— Это с пирожков.

— Спина-то как?

— В порядке спина, не отвлекайся. Ну говори, которая тебе понравилась больше всех?

— Все три понравились. Одна лучше другой! — И он пропел дурашливым козлетоном:

*Если б я был султан,
Я б имел трех жен
И тройной
Красотой
Был бы окружен!*

— Ну, дед, ты, смотрю, разошелся! А пел ты сегодня замечательно, в ударе был и в голосе.

— Мне и самому так показалось. А не зря я все-таки спел под конец «Белую акацию»?

— Что ты говоришь, это же твой коронный романс!

— А как ты думаешь, наши дамы не приняли его за намек на их возраст?

— Да что ты! Вот если бы ты спел «Отцвели уж давно орхидеи в саду»...

— А тебе-то, Пашка, кто больше всех понравился?

— Не кто, а что: пирожки, ясное дело.

— Чревоугодник ты, Павел!

— Да нет, у меня к пирожкам было чисто лирическое отношение — я ел и свою бабушку вспоминал.

— Ты бы еще сказал «платоническое отношение»!

— Я именно это и имел в виду!

— А что ж ты тогда мне последний пирожок не оставил, жадюга?

— Не хотел, чтобы у прекрасных дам сложилось о тебе превратное мнение: пусть они думают, что ты в них влюблен бескорыстно.

— Ну, уж и влюблен. Торопишься, Павлуша, торопишься, как всегда!

— Надо ковать железо, пока горячо.

— Ладно, неумный ты кузнец моего счастья, сейчас тебе отдыхать пора, а не ковать.

— Вообще-то я уже и так почти сплю. А какой-то... счастливый был вечер, да, дед?

— Верно ты говоришь, Павел, — именно счастливый. И только одно его омрачает!

— Что его омрачает? — чуточку встревожился Павел.

— Да мне-то еще посуду мыть!

— Ой, дед, да ты, я смотрю, совсем разучился понимать женщин, холостяк ты мой замшелый! Я уверен, что Агния Львовна успела незаметно все перемыть, пока вы с Варезкой распевали дуэтом, а мы с Ликуней на вас любовались.

— По-моему, Павлуша, тебе не стоит называть их Варезкой, Ликуней и Агуней, а то привыкнешь, ляпнешь, и получится неудобно.

— Ладно, поправка принимается. Тут ты прав.

— Еще бы! Ну все, спать пора. Господь с тобой, Павлуша.

— И тебя храни Господь, дед!

Егор Александрович перекрестил внука, поцеловал его в лоб и вышел из комнаты, притушив верхний свет.

Через минуту он вернулся.

— Пашка, ты еще не спишь?

— Не-а. Я вспоминаю.

— Ас посудой-то ты прав оказался.

— А то!

* * *

Подруги «разбор полетов» начали утром, после первой чашки кофе. Варвара Симеоновна взяла гитару и стала тихонько наигрывать «Белой акации гроздь душистые».

— Ну, девчата кудрявые, колитесь, делитесь впечатлениями! — предложила Агния Львовна.

— Впечатления благоприятные, — сказала Лика Казимировна. — Милые интеллигентные люди, что дед, что внук, и совершенно замечательный кот Василий.

— М-м, — согласно кивнула Варвара Симеоновна, напевая без слов, но очень задушевно.

— Интересно, кто из вас ему больше понравился? — задумчиво спросила Агния Львовна.

— А как тебе кажется? — спросила Варвара.

— Петь ему с тобой очень понравилось. Но за один вечер навряд ли он и сам понял, кто ему нравится больше.

— Ну, мы же не вчера познакомились, — пожала плечиками Лика Казимировна.

— А когда же? — опешила Агния Львовна.

— Ты забыла, Агуня, что у нас с Егором Александровичем все началось уже давно — с нашего обмена стихами. Я — Орхидея, Егор Александрович — Парсифаль. По-моему, ясно, кто ему близок духовно.

— Вот те здрасьте! — Варвара Симеоновна опустила гитару. — Ликуня, да он же не знает, кто из нас Орхидея!

— Узнает, в следующий раз мы ему обязательно скажем. Нельзя без конца держать его в неведении, — ответила Ликуня. — Но я думаю, сердце ему и сейчас уже подсказывает, кто есть кто.

— Но это вряд ли теперь повлияет на его выбор, — пожала плечами Варвара.

— То есть как это — не повлияет? — возмутилась Ликуня. — Не считаешь ли ты, что твое пение затмило мои стихи?

— Почему бы и нет? М-м-м-м, м-м, м-м-м...

— Ах, да перестань ты мычать, Варужка! Можно подумать, что ты про МММ поешь!

— Не глуши мои таланты! — ответила Варвара Симеоновна. — Я готовлюсь в следующий раз спеть «Белую акацию» с Егором Александровичем дуэтом.

Лика Казимировна возмущенно ахнула.

— Стихи, конечно, сыграли свою роль, — попыталась ее успокоить Агния Львовна. — Но, Ликуня, теперь, когда знакомство состоялось, как вы там говорите, «в реале», действовать начинает уже личный фактор. Варенька вчера действительно пела замечательно.

— Подумаешь, сирена! — фыркнула Лика.

— Подумаешь, Сирано де Бержерак! — немедленно парировала Варвара.

— Сирано де Бержерак?! — возмутилась Лика — Ты надеешься, что я своими стихами выстелила тебе дорогу к сердцу Егора Александровича?

— Почему бы и нет? А наша Агуня вымостила ее пирожками.

— Варвара, ты... ты... Ты ведешь себя как девчонка — совершенно невыносимо!

— А ты тоже как девчонка, но в отличие от меня не просто «невыносимо», а «невыносимо глупо».

— Может быть, я не так умна, как ты, но зато именно мои стихи пленили Парсифаля.

— Но не ты сама! Увы, бедный Сирано!

— И не смей называть меня Сирано де Берже-раком! Агуня, это она на мой будто бы длинный нос все время намекает!

— Да нет, Ликуня, она не про нос — она про твои стихи, которые Егор Александрович может приписать теперь любой из нас.

— М-м-м! — утвердительно промычала Варвара. — И немножечко про нос.

— Вот видишь, Агуня!

— Девочки, не ссорьтесь! — жалобно попросила Агния Львовна. — Этого нам только не хватало — в наши годы ссориться из-за кавалеров.

— Скажи это нашей Орхидее Ревнивой!

— Увы, Варенька, к тебе это относится в равной степени. Я еще с трудом, но могу понять, как можно влюбиться на старости лет, но зачем же грубить друг другу?

— А Варька первая начала! — сказала Лика. — И скажи ей, чтоб не обзывалась, я никакой не Сирано де Бержерак!

— Варенька, не надо больше Ликуню дразнить.

— Ладно, не буду. Все равно на барже рак! — пропела вредная Варвара.

Лика взвизгнула.

— А вчера все было так славно, так чудесно, — вздохнула Агния Львовна, допивая свой кофе.

— Угу. Но это было вчера, — сказала Варвара Симеоновна, взяла аккорд и пропела:

*Боже, какими мы были пушистыми,
Как же мы вежливы были вчера!*

— Все, с меня хватит! Титаник, за мной! — скомандовала Лика Казимировна, поднимаясь и направляясь к дверям. Титаник встал и покорно, опустив голову, потрусил за хозяйкой.

Хлопнула входная дверь.

— Ну и что теперь, Варенька? — после недолгого молчания спросила Агния Львовна.

— Ты хочешь сказать, что я виновата?

— Обе. Но ты — больше. Сама знаешь почему...

— Она старше! — упрямо сказала Варвара.

— Уж будто бы?

— Вот так всегда! — вздохнула Варвара Симеоновна. — По-твоему, я должна прямо сейчас идти к ней мириться?

— Ну, во всяком случае, сегодня!

— «Да не зайдет солнце в гнев вашем?»^[9]

— Именно.

— Так еще не вечер!

— Я до вечера с ума сойду, если вы не помиритесь.

— Правду говоришь. С ума ты, конечно, не сойдешь, а голова у тебя точно разболится. Придется идти... — сказала Варвара, отставляя в сторону гитару.

— Вот и умница!

— Но ты за это убереешь посуду!

— Уберу, дорогая.

— Пошла я!

— С Богом!

Подруги, конечно, помирились, но некоторая прохладца и настороженность в их отношениях все-таки сохранялись еще долгое время.

В воскресенье гости появились к назначенному часу. Кота Василия сразу унесли наверх, где его радостным лаем встретил Титаник. Потом Гербалайф, Иннокентий и Димон подняли Павла и его коляску наверх, ну и сами, разумеется, тоже остались на обед.

Мужчины перезнакомились и явно понравились друг другу. Было очень весело, а пели на этот раз под гитару.

Чай пили позже, и за чаем, когда на блюде остался последний пирожок, Лика Казимировна спросила:

— Ну, так угадали вы, Егор Александрович, кто из нас Орхидея?

— Ну, где мне! — ответил тот. — Я в стихах мало что понимаю, когда они без музыки. По этим делам у нас специалист Павлуша. Ведь это он — Парсифаль!

Подруги ахнули и рассмеялись облегченно.

— Ну и как, Павлуша? — спросила Агния Львовна. — Вы-то угадали Орхидею?

— Конечно! Это Лика Казимировна. Я именно такой ее и представлял, когда обменивался с нею стихами.

— Какой — «такой»? — поинтересовалась Агния Львовна.

— Романтичной, совершенно не от мира сего, ужасно милой и... потрясающе смешной! Ой, простите!

Все засмеялись, а Лика Казимировна подошла к Павлу и поцеловала его в щеку.

— Благодарю, мой верный Парсифаль! Вы совершенно правильно угадали мой характер! Вручить моему рыцарю последний пирожок!

Егор Александрович поднялся, взял блюдо с пирожком, важно прошествовал с ним к коляске внука, встал на одно колено и произнес с пафосом:

— Последний пирожок вручается победителю турнира рыцарю Парсифалю! Не только за разгадку тайны прекрасной Орхидеи, но главным образом за то, что он познакомил своего деда с такими замечательными дамами.

Гербалайф, Иннокентий и Лимон на губах сыграли туш, а дамы выразили свое одобрение аплодисментами. После этой сцены гости стали собираться домой. Но, спустившись вниз, они не сразу направились со двора, а зашли сначала в ателье «Лицо собаки» — они бы не простили себе, если бы не увидели, что оно из себя представляет. Правда, кот Василий заходить в ателье категорически отказался — там уж очень густо пахло псиной, так что пришлось ему гулять во дворе с Титаником все то время, пока его хозяева любовались действительно потрясающими собачьими портретами. Договорились

заодно, что Иннокентий с Гербалайфом как-нибудь выберут время и приедут к Зубовым поснимать кота Василия.

— А что? Может быть, мы с этого начнем новую страницу в истории нашего ателье — начнем снимать котов! — сказал предприимчивый Гербалайф. — Нам давно пора расширяться!

— Смогут ли кошки и собаки сниматься в одном помещении? — усомнился Павел.

— Уживаются же они как-то в приемной ветеринара! — пожал плечами Гербалайф.

— Резонно, — согласился Егор Александрович. — Место только у вас не очень удачное.

— Место ничего, тихое, в центре, и с парковкой хорошо, — вздохнул Гербалайф. — С соседями только проблемы.

— С соседями?! — в один голос удивились дед и внук.

— Не грузи людей, брат Гербалайф, не надо! — грустно попросил Димон.

— Прости, брат, — виновато ответил Гербалайф. — Не буду. — И больше не стал «грузить» брата по несчастью.

* * *

Прошел месяц. За это время Зубовы дважды были в гостях у подруг, а два воскресенья подруги ездили в гости на набережную Невы. Но встречались они чаще. То вдруг Егор Александрович заезжал на часок чайку попить, то он приглашал их в театр или просто прогуляться по причине прекрасной погоды. А Лика Казимировна зачастила к Павлуше. Если он писал ей по электронной почте, что хочет почитать свои новые стихи, она тут же бросала все дела, подхватывала Титаника и отправлялась к другу-поэту, и они зачитывали друг дружку стихами почти до одури. Причем не только своими: оба знали массу действительно хороших стихов и любили их вспоминать, читать вслух и обсуждать. Егор Александрович этим научился пользоваться, и, если ему нужно было отлучиться надолго из дома, он просто звонил милейшей Лике Казимировне и просил ее: «Лика Казимировна, солнце нашей поэзии, вы не придете попасть Пашку часика два?» — и отказа ему никогда не было.

Узнав о визитах Лики Казимировны, Варвара Симеоновна как-то тоже заявила к Павлу, прихватив с собой все атрибуты для «игры в карты» — большую карту Петербурга, фишки и справочник «Памятные места Петербурга»; Павел новой игрой немедленно увлекся. Правда, он при этом немного хитрил: если вдруг застревал в каком-то квадрате, то просил Варвару Симеоновну принести ему что-нибудь из кухни, а сам быстренько включал поисковик, задавал тему и почти всегда находил ответ в Интернете. В общем, теперь соперницы развлекали внука своего героя по очереди.

А Иннокентий с Гербалайфом тоже, между прочим, слово сдержали: приехали к Зубовым со своей аппаратурой — с фото- и кинокамерами, с лампами — и почти полдня снимали кота Василия. Снимки получились отличные, кино тоже ничего. И потом еще приезжали, уже без всяких камер: какие-то дела у них образовались с Егором Александровичем и Павлом, какие-то планы на будущее, пока секретные. Словом, прежде уединенная жизнь Зубовых, молодого и старого, изменилась к лучшему, можно даже сказать, что они стали вести своего рода светскую жизнь.

А через месяц Павел решил поговорить с дедом серьезно о его видах на будущее.

— Ну что, дед, ты наконец определился?

— В смысле? Не понимаю я тебя что-то...

— Ой, да не хитри ты со мной! Ты уже понял, кто из трех твоих красавиц тебе нравится по-настоящему?

— Ну, как тебе сказать, Павлуша...

— А хочешь, я тебе скажу?

— Ну-ка, скажи! Это даже интересно, что ты там придумал?

— А мне и придумывать не надо — я наблюдательный и тебя знаю как облупленного. Тебе нравится не Лика Казимировна...

— Ну, это же твоя Прекрасная Дама! Как бы я посмел перейти дорогу собственному внуку?

— Не паясничай, дедуля! Это и не Варвара Симеоновна, хотя вы с нею так любите петь на два голоса. А вот не спелись, однако!

— Варвару Симеоновну я люблю как сестру...

— А вы с нею и похожи, между прочим: оба статные, голосистые, с юморком... Но — не судьба! А нравится тебе, дедуленька, милая наша Агния Львовна Пчелинцева. В нее ты и влюблен. Хотя из всех

подруг она кажется старшей по возрасту и больше всего похожа на бабушку... И вот в этом, между прочим, все и дело!

— В чем, не понял?

— В том, что она похожа на мою бабушку, твою покойную жену.

— Слушай, Пашка, а ведь ты правду говоришь! Я никак не мог понять, что же это мне в ней так нравится? И как это ты первый углядел?

— Что ты именно в нее влюблен?

— Нет, что она похожа на твою покойную бабушку.

— Вот так и углядел. Легко мне с ней, понимаешь? С Ликой Казимировной нас связывает любовь к поэзии, с Варварой Симеоновной мне страшно интересно — она так много знает! А с Агнией Львовной мне просто хорошо и уютно. И надежно как-то... Так ты собираешься ей сделать предложение или нет?

— Ну, ты уж погоди, Пашка, не торопи меня!

— Смотри, дед, упустишь — жалеть будешь!

— Неужели ты думаешь, что у меня есть соперники? — Такая мысль Егору Александровичу явно в голову не приходила.

— Кто знает, кто знает... — многозначительно произнес Павел.

Егор Александрович над словами внука задумался. Уж не рассказывала ли ему его подруга Орхидея о каких-нибудь кавалерах Агнии Львовны? Даже молодые Гербалайф, Димон и Иннокентий именно о ней отзываются с неизменным восторгом. Ну, Димон, конечно, не в счет — он намного моложе Агнии Львовны и женат. А вот Гербалайф и Иннокентий пусть и моложе лет на двадцать, но они битые жизнью потертые мужики, а вот Агния Львовна сумела себя сохранить. Свежесть в ней какая-то наблюдается... Конечно, сейчас эти собачьи фотографии — нет, он это без всякого дурного смысла! — заняты проблемами расширения своего бизнеса, но кто знает, кто их знает... И Егор Александрович решил... стать немного решительнее. Для начала он участил свои визиты именно к Агнии Львовне.

— Я тут проезжал мимо, смотрю, свет в окне у вас горит, ну и решил заглянуть на огонек. Чаем не напоите?

— Напою, конечно, напою! Проходите, Егор Александрович! — отвечала радушная Агния Львовна, удивляясь, куда это «проезжал мимо» по их тихой улице Егор Александрович и как это он ухитрился на ходу заметить свет в ее окне, выходящем во двор?

Но для решительного разговора Егор Александрович пригласил Агнию Львовну в маленькое кафе-кондитерскую на Колокольной улице. В кафе не было посетителей, официантка скучала за стойкой, грохотала и блямкала громкая музыка. Чтобы прибавить себе уверенности, Егор Александрович с музыки и начал; он помог Агнии Львовне раздеться, усадил ее за самый уютный столик у окна и подошел к официантке.

— Девушка, нам с дамой нужно поговорить, поэтому я попрошу вас сменить музыку на более подходящую для нашего возраста, без этого... грохота.

— Это радио, там вся музыка такая, — ответила девушка. — Но если хотите, могу и выключить совсем.

Егор Александрович подумал, что в маленьком помещении, если убрать музыку, невозможно станет вести разговор без того, чтобы его не слышала официантка.

— Да нет, зачем же совсем выключать? Вам станет скучно. Давайте мы просто сменим программу. Вы позволите? — И, не дожидаясь разрешения официантки, он прошел за стойку, где на полке за спиной девушки стоял двухкассетник с приемником, и быстро нашел волну классической музыки. Оркестр играл вальс из «Фауста». У девушки за стойкой моментально прокисло лицо.

— Потерпите полчаса? — участливо спросил Егор Александрович.

— Да ладно уж... Делайте заказ!

Он заказал два кофе со сливками и пирожные птифур.

Пока ели пирожные и пили кофе, разговор шел о привычных вещах: о погоде, о том, как хорошо чувствует себя в последнее время Павел, которому очень на пользу пошла дружба с Ликой Казимировной и Варварой Симеоновной. А когда с пирожными было покончено, Егор Александрович вдруг стал очень серьезным и сказал Агнии Львовне?:

— Дорогая Агния Львовна, у меня к вам большая-большая просьба — давайте выпьем с вами по бокалу вина.

Агния Львовна очень удивилась и спросила:

— А в честь чего, Егор Александрович, мы вдруг станем с вами пить вино среди бела дня, разве сегодня какой-то праздник?

— Может быть, да, а может быть, нет. Я этого еще не знаю, потому мне и хочется выпить вина для храбрости.

Агния Львовна поняла, что сейчас ей предстоит выслушивать признания Егора Александровича в неравнодушии к одной из ее подруг, давать какие-нибудь советы, вздохнула и сказала:

— Ну, для храбрости вам пить совсем не надо, вы и без того достаточно храбрый человек, если собираетесь заказывать вино в таком случайном месте. Я вот трусиха и боюсь за свою печень, а потому пить с вами не стану, но не возражаю, чтобы вы пили один. А мне лучше закажите еще немножко птифур — вот они здесь паразитально свежие и вкусные. Не грех воспользоваться удачей!

— Тогда, Агния Львовна, если можно, я лучше выпью водочки...

— Да на здоровье, дорогой! Почему не выпить, если хочется?

Егор Александрович сходил к стойке и сделал заказ.

— Рюмочка мне все-таки нужна для храбрости, — сказал он, садясь на место, — потому что я сейчас собираюсь говорить вам комплименты.

— В самом деле? Ну я уж постараюсь не захмелеть от ваших комплиментов. Поскольку догадываюсь, что главные из них предназначаются вовсе не мне, а моим пирожкам с капустой.

— Почему же только с капустой? — удивился Егор Александрович.

— Да ведь у Лики лучше получаются сладкие булочки, а Варенька у нас специалист по пирожкам с мясом.

— Нет, дорогая моя Агния Львовна, вкус пирожков тут даже и ни при чем: важно то, как вы их печете. Ваши подруги обе прекрасно готовят, это так, и тут не может быть двух мнений. Но Лика Казимировна за стряпней может, простите, болтать о чем угодно и с кем угодно — в основном с Титаником, конечно, а Варвара Симеоновна обычно за приготовлением блюд что-то напевает. Слово нет, поет она прекрасно и даже напевает очень музыкально, но...

Тут подошла официантка и поставила перед ним рюмку водки на блюдечке, а перед Агнией Львовной — тарелочку с пирожными.

— Ваше здоровье! — Егор Александрович лихо опрокинул свою рюмочку, выдохнул и с новым приливом вдохновения продолжил: — Только у вас, дорогая Агния Львовна, когда вы готовите для нас всех какую-нибудь еду, лицо становится необыкновенно прекрасным: оно становится отвлеченно-сосредоточенным и наполняется таким светом,

будто в каждый кулинарный ингредиент вы вкладываете частичку вашей прекрасной души, вашей любви!

— Егор Александрович, это не совсем так...

— Не перебивайте меня, Агния Львовна, я ведь только начал! Безусловно, Варвара Симеоновна — редкая для своего возраста красавица, а Лика Казимировна сохранила молодость до такой степени, что иногда кажется девочкой-подростком. Но в вас есть нечто такое, что указывает на великое предназначение женщины — быть хранительницей домашнего очага. Это высшая женственность, которая не уходит с годами. Агния Львовна, я буду краток, как подобает военному человеку. Выходите за меня замуж, дорогая Агния Львовна!

— Ноя...

— Подождите еще минутку, я еще не закончил! Выслушайте меня до конца. Если вы ответите мне «да», я постараюсь, мы оба с Пашкой постараемся, чтобы вы никогда, никогда об этом не пожалели. Павел тоже вас успел полюбить. Вот теперь, пожалуй, все. Что же вы ответите мне, Агния Львовна?

Агния Львовна долго смотрела на него с несколько растерянной улыбкой, а потом сказала:

— Дорогой мой Егор Александрович! Спасибо вам за эти слова...

— И вы выйдете за меня замуж?

— Нет, не выйду.

— Почему?

— Это невозможно.

— Да почему же?!

— Потому что я замужем.

— Простите, как это — «замужем»? Но... Но я полагал, что вы — вдова.

— Вдова. Но тем не менее муж-то у меня есть.

— Разве он не умер?

— Он умер. Но ведь от этого он не перестал быть моим мужем! У нас есть дети, внуки, а теперь уже появился и правнук Максимка. И всем им он, Юра мой покойный, отец, дедушка и прадед. И мы с ним обвенчаны. Вы понимаете, что это значит, дорогой мой Егор Александрович?

— Понимаю: что связано на земле, то останется связанным и на Небесах^[10] — вы это имеете в виду?

— Именно это.

— Но Церковь допускает второй брак!

— Да, по слабости нашей — чтобы не допустить худшего. Но дело не только в этом... — Агния Львовна протянула руку и положила ее на руку Егора Александровича, лежавшую возле пустой рюмки. — Милый Егор Александрович! Муж мой скончался и ушел из этого мира уже много лет назад. Но мне уже семьдесят пять лет, скоро умру и я...

— Куда вы торопитесь, Агния Львовна? Вы еще меня переживете, вот увидите!

— Все может быть. Но тогда представьте себе: вот я умираю, будучи дважды вдовой, и вот там, в новом для меня мире, мой муж встречается меня, он приближается ко мне, светясь от радости. И вы меня встречаете тоже. И что я скажу моему первому мужу? «Познакомься, Юрочка, с моим другим мужем!» — так, что ли?

— Но он же поймет!..

— Да, он поймет и простит. Но мне-то каково будет? Это же такой стыд будет, что я и представить себе не могу. А до встречи с ним осталось уже так мало... Да и вас тоже по смерти встретит ваша единственная законная жена. Надо ли омрачать эти встречи, дорогой мой Егор Александрович, стоит ли нам огорчать самых дорогих наших ушедших?

Егор Александрович отнял руку у Агнии Львовны, наклонил голову и закрыл лицо ладонями. Потом он отстранил их, вынул из кармана платок и вытер лицо и глаза.

— Простите... Простите меня, Агния Львовна, простите старого дурака! Господи, стыдно-то как!

— Да ну что вы, голубчик, чего ж тут стыдного? Дело-то житейское!

— Нет-нет, стыдно! Как я мог забыть, что Верочка моя там одна и тоже ждет меня. Простит ли она меня, когда я ей расскажу, как сватался к чужой вдове?

— Простит, простит, не сомневайтесь! На то она и жена.

— А вы-то меня простите?

— Да конечно же, о чем речь? Все-таки вы мне сделали самый большой комплимент, какой мужчина может сделать женщине! Ну, полно, полно. Не надо уж так-то сокрушаться!

— Это меня Пашка-балбес попутал! Очень уж ему хотелось меня в хорошие руки пристроить!

— А он и пристроил! — засмеялась Агния Львовна. — Неужели вы думаете, мы все трое согласимся когда-нибудь расстаться с вами и с Павлом? Да ни за что на свете! Мы все так удивительно подходим друг другу, мы за этот месяц с небольшим прямо родственниками стали!

— Это правда, милая моя Агния Львовна, это в самом деле правда?

— Абсолютнейшая! И знаете что, Егор Александрович? Давайте договоримся, пусть этот разговор будет нашей с вами тайной, и мы никому о ней не скажем. Будем считать, что наша встреча сегодня просто не состоялась. Хотя пирожные были очень, очень вкусные!

* * *

И жизнь продолжала идти своим чередом. Подруги наперебой баловали и развлекали Павла, а Егор Александрович поровну ухаживал за ними, галантно подчеркивая свое к ним одинаково приятное отношение.

А во дворе дома, где жили подруги, между тем надвигались глобальные перемены: Иннокентий и Гербалайф готовились переселяться в новое, большее помещение. Клавдия громогласно, на весь двор ликовала:

— Наконец-то мы избавимся от всей этой псарни во дворе и от выхлопных газов!

Димон пытался ее урезонивать, но в конце концов махнул рукой. Да и Гербалайф за Клавдию заступался:

— Да брось, Димон! Все ж таки жизнь я ей испортил — за что ей меня любить, сам подумай? Съеду я, и тебе с ней тоже легче станет, вот посмотришь! — Гербалайф продавал свою комнату Димону: им с Иннокентием нужны были деньги на расширение дела.

Конечно, Клавдия отчасти была права: и в будни, и в праздники во дворе дома было не пройти от иномарок, привозивших клиентов к собачьему ателье, а сами собаки то и дело устраивали под окнами перебранки и даже драки. И все же подруги сожалели о том, что старые друзья съезжают со двора.

— Да вы не горюйте! — утешал их Гербалайф. — Зато мы вам вашу любимую лавочку освободим, и Титаник опять станет на своей законной территории хозяином, не будет больше, поджав хвост, через двор перебегать!

— Да ведь еще неизвестно, какие соседи вместо вас появятся!

— Хорошие, хорошие будут соседи! — успокаивал их Иннокентий.

— Почему вы так думаете?

— Да вот Клавдия говорит, что хуже нас и быть не может! — поддержал друга Гербалайф.

Съехали два друга, пообещав не забывать и заходить в гости, съехали и пропали. А в освободившейся квартире начался ремонт. Во дворе и вправду стало потише, если не считать дрелей и молотков ремонтной бригады.

А еще через некоторое время в квартиру на первом этаже въехали новые жильцы — Егор Александрович и Павел Зубовы. Тут и Гербалайф с Иннокентием объявились, страшно довольные, что им удалось сохранить в тайне авантюру с обменом квартир. Да, уж это был сюрприз так сюрприз! Ну и новоселье было, конечно, соответствующе радостное. Только Агния Львовна очень сокрушалась, что на столе не было ее пирожков.

— Ну что бы вам заранее мне шепнуть, Егор Александрович?

— А мы не хотели портить эффект от сюрприза. Но мы с Пашкой надеемся, что отныне количество пирожков в нашей жизни не уменьшится, а увеличится — в связи с максимальным приближением потребителей. Правда, Пашка?

— Правда, дед! — сказал Павел и шепнул сидевшему рядом с ним Димону: — Я хотел, чтобы мой дед женился на ком-нибудь из наших старушек. А он так и не смог выбрать и решил остаться вдовцом. Но ведь оно и лучше, что не женился, верно?

— Это почему же лучше?

— Так ведь пришлось бы выбирать одну из трех, а так у меня целых три бабушки!

— Да, это вы с дедом устроились не худо. Вы мне только их не обижайте!

— Да ты что, Димон? Они же теперь наша настоящая семья... Дед их знаешь как балует? Он мне сказал, что отныне всю мужскую работу

во всех трех квартирках наших подружек будет делать он. И он хочет сменить машину, побольше купить — чтобы на всех места хватило.

— Правильная мысль, — одобрил Димон. — Берите такую, с пандусом — чтобы ты в нее прямо на коляске мог въезжать.

— Правильно. Кстати, надо продумать, что с входной дверью делать, чтобы мне во двор было легче выезжать — порог тут для коляски высоковат.

— Подумаем, — кивнул Димон.

А в конце вечера все попросили Варвару Симеоновну спеть. Гербалаиф взял ключ и сбегал в ее квартиру за гитарой. И Варвара Симеоновна спела свою новую песню, которую еще никто не слышал.

— Уже скоро весна, а песенка у меня про осень. Уж вы простите, что не по сезону! Хотя как сказать... — И она запела:

*Последние деньки. Осталось две недели,
И мы покинем сад, уедем я и ты.
Пора нам уезжать, уж листья облетели,
И скоро догорят последние цветы.*

*Последние дела. Уже пришла усталость,
Порою бродим мы, не подымая плеч.
Последние цветы, как мало вас осталось.
Последние цветы — как надо вас беречь!*

*Последняя любовь, последнее участие,
Немного посветить успеть до темноты.
И нечего грустить — такое наше счастье,
Уже мы раздаем последние цветы.*

*Последние цветы порой горят, как пламя,
Порой они нежны, как детские мечты.
Про то, куда уйдем, про то, что будет с нами,
Поведают ли нам последние цветы?*

*Мы больше ни к кому друг друга не ревнуем,
И ревностью другой полны или ты:
Небесная любовь переросла земную,*

И клонятся к земле последние цветы.

Последние цветы стоят перед иконой.

Молитвы все теперь бесстрастны и просты —

За тех, кто дорог нам, кто любит нас и кто нам

Однажды принесет последние цветы.

notes

Примечания

1

Иисусова молитва — короткая молитва: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную!»

2

Часы — ежедневные богослужения, приуроченные к определенному времени дня и посвященные воспоминанию страданий Спасителя. Состоят из псалмов, тропарей, кондаков и молитв. Первый час соответствует нашим 7, 8, 9 часам утра и совершается сразу после утрени в конце вечерней службы. Третий час соответствует 10 — 12-му часам и служитя вместе с шестым (13 — 15-й часы дня) перед Литургией. Девятый час (16 — 18-й часы вечера) служитя в начале вечерней службы перед вечерней.

3

Возглас — короткое славословие Святой Троицы, возглашаемое священником возвышенным голосом в начале богослужения и по окончании ектений (прошения) или молитвы.

4

Отпуст — заключительное (от слова «отпускать») благословение народа священником, произносимое им по окончании службы.

5

Стихи Т. Гнедич

6

Песня А. Розенбаума

Стела в начале Московского проспекта в центре памятника Героическим защитникам Ленинграда, за характерную форму с усеченной вершиной прозванная в народе «стамеской».

8

Об этих персонажах есть отдельная история, рассказанная в книге Ю.Н. Вознесенской «Юлианна, или Игра в дочери-мачехи».

9

Слова апостола Павла: «Гневаясь, не согрешайте: солнце да не зайдет во гневе вашем» (Еф. 4, 26).

10

Евангелие от Матфея: «Что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе» (Мф. 18, 18). В этом отрывке речь идет о священнической власти совершать Таинства. Но в данном случае, применительно к Таинству брака, подразумевается то, что верные и любящие супруги, соединенные «во едину плоть» венчанием, имеют обетование от Бога и после смерти обрести друг друга и свою любовь.

Table of Contents

[Юлия Вознесенская Жила-была старушка в зеленых башмаках...](#)

[История первая Этот дивный день рождения](#)

[История вторая Птичий грипп на троих](#)

[История третья Гибель и воскресение Титаника](#)

[История четвертая Черные розы для Юсуфа](#)

[История пятая Лето начинается в Оринке](#)

[История шестая Грядки в клетку](#)

[История седьмая Последние цветы](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)